

Надежда
Первухина
**КОРОЛЕВСТВО
НА ГРАНИ
НЕРВНОГО СРЫВА**

Annotation

Угораздило меня стать женой гения! И при этом звездной принцессой. Вечной, дрын еловый мне в печень! Но недолго я радовалась семейной жизни. Мой муж – герцог Альбино Монтессори, величайший поэт нашего времени, – скончался при странных обстоятельствах. И пусть он был подлецом, хладнокровным мерзавцем и самовлюбленным болваном, его смерть стала для всех потрясением. Но на этом неприятности не закончились: Оливия, дочь герцога, впала в летаргический сон, а меня объявили ведьмой. Жизнь в замке оказалась парализована, а народ маялся в печали, не зная, куда себя притулить.

О, святой Градусник! Кто, если не я, разберется во всем этом и наведет в королевстве порядок?..

- [Надежда Валентиновна Первухина](#)

- -
 - [Глава первая](#)
 - [Глава вторая](#)
 - [Глава третья](#)
 - [Глава четвертая](#)
 - [Глава пятая](#)
 - [Глава шестая](#)
 - [Глава седьмая](#)
 - [Глава восьмая](#)
 - [Глава девятая](#)
 - [Глава десятая](#)
 - [Глава одиннадцатая](#)
 - [Глава двенадцатая](#)
 - [Глава тринадцатая](#)
 - [Глава четырнадцатая](#)
 - [Интерлюдия](#)
 - [Глава пятнадцатая](#)
 - [Эпилог](#)
-

Надежда Валентиновна Первухина

Королевство на грани нервного срыва

Роман

© Н. Первухина, 2018

© ООО «Издательство АСТ», 2018

Посвящается Юлии.

Твоей улыбки достаточно для вдохновения.

Глава первая

От смеха до страха достаточно песни

– Ваша светлость!

– Э, да...

– И... Ваша светлость!!!

– Ну, какого дрына?

– Оливия, прекрати самовыражаться. Петруччо, вечно вы с обновкой – с разодранным локтем. Достаньте календарь, введите меня в курс – не так, как хрип-хипарь, а с чувством, с толком, с расстановкой. Что там у нас, Петруччо?

– Его светлость изволил передать, что весь день он будет в Скриптории и просил его не беспокоить.

– О, это легче легкого!

– Командор Виктор Мессало сожалеет, но учитель фехтования для вас вряд ли появится в замке в ближайшие три дня. Погода, дороги развезло...

– Ага, погода. Эта погода называется кабачок «Прекрасная Розина». Пусть мессер Виктор отправит туда кого-нибудь. Наверняка фехтовальщик там. Пусть ему объяснят, что не следует заставлять ждать двух высокородных синьор. Только не калечить. Все?

– Маэстро Рафачелли с нетерпением ждет госпожу Оливию на очередной сеанс.

– Дрын мне в спину, если я хочу, чтобы с меня писали портрет! Люци, вот зачем?

– Я хочу тебя обессмертить, дорогая. И к тому же у мессера Рафачелли девять детей, ему надо как-то зарабатывать им на хлеб.

– Давай просто дадим ему мешок денег и кастрируем, а портрет в топку?

– Оливия, это нерационально. К тому же у художника есть своя гордость... Петруччо, вы свободны. Ступайте, и пусть кто-нибудь из белошвеек заштопает ваш рукав.

– Да, госпожа. Хрип-хип – это пруха, рыцарей мочит хипарь Петруха!

– Жалко, что у нас крысиный яд закончился. Хрип-хип, надо же! И это в родовом поместье Монтессори!

– Забей.

– Петруччо откланялся. Вот уже и славно. Продолжим партию?

– Само собой, мамочка, – ехидно прищурилась Оливия.

Оливия – единственная дочь герцога Альбино Монтессори, великого поэта, гения, которого чтят не только на родине – в Старой Литании, но и по всему миру. Я же – Люция Монтессори, супруга герцога и мачеха Оливии. Мою падчерицу это чрезвычайно веселит, поскольку мы с ней одногодки, нам почти по шестнадцать. Скоро – пятого февраля – у нас день рождения, но в винные погреба мы регулярно наведываемся с тех пор, как отпраздновали Новый год. Домоправитель только разводит руками – я, будучи женой герцога, хозяйка всему, и дубликаты ключей от погребов у меня есть всегда. Только вы, далекий собеседник, не подумайте, что мы с Оливией – жуткие пьяницы. Мы вполне адекватные девчонки, но иногда любим подурачиться. Последний раз мы в погреба ходили не за вином. Мы надели простыни и с жуткими завываниями носились друг за дружкой. К нашему счастью, в погреб как раз спустились два поваренка. Теперь они так славно заикаются!

Но вернемся к настоящему моменту. В настоящий момент я и моя падчерица заняты игрой. Вполне благопристойной, если со стороны. Мы бросаем боевые дротики в днище дубовой бочки. Правда, тут сторонний наблюдатель может заинтересоваться тем, что бочка наполовину застряла в стене, и если зайти в комнату с другой стороны этой стены, верхней части бочки там не окажется. Дело в том, что на самом деле эта бочка – метаморфическая реальность, обладающая сознанием, находящаяся одновременно в четырнадцати измерениях, и по каким-то своим соображениям здесь принявшая форму бочки. Точнее, полубочки. Может быть, в какой-то реальности, она мраморная статуя прекрасной девы. Или поле брюквы. Или музыкальная шкатулка. Мессер Софус, наш общий друг, о коем еще будет немало сказано, рассмотрев это явление со всех сторон, развел лапками: девочки, многомерность еще никто не отменял. Скажите спасибо, что у вас в замке параллельные прямые прямо в спальнях или в уборных не пересекаются. А чтобы бочка не пропадала впустую, вот вам набор из двадцати боевых дротиков, расчертите днище и обучайтесь меткости, глазомеру и ловкости рук. Еще мессер Софус растолковал нам кое-что простенькое насчет индивидуальных гравитационных полей, силовых линий, световых волн, и игра у нас пошла полным ходом!

– Мой черед метать, – заявила Оливия и принялась покачивать вперед-назад рукой с дротиком. Я смотрела на это дело толерантно. Я шла впереди Оливии на восемь очков, так что можно было дать ей насладиться вкусом минутной победы.

Оливия метнула. Дротик полетел со свистом и вонзился в днище на

отметке «пять». В воздухе буйно запахло кишечными газами – бочка оценила меткость моей падчерицы, вот оно метаморфическое сознание, ничего святого нет!

– Гадство, – пробормотала Оливия. – Давай, Люция.

Я честно не стремилась обойти Оливию. Себе дороже. С тех пор как она стала сажать в оранжерее хищные травы и цветы-убийцы, а в одной из пустующих галерей замка оборудовала террариум, мне совершенно не улыбалась перспектива обнаружить в постели гремучую змею. Или кактус-самострел.

Поэтому я прицелилась и пустила дротик, отлично зная, что Оливия повлияет на него своим гравитационным полем и он воткнется в тройку. Ну и пусть. В этой игре мне была важна Оливия, а не победа.

Дротик воткнулся в тройку. С потолка мне на макушку упала довольно увесистая неприятная жаба. Оливия ядовито захихикала.

– На, – голосом, полным фальшивого отчаяния, молвила я и вручила ей жабу. – Подселишь в свой террариум.

Пока же жабу посадили в горшок с фикусом. Этот фикус был вообще многострадальный. Чего только в него не выливали и не выкидывали, а он все так же мирно краснел и буйно колосился. Правда, иногда плакал тоненьким голоском. Мне временами казалось, что он все-таки не из нашей реальности, хотя я абсолютно ничего не понимаю в фикусах, не мне судить. Может, у них, у фикусов, так полагается жить.

И тут наша игра была непотребнейшим образом нарушена.

Двери распахнулись, и на пороге комнаты объявился великий мастер кисти и резца Брунгильдус Рафачелли. Он стоял в своем алом берете с пышным плюмажем, в черном плаще с алым же подбоем и олицетворял собой глубочайшее возмущение.

– Дражайшая донна! – возопил он, обращаясь ко мне. – Я прибыл сюда, чтобы увековечить в красках лик вашей прелестной падчерицы. Сегодня должен быть сеанс. Я уже развел краски, и тут является этот наглый Петруччо, который, кстати, ворует у меня прекрасные колумбанские сигариллы, но это детали... Так вот, он заявляет, что сеанса не будет!

– Он лжет, маэстро, – наисмиреннейшим голосом молвила я. – Мы немедленно идем в вашу студию. Оливия, искусство не может ждать. Дротики в чехлы, протри лысину влажной салфеткой – и вперед, навстречу своему бессмертию!

Взгляд, коим одарила меня моя падчерица, не поддается никакому описанию. Боюсь, где-то далеко-далеко взорвалась еще одна галактика,

такая мощная негативная энергия была аккумулирована в этом взгляде. И даже у меня ухо зачесалось.

Студией маэстро Рафачелли была самая светлая комната на втором этаже замка. Маэстро хотел (и справедливо) создать шедевр – и деньги достойные, и слава среди современников и потомков. Все пригодится. Именно поэтому в студии, помимо мольбертов, этюдников, мастихинов, ящичков с красками, имелись старинные резные кресла из черного дерева, задрапированные разными дорогушими тканями, серебряные блюда и кувшины, обвитые шелковыми цветами, и прочий антураж, в коем моя падчерица должна была блистать, как алмаз в бархатном футляре.

Да, но сигариллы?! Неужели этот прыщавый хрип-хипарь Петруччо тоже их таскает? Надо его зажать в каком-нибудь особо темном углу и доходчиво объяснить, что позволяемое хозяйке замка не позволено какому-то хрип-хипарю и полному балбесу. А то как-то совсем некрасиво получается.

– Я не одета для сеанса, – в последний раз решила отлынить Оливия, но я развернула ее от выхода железной рукой:

– Твое платье во-он там.

«Во-он там» стояла старинная ширма красного дерева, и Оливия прекрасно знала, что за нею находится. Парадное платье дочери герцога Альбино Монтеessori – это были не просто слова. Надеть его Оливия могла только с посторонней помощью – моей, подобно рыцарю, которого оруженосец облачает в парадные доспехи.

Маэстро радостно кинулся растирать краски и создавать антураж, а мы зашли за ширму. Я принялась раздевать Оливию.

– Я тебе этого никогда не прощу, – пообещала Оливия.

– Конечно.

– Я отомщу. Страшно отомщу.

– Не сомневаюсь.

– Не трогай панталоны! Они все равно не видны под нижними юбками!

– Судя по своеобразному аромату, ты носишь эти панталоны уже... неделю?

– Всего-то три дня! Четыре. Ну хорошо, да, неделю.

– Оливия, что милая Сюзанна говорила нам о повседневной гигиене юной девушки?

– Ты крыса. Мерзкая, кривоносая, старая крыса, которую запекли в сухарях!

– Безумно оригинально, но после сеанса я запихну тебя в ванну и

лично проверю количество свежего белья в твоём комодe.

– И политая гнойным соусом!

– Да-да, как тебе будет угодно. Корсет надевай, пожалуйста. Не наизнанку, а то замуж никто не возьмет. Ох, зачем я только это сказала!

Маэстро деликатно покашлял, намекая, что мы слишком долго возимся.

– Минутку, маэстро! – крикнула я из-за ширмы. – Нам остались только гербовая лента и туфли.

– А геннин? – взволновался маэстро. – Разве геннин вы не станете надевать? Или хотя бы кружевную накидку?

– Повторяю, – прорычала Оливия так, что ширма опасно закачалась. – Я буду на портрете лысой! Я и в гроб сойду лысой! Такова моя воля!

Наконец мы вышли из-за ширмы. Точнее, я вышла, а Оливия медленно выплыла, как тяжело груженная баржа. Дело в том, что парадное платье герцогини сшито из исключительно тяжелого рытого бархата и золотой, колючей парчи. Весь корсаж так заткан алмазами и жемчугами, что они напоминают кольчугу, а не какой-нибудь узор. И без того скромная грудь Оливии за этой кольчугой скрылась окончательно, но мало того, сверху надевалось многоступенчатое ожерелье из различных драгоценных камней. Благодаря ежедневной гимнастике, которую я заставляю Оливию делать, шея ее стала достаточно крепкой. Как и все остальное тело – гибкое, сильное, стройное и изящное. Теперь уже не узнать в этой девушке, грациозностью напоминающей пантеру, ужасную калеку, уродца, которой брезговал даже собственный отец. Когда я появилась под сводами Кастелло ди ла Перла в качестве компаньонки для больной девочки, я еще не представляла, кем для нее стану. А главное, кем она для меня станет...

Кхм, вернемся к костюму. К плечам сзади крепился кунтуш – накидка, подбитая голубой норкой. Да, еще наискосок шла гербовая лента из темного муара с вытканым гербом герцогов Монтессори. Пожалуй, все, включая длинные шелковые перчатки и туфли (тоже сплошная парча).

Маэстро оглядел Оливию и изрек:

– Сплендидо! Великолепно! Вы, ваша светлость, должны почаще надевать свой парадный костюм – это сразу зажигает в ваших глазах сияние высокородности и придает вашей осанке воистину божественную стройность!

Для пущей «божественности» осанки я Оливии за спину стальную линейку сунула. Мне за это крепко влетит после сеанса, но сейчас Оливия уже смирилась и решила терпеть два часа в парадном платье, чтобы потом предать меня лютой, мучительной казни. Казнь она за два часа продумает

во всех подробностях, я уверена. Что ж, у меня тоже есть время придумать, как этой казни избежать.

Я скромно села в уголке студии возле ширмы, чтобы наблюдать сразу и за маэстро и за Оливией. Оливия восседала в старинном кресле и впрямь как какая-нибудь древняя богиня, у ее ног маэстро разместил раскрытый ларец с самоцветами, серебряные кувшины и венок из шелковых роз – все это символизировало богатство рода Монтессори и красоту самой Оливии. Я находила это вычурным и помпезным, но Рафачелли – художник, он так видит.

Наступила тишина, нарушаемая только шорохом кисти маэстро и его приглушенными восклицаниями – так он общался со своим творческим гением. Я внимательно посмотрела на Оливию – глаза ее были задумчивы и бездонны. Значит, она находится в процессе Сочинения Большой Каверзы. А я вдруг почувствовала себя ужасно сонной, что было совершенно не ко времени. Вот такой сонной, вялой и любящей весь мир, меня и сцапает Оливия, подложивши в постель ту же жабу или иглобрюхого геккона (живет у нее в террариуме, редкий экземпляр неповторимого уродства). Оливия прямо обожает этого геккона: у него, мол, потрясающий яд, парализующий человека на несколько часов, достаточно легкого укола одной иглой. И взглядом своим он может вызвать приступ истерии. И даже какашки у него ядовитые – ни вкуса, ни запаха, – подсыпал врагу в суп, нет больше врага. В моем случае до какашек, конечно, дело не дойдет, но...

– Мне скучно, – капризно заявила Оливия. – Я тут сижу, как кукла фарфоровая, а вы развлекаетесь!

– Оливия, – тоном взрослой, сугубо разумной тетюшки молвила я. – Маэстро работает, а я-то как могу развлечься, по твоему мнению? Дырки в гобелене считать?

– Вот-вот, – иногда у Оливии бывает о-очень противный голосок. – У тебя хоть есть возможность считать дырки в гобелене! Прикажи позвать этого... с непроизносимым именем... певца из малых северных стран!

– Гусляра Вржика Држабарду? – ахнула я. – Но ведь это чистый разбойник с большой дороги! И то он стал чистым, когда его отмочили в трех бочках кипятку со щелоком. И он еще при этом орал на нас, что мы лишаем его ценных вшей, которые вдохновляют его на творчество! Не знаю, чего ради герцог позволил этому бандиту кормиться в замке вот уже вторую неделю! А эти... гусли, я так и не поняла – музицирует он на них или пытается врагов!

– Вот и давай это выясним, – не сдалась Оливия. – Маэстро весь ушел

в творчество, а у меня чешутся пятки.

– Я немедленно почешу тебе пятки, только давай не будем трогать гусяра!

– А я хочу, – тон Оливии стал совсем уж беспардонным.

– Исцелитель нам помощи, – вздохнула я, дернула за сонетку и сказала явившейся служанке:

– Пусть сюда приведут гусяра, ну, того самого...

– О-о-ой, – обесцветилась от ужаса служанка.

– Передай это Теобальду и Марселино, они крепкие мужики, пусть его приведут и стоят на страже. И вооружатся боевыми мечами. Двуручными!

– Да, герцогиня.

Служанка исчезла. На лице Оливии заиграла мстительная ухмылка, которую заметил даже художник:

– О прекрасная донья, умоляю вас, перестаньте улыбаться! Я как раз работаю над контуром губ, а от такой улыбки я вспоминаю, что у меня четыре непогашенных кредита!

– Оливия! – рявкнула я. – Прекрати, ты герцогиня в конце концов! Маэстро, можете не волноваться – я погашу ваши кредиты, как только вы завершите работу над портретом моей неумной падчерицы.

– Благодарю вас, донна Люция, – поклонился в мою сторону Рафачелли. – В творческих кругах вы недаром слывете покровительницей искусства. Если бы я мог вас изваять в мраморе... У вас такие линии бедер...

– Не отвлекайтесь на мои бедра, маэстро, – светски улыбнулась я. – Сейчас меня волнует только портрет Оливии. А там поглядим, кого можно будет еще написать или изваять.

В дверь постучали.

– Да, – молвила я.

Вошли мрачные Теобальд и Марселино, фигурами напоминавшие медведей и обвешанные холодным оружием, как майское дерево – лентами. Меж ними обретался гусяр Вржик, а то, что висело у него на поясе и гудело, полагаю, было его музыкальным инструментом.

Теобальд и Марселино поклонились мне, дав по подзатыльнику гусяру, так что он тоже, считай, поклонился.

– Госпожа, – прогудели они.

– Добрый день, мессеры, – улыбнулась я им. – Моя милая падчерица возжелала услышать песнопения нашего гостя. Пожалуйста, посадите его...

– На кол?! – обрадовались недотепистые мужики.

– Вот на эту скамью. Прекрасно. Теперь я поняла, где у него перед. Добрый день, Вржик.

– Пшбжегжебже, – отвечал из-под обилия седых волос наш гость и сверкнул глазами. Они были круглые и желтые, как у филина, но я решила не заострять на этом своего внимания.

– Достопочтенный Вржик. Мы с моей падчерицей давно мечтали насладиться вашим исполнительским талантом...

– Попсу не лабаю, – вполне внятно прорычал Вржик.

– И прекрасно, – молитвенно сложила руки я. – Нам что-нибудь из вашего постоянного... репертуара.

– По ходу, ты баба с мозгами, ценишь высокое, вечное, – Вржик стал производить сложные манипуляции со своим инструментом: – Ща настрою.

– Дрын-брын, гусельки, – вдруг подал он хорошим баритоном. – Золотые струночки, ах, вы не рвитесь, не ломайтесь, мне, хозяину, подчиняйтесь!

И провел пальцами по ряду струн.

Это было... весьма мелодично. Даже, можно сказать, талантливо. Глаза Вржика снова сверкнули, словно желтые топазы.

– То была не песенка, то была припевочка, ты не бойся в лес ходить, красна девочка! Что ж, благородные господа, послушайте скромного барда из далекой северной страны. В стране у нас разные песни поют. Иной раз такие:

Был у меня дружбан,
Мог выпить водки жбан.
Однажды он выпил метиловый спирт,
На небе теперь грустит.

Теобальд и Марселино сдавленно гугукнули, что должно было означать рьяный мужской хохот. Но на службе они не могли себе это позволить. Вот в замковой казарме они обязательно процитируют сей шедевр, и он обретет там бессмертную популярность.

– Продолжать ли мне, прекрасные дамы? – видимо, бард вошел в образ окончательно и поведение выбрал соответствующее.

– Пожалуйста, – кивнула я.

– Конечно, сударыни, то, что я сейчас пропел, не для нежных дамских ушек. Это вон вашим медведям под стать. Так что для вас спою рок-балладу.

– Рок?! – удивилась я. – Первый раз слышу. Почему рок?
– Потому что это о неотвратимости рока и казни судьбы. Это очень старинная баллада. И правильно пою ее только я.
– Хорошо, – кивнула я. На свое горе кивнула.
Гусли словно превратились вдруг в огромный орган – такое богатство звуков бард Вржик извлек из них за одно мгновение. Глаза его снова засверкали бледно-желтым и уж больше не гасли, пока он пел:

Время.
Это лекарь, который не лечит,
Душевных ран он не лечит,
Давних клятв он не отменяет,
Только губит и терзает сердце.
Оно словно голос в пустоте
Или голос самой пустоты.
Кажется, что оно дает,
Но на самом деле оно отнимает.
Жил на свете один поэт,
Но стихов его не читали,
Талант его не превозносили,
И был он одинок, беден и несчастен.
Полюбила его девушка простая,
Что носила ему молоко из деревни.
Он читал ей стихи и плакал,
Что не ценят его таланта.
И было ей так его жалко,
Что однажды она спросила:
«Что ты сделал бы тому человеку,
Который бы тебя прославил?»
Загорелись глаза у поэта:
«Если б человек такой нашелся,
Был бы он отцом мне, коль он старец,
Матерью – коль старица святая,
Братом – коль мужчина и ровесник,
А девица – милою женою!» —
«Обещаешь ли ты это и клянешься,
И от слов своих не отречешься,
Коли станешь знаменитым в мире?» —
Тихо его девица спросила.

«Обещаю это и клянуся,
И от слов не будет отречения,
Даже если стану знаменитым!»
Ничего девица не сказала
И ушла, не оглянувшись даже.
Он ее ухода не заметил,
Грезил он о славе и бессмертье.
Молоко носить ему стал мальчик,
Брат девицы, что его любила.
Мальчик тот немой был от рожденья
И не мог сказать: сестра исчезла.
И никто не ведает – жива ли.
А девица – любящее сердце —
В лес пошла, куда живой не ходит,
Через Костяную гору, чрез болота,
И пришла на Черную поляну.
Там изба стояла золотая,
Вся как есть из золотых из слитков.
А в избе жила слепая ведьма.
Подошла та девица к порогу,
А уж ведьма двери открывает:
«Чую, пахнет духом человеческим
Да еще девицей непорочной.
Что пришла? Да, впрочем, мне известно.
Любишь ты пустого человека,
И ему ценней слова пустые
Всей земли, и неба, и всей жизни.
У тебя же сердце словно солнце
И душа – второй такой уж нету.
И ты хочешь ради стихоплета
Погубить такое достоянье?
Уходи, найди себе другого,
Чтобы сердцем тоже был горячий,
Чтоб любил тебя со всею силой,
Чтоб берег тебя сильнее святыни.
Ну, постой, подумай на пороге.
Коль войдешь, возврата уж не будет,
Совершу я колдовские чары —
И любимый твой получит славу,

Знатность и богатство – все, что жаждет.
Ты же мне заплатишь и прослужишь
У меня служанкою три года.
Если же сбежать ты вдруг решишься,
Превратишься в золотой кирпичик,
И вложу тебя в свою я стену».

Помертвела в ужасе девица,
Но порог, вздохнув, переступила.
И захохотала злая ведьма,
И сказала нужное заклятье.
Три года служила ведьме девица,
Выплакала давно все слезы,
Потеряла молодые силы.
Волосы ее стали снегом белым,
Нежная кожа огрубела,
Алые губы истлели,
Словно стала она мертвецом ходячим.
Но однажды ведьма ей сказала:
«Закончился срок твоей службы,
Отпускаю я тебя на волю.
Верно и честно ты служила,
За то будет тебе моя награда:
Красота к тебе не вернется,
Но кто ждет тебя, тот тебя дождется».

Поклонилась ведьме девица
И домой, сияя, поспешила.
Думала она, что ее любимый
Ждет ее и помнит обещанье.
Вот она в деревню воротилась...
Только больше нет родной деревни,
На месте ее колосится поле,
А стояла где изба родная,
Лишь шалашик лепится убогий.
Подошла к шалашику девица,
Ей навстречу вышел ветхий старец,
Поглядел ей в очи и заплакал.
«Кто ты?» – в страхе молвила девица,
А потом в лицо его вгляделась
И великим криком закричала:

То был ее милый младший братец,
Ждал ее он вовсе не три года,
Девяносто лет прошло за время,
Что она у ведьмы прослужила.
Все уже давно поумирали,
Но молил он Небо, чтоб дожждаться,
И дождался он сестры любимой.
В горе же обрел он слух и голос
И изрек сестре: «Моя родная!
Ты ушла любви своей за-ради,
Но тебя он вовсе не достоин!
Получил он славу и богатство
И обрел бессмертье с красотою.
Видишь замок с крепостной стеною?
То его покои, где вседневно
Тысячи гостей его возносят.
Стихословия его прекрасны,
Сердце ж его черно и жестоко.
Это он сгубил деревню нашу,
Чтоб посеять здесь ржаное поле,
Чтобы этим полем любоваться,
Когда осеняет вдохновенье.
Мне же он остаться здесь позволил,
Чтоб его служил я вдохновенью.
О тебе ни разу он не вспомнил.
Ты зазря свой подвиг совершила».
Горько зарыдала та девица,
Но потом скрепилась и сказала:
«Дал он клятву мне, и я напому,
Что пришло той клятвы исполнение.
Отведи меня в его жилище».
Слуги на порог их не пускали —
Шло в то время пиршество большое.
Но потом решили их для смеха
В зал впустить, где бражничали гости.
Как они увидели двух нищих,
То еще сильнее захохотали.
А поэт надменно им промолвил:
«Кто такие вы и что вам надо?»

«Ты не узнаешь меня, любимый? —
Молвила несчастная девица. —
Время для тебя не изменилось,
Ты все так же молод и прекрасен,
Но всем этим ты лишь мне обязан.
Я служила окаянной ведьме,
Красоту и силу потеряла,
Чтобы ты обрел желанную славу,
Почести, богатство и бессмертье.
Так теперь исполни свою клятву.
Клялся ты, что ежели девица
Станет для тебя истоком славы,
Сделаешь ее женою лю`бой.
Так женись на мне, сыграем свадьбу,
А потом пиши о сем балладу,
Как ты честь свою не опорочил». —
«Старая и лживая ты шлюха! —
Закричал поэт, плюясь от гнева. —
В голове твоей, наверно, черви,
Коль несешь ты такие бредни.
Никогда я в жизни так не клялся,
Сам всего трудом своим добился!
Быть же мне любимой женою
Ни одна на свете недостойна!
Прочь подите, палкою их, слуги!»
Помолчала бедная, спросила:
«Может быть, ты хочешь передумать
И твое не очерствело сердце?» —
«Передумал. Пусть сейчас вас схватят,
А потом собаками затравят». —
«В третий раз тебя я вопрошаю...» —
«В третий раз – пусть вас сожгут в овине».
Глубоко вздохнув, она сказала:
«Недостойн ты моей любви,
Жертва моя совершилась впусе.
Но не впусе ведьме я служила.
Мне она дала одно заветье:
Ты и все сидящие – сидите
В этом замке сто веков, не меньше.

С места не сойти вам, в головах же
Пусть у вас кишат слепые черви,
Пусть утробу черви вам изложут,
И опять вся пытка повторится.
А тебе – отдельное заклятье:
Приходить к тебе поэмы будут
И стихи, но ты их не запишешь,
Руки твои плетями иссохнут,
Очи твои вытекут на щеки,
Голос твой рассыплется как пепел.
И так будет всякому поэту,
Кто кого-то предал, иль обидел,
Иль нарушил собственную клятву!»
И она исчезла словно ветер,
Брат ее бродяжничать пустился,
И с тех пор никто его не видел.

Мы осознали, что бард закончил свою балладу только много-много минут спустя, когда маэстро Рафачелли упал в обморок, опрокинув мольберт. Лишь тогда я опомнилась и посмотрела на Оливию. Она не дышала, лицо ее посинело, глаза закатились! О Исцелитель! Я бросилась к ней, сорвала тяжелое ожерелье, рванула корсет так, что алмазы горохом застучали по полу, принялась похлопывать Оливию по щекам:

– Очнись, миленькая, родненькая, очнись!

Не помогало. Тогда я подхватила ее на руки и уложила прямо на пол. Стащив корсет и расстегнув все пуговицы на платье, я принялась делать Оливии массаж сердца и искусственное дыхание. Через несколько минут она судорожно вдохнула:

– Мама!

Впервые я услышала от нее это слово. Я поняла, что произнесла она его в состоянии шока. Дело плохо.

– Оливия, дыши!

Я приподняла ее и положила голову Оливии себе на колени. В это время очнулся маэстро Рафачелли. Он, пошатываясь, подошел к нам и сказал:

– Чем я могу помочь, донна Люция?

– Принесите воды.

Маэстро заметался по комнате и вдруг вскрикнул:

– Донна Люция, ваша охрана тоже лежит без чувств! А этот певец пропал! Он, верно, испугался того, как мы все лишились сознания и сбежал!

– Об этом позже, сейчас надо, чтобы Оливия окончательно пришла в себя. Так что там с водой? Вон кувшин стоит, что в нем?!

– Ох, вино... Воды нет.

– Все равно, наполните бокал и тащите сюда!

Оливия открыла глаза, ощутив у губ край серебряного бокала.

– Оливия, выпей, это вино. Ну, хоть несколько капель!

– Нет, – отшатнулась Оливия, оттолкнула рукой бокал, и он вылетел у меня из пальцев, расплескивая вино по одежде и ковру. – Это смерть, это смерть пришла за мной!

– Оливия, это же я, твоя Люция!

И вдруг моя падчерица вскочила, завопив так, словно ее прижгли каленым железом:

– Смерть здесь! Смерть! И могильные черви! Мне страшно, страшно, спрячьте меня куда-нибудь!

И упала как подкошенная. Я подскочила к ней, леденея от ужаса. Но, слава святой Мензурке, она дышала, бледность ушла с ее щек. Она... заснула?

– Маэстро, – позвала художника я, а сама вскочила и принялась отчаянно дергать за сонетку колокольчика, призывая слуг: – Помогите мне привести в чувство охранников, pronto.

– Уже, – ответил художник.

Теобальд и Марселино стояли у дверей покачиваясь, словно каждый из них выпил по бочонку крепчайшего чернохмельного пива. Лица у них были бледные, растерянные и еще как будто обиженные, словно их обманул карточный шулер, а они не успели оторвать ему руки и ноги.

– Мессеры, – сказала я. – Куда делся певец? Как вы его упустили?

– Ваша светлость, – развел руками Теобальд. – Так он в коридор ушел.

– Какой коридор? – рассвирепела я. – Он тут своей балладой всех чуть не прикончил! Ищите его по всему замку и немедленно волоките ко мне!

– Этот коридор не в замке, – развел руками и Марселино. – Он, как петь закончил, рукой перед собой знак начертил, и образовался коридор. Светящийся. Прямо перед ним. Он туда шагнул и сказал только: «Я ее брат».

– Он сказал еще: «Она пришла». И все.

– Ничего не понимаю, – пробормотала я. – О святой Градусник! Да эту балладу он о *своей* сестре пел и о себе! Да, но почему? Почему нам?

Вбежали две горничные.

– Сто лет вас жду, распустехи! – рявкнула я. – Госпоже Оливии дурно! Помогите мне отнести ее в покои! И кто-нибудь потом сбегайте за Сюзанной! Она нужна мне немедленно! Парни, идите на кухню, и пусть вас как следует накормят и дадут вдоволь выпить чернохмельного. Маэстро...

– Я позабочусь о себе сам, не беспокойтесь, – замахал руками маэстро.

– Благодарю.

С помощью служанок мы отнесли Оливию в ее спальню. Сюзанна уже ждала нас там. Она помогла мне раздеть падчерицу и облачить ее в простую сорочку; почувствовав, что у Оливии жар, она принялась обтирать ее теплой водой с несколькими каплями уксуса и лимонного масла.

– Розы, ты иди и приготовь отвар из укрепляющих трав, я тебя учила, – велела она одной служанке. – А ты, Белинда, одевайся потеплее и бери двуколку – поедешь в Торренто за доктором Гренуалем. Торопитесь. Дело плохо.

Служанки вымелись из комнаты как две пылинки. Я посмотрела на Сюзанну.

– Мама, я ничего не понимаю, – проговорила я.

Да, Сюзанна – моя здешняя биологическая мать. Хотя начинала я жить в качестве сироты. Хм, запутанно получается. Но дело в том, что вообще я не с этой Планеты и даже не из этой вселенной. Вы же в курсе, что вселенных, как параллельных, так и перпендикулярных, бесконечное множество, и называется это *Все Сущее*. Так вот, моя родная планета называется Нимб, находится в антисингулярности, и там я являюсь старшей звездной принцессой, по имени Ай-Кеаль. Тамошняя вселенная находится в состоянии перманентной войны, и пока моя младшая сестра Ай-Серез оплакивала гибель нашей матери-королевы от лап продажных генералов, я струсила и ушла во вневекторное подпространство. Давайте я не буду вам объяснять, что это такое, а просто скажу, что прошла обратный цикл развития и человеческим эмбрионом внедрилась в чрево Сюзанны, напроочь забыв о своем звездном прошлом. Сюзанна тогда была молода и состояла в незаконной связи с Фигаро, который, естественно, тоже был молод и на тот момент состоял в браке. Вот тут и подселась я. Сюзанна скрыла свою беременность от всех в замке и в метельный месяц февруарий отправилась рожать меня в заброшенную, замороженную часовню. Она не могла меня убить, она была полна любви и жалости, но также она не могла прийти с ребенком в замок, ведь женщину, родившую без мужа, по местному закону побивают камнями. Сюзанна закутала меня в пеленки и

одеяла, положила в корзинку и оставила на пороге трактира «Рог и Единорог». Трактирщица умягчилась ко мне сердцем, а когда я достаточно подросла и проявила сообразительность не только в выливании помоев, мытье полов и пивных кружек, она решила отдать меня в девичий пансион при аббатстве Святого Сердца, что было с ее стороны серьезным актом милосердия. В пансионе я выросла адской хулиганкой, но и ума мне было не занимать, видимо, за эту гремучую смесь меня выбрал герцог и поэт Альбино Монтеessori в компаньонки к своей дочери Оливии. Оливия тоже оторва каких мало, так что здесь мы сошлись. Только раньше она страдала тяжелой врожденной болезнью, и великий поэт Альбино Монтеessori за человека ее не считал. Однако, когда в Кастелло ди ла Перла появилась компаньонка Люция Веронезе, все сильно изменилось. Во-первых, сама не подозревая о своем звездном начале, я сумела полностью исцелить Оливию от ее уродства. Кстати, с недавних пор мы обе вечны, и моя кровь способна оживлять, так что я довольно ценное существо для замка (герцог об этих способностях не знает, да я особо и не распространяюсь). Когда же замок оказался под угрозой продажи всяким галактическим риелторам и выходом было только бракосочетание с принцессой, я вовремя подсуежилась и женила герцога на себе. Чтоб сохранить замок. Ведь это не просто замок, а Абсолютный Ноль, точка пересечения множества пространств (на деле это практически незаметно, ну разве бочка для дровиков и синяя светящаяся плесень, которая тихо поет себе в уголке кладовой с моющими средствами). А с Сюзанной мы неукоснительно храним нашу тайну матери и дочери. Не дай Исцелитель, папа Фигаро узнает! К тому же внебрачные роды – преступление без срока давности, и я не хочу гибели Сюзанны, я уж лучше всю нашу Старую Литанию термоядерной энергией из глаз выжгу, у меня энергии-то немерено, как светлой, так и темной...

Да, но что же моя милая Оливия? Сюзанна хлопочет над ней, но та стала вялой и гибкой, будто лишилась костей и спит!

– Мама, что с ней? – я ласково погладила падчерицу по лысине. – Девочка моя бедная, опять на нее какая-то болячка свалилась!

– Знаешь, доченька, – молвила Сюзанна. – Если бы ты не разубедила меня в том, что магия и волшебство существуют и действуют, я бы сказала, что это порча. Что на госпожу Оливию навели сильные сонные чары. Но поскольку ты прочла мне целый курс лекций о видах энергии, материи и этой... как ее...

– Теории относительности?

– Во-во. Какая тут теперь может быть магия. Сейчас одно могу сказать – девочка наша вроде как спит, но очень-очень глубоко. Оливия, милочка,

проснись!

Сюзанна с наивозможнейшей деликатностью потрясла Оливию за плечико. Я, куда менее деликатно, похлопала ее по щекам. Бесполезно. Она лежала спокойно, жар, слава уксусу и лимонному маслу, спал; дыхание ее было глубоким и ровным, никаких судорог, метаний, бреда...

– Ваша светлость, – дверь приоткрылась, явив нам юную горничную Полетту и некую тень, маячившую за ней. – Прибыл мессер Гренуаль.

– Дотторе, прошу вас, – я подскочила к двери и распахнула ее. – Ситуация чрезвычайная.

Дотторе Гренуаль был человеком исполненным тела и посему неторопливым. Внеся в комнату свой исполинский живот и не менее исполинский саквояж, он достал белоснежный муслиновый платок также исполинского размера и с чувством высморкался. И лишь тогда изобразил галатнейший поклон:

– Герцогиня, счастлив видеть вас в добром здравии. Признаться, я полагал, что меня вызвали принимать новую жизнь, но...

– О нет. Нет, – я энергично замотала головой. – Здесь никто не беременен и уж точно не собирается рожать. Случай совершенно иной, непонятный, но от этого не менее опасный для здоровья. Пострадала моя падчерица Оливия. Вот взгляните.

Доктор поправил золотое пенсне на мясистом носу и склонился над ложем страдальцы. Понюхал ее дыхание, взял руку, принялся считать пульс.

– Так-так... Весьма-весьма... Что нам говорит анамнез...

– Да, – подхватила я. – Что в анамнезе, дотторе?

Медицинской терминологией меня не срубишь. Я даже могу прочесть, что они пишут в своих рецептах. Звездная принцесса я или доярка, в конце концов?

– Мня-мня-мня, – невразумительно замялся дотторе. – Скажите, ваша светлость, не страдала ли милая Оливия ипохондрией или, упаси Исцелитель, глубоко... глубоко скрытой, таксзть, латентной депрессией?

– Кто угодно, только не она! Оливия – сама радость, веселье и проказы! Она слишком юна для депрессии!

– Не скажите, отрочество – опасный возраст. Может быть, на людях она, мня-мня, вела себя адекватно, такскзть, пела, веселилась, а в одиночестве предавалась мрачным мыслям, суицидальным желаниям? Это, знаете ли...

– Знаю, – отрезала я. – Может, раньше у нее и были мрачные мысли. Когда она была одна. Но с тех пор как мы вдвоем, мрачные мысли у нас

появляются только тогда, когда домоправитель снова меняет замки на винных погребах!

– Вы что же, пьете?! – отшатнулся доктор Гренуаль. – Спаси Исцелитель! В столь юном возрасте! И вы, герцогиня, вам же еще рожать наследников мессеру Альбино, а алкоголь негативно влияет...

– Рожать от Альбино? Я лучше сопьюсь, – тихо пробормотала я. Уж слишком крамольной была эта фраза. И продолжила: – Дотторе, я не понимаю, какое все это имеет отношение к тому, что моя падчерица погрузилась в глубокий сон. Убей святой Градусник, не пойму!

– Мня-мня, я предполагаю, но вообще-то лучше бы собрать консилиум, на худой конец, коллоквиум...

– Мне достаточно вашего мнения. Коллоквиум мне не прокормить.

– Ваша светлость, боюсь, юная герцогиня Оливия страдала глубоко скрытым, подавленным страхом, который находился в ее подсознании с самого детства, ведь она была, таксзть, калеккой, уродом... И в некий момент особого эмоционального воздействия, например фрустрации, испуга, ужаса, ее подсознание вырвалось на свободу и стало управлять всем организмом. Как видите, она спит, но это не простой сон. Это летаргический сон.

– Вы уверены, дотторе?

– В медицине, ваша светлость, ни в чем нельзя быть уверенным, даже когда лечишь грибок ногтей. Лечишь грибок ногтей, а пациент вдруг помирает от сердечной недостаточности... Хм-хм, пардон, отвлекся... Вы пытались ее разбудить?

– Да, слегка хлопали по щекам и трясли за плечи.

– А вот так?

И наш деликатнейший дотторе ущипнул Оливию с такой силой, что на ее нежной коже мгновенно появился синяк.

– Вы что себе позволяете?! – приглушенно заорала я.

– Это было необходимо, – пробормотал доктор. – Она не реагирует. Дыхание ровное, конечности вялые, глазные яблоки не двигаются. Да, это не сопорозус. Это летаргия. Феноменально! Герцогиня, надеюсь, вы позволите мне ежечасно пребывать при вашей падчерице, ведь летаргический сон – явление уникальное...

– А вам как раз надо писать магистерскую диссертацию...

– Академическую, ваша светлость.

– Так. Все ясно. То есть ничего не ясно. Как вывести Оливию из этого сна? Если уж ваши кошмарные щипки не помогают?

– В том-то и заключается уникальность летаргического состояния, что

больной не реагирует ни на какие внешние раздражители. И если я возьму раскаленную кочергу...

– Она немедленно окажется у вас в анусе, дотторе. Я не потерплю никаких членовредительских экспериментов надо моей доч... падчерицей. Заявляю раз и навсегда.

– Я только хотел сказать, – обиженно пробубнил дотторе. – Что ваша падчерица может пребывать в этом сне не просто дни и недели, но месяцы и годы. Единственный описанный случай летаргического сна случился в Росском царстве. Там плотник упал с крыши и, не получив ни малейших повреждений, моментально погрузился в летаргический сон. Он проспал в больнице под наблюдением врачей двадцать два года, после чего проснулся и сказал: «Я все ваши речи слышал, похабники, а ответить не мог. Лучше б я помер», после чего действительно немедленно скончался.

– Как же он получал пищу и воду во сне, справлял нужду?

– Все исключительно при помощи каучуковых трубок, присоединенных к его желудку и интимным отверстиям.

Я поежилась.

– Значит, моя Оливия может пролежать двадцать два года во сне? Во сне будет расти, созреть, стареть?

– Увы... Возможно, меньше. Возможно, я найду способ пробудить вашу падчерицу ото сна. Я займусь этим лично и положу на это все силы.

– Надеюсь, дотторе, ваши слова не имеют двойного смысла. Насчет сил. Что ж, с этого момента вы – личный врач герцогов Монтессори. Прошу вас не покидать замка, разве что для покупки медикаментов и... ну, тех же зондов. Деньги вам немедленно выдаст домоправитель.

– Благодарю, ваша светлость. Большая честь, ваша светлость... А ваш супруг знает о постигшей его дочь болезни?

Я хлопнула себя по лбу:

– Дрын еловый, а о супруге-то я и забыла! Он нынче намеревался творить в гордом одиночестве, видно, придется нарушить его творческий полет. Сюзанна, дорогая, прошу вас, проводите доктора к Фигаро, дабы он получил аванс, и проследите, чтобы ему приготовили покои. Камин, ванна, белье, трехразовое питание, вино, закуски, вай-фай – *ох, это не отсюда!* – в общем, все как полагается в нашем старом добром замке. А я пойду навестить дражайшего супруга в его Скриптории.

Скрипторий находился как раз под винными погребами. Была я там только один раз, и то недолго, – это был как бы подарок моего супруга на медовый месяц: он позволил мне побывать в его святилище.

В святилище царили дикий холод, сумрак и такая тишина, что у меня

скулы свело от какого-то первобытного ужаса – абсолютная тишина не царит ведь даже в космосе! Потому что космос – это не то, что вы о нем думаете и, как вам кажется, наблюдаете. Это Все Сущее, включая антиматерию. Она просто Антисущее. Вот как хотите, так и разбирайтесь в этом. А меня мессер Софус насчет сего просветил, и я склонна ему доверять.

Я поцеловала Оливию в кончик носа, пробормотав: «Я скоро вернусь, моя засранка», – и вышла в галерею, приказав горничной принести мне мой самый теплый меховой плащ, шапку и перчатки. Она нагнала меня на лестнице, ведущей в Скрипторий, получила легкий выговор за нерасторопность и похвалу за сообразительность – с собой она прихватила входящие в моду у местной знати российские валенки. Это очень теплая, практичная и красивая обувь, и кстати дорогушая. За пару валенок эти россы дерут на рынке, как за фарфоровый сервиз из Яшмовой империи. Но сервиз зимой не греет, а вот валенки – да. Тем более что зимы в Старой Литании и сопредельных государствах становятся все суровее. Говорят, это какое-то глобальное похолодание на всей нашей Планете.

Утеплившись и взяв из держателя на стене масляный фонарь, я стала спускаться вниз. Скоро лицом я ощутила холод, а свет фонаря выхватывал узоры инея на облицованных темным гранитом стенах и ступенях. Мне казалось, что я спускаюсь в погребальный зал какого-нибудь древнего владыки и сейчас его забальзамированный и обмотанный саваном прах выскочит навстречу, потрясая костями и клацая челюстью. В иные мгновения этот образ вызвал бы у меня хохот, но сейчас, с учетом странной болезни, приключившейся с Оливией, мне было совсем не до смеха.

Наконец я очутилась в зале с колоннами – преддверии Скриптория. На полу, едва на него упал свет моей лампы, засверкали буквы из неизвестного минерала, вкрапленного в гранит: «Здесь никто никого не ждет». Это было правдой – гордыня, холодность и честолюбие герцога Альбино гнали от него всех, кто пытался к нему приблизиться с дружеской улыбкой. Этот человек уже при жизни стал гранитной статуей самому себе, и самым удивительным было то, как этот гранит мог исторгать, то есть писать стихи, исполненные тепла, любви, милосердия, доброты, верности – всех добродетелей, какие только может представить человечество. Я подозревала, что он болен особым заболеванием, в котором сознание человека разделяется на несколько независимых друг от друга личностей. Слышала я от мессера Софуса рассказ о парне из одной Солнечной системы, у которого было в теле двадцать три личности. Так что дивны дела твои, Все Сущее!

Но вернусь в зал. Несмотря на то что я была невероятно тепло одета, холод пронизал меня до костей, ибо изречение «Здесь никто никого не ждет» в данный момент утратило силу. Меня ждало Оно.

В моем теле тоже жили две личности – Люции Монтессори и принцессы Ай-Кеаль, но они прекрасно уживались и гармонично дополняли друг друга. Глаза Люции не смогли бы увидеть то, что видели сейчас глаза звездной принцессы. А видели они сгусток абсолютной антиматерии. Антисущее. Ученые, говаривал мессер Софус, все мозги себе поломали, гадая, как же антиматерия может существовать. Она ведь Антисущее! То есть постоянно самоуничтожается. То есть это абсурд, когнитивный диссонанс! Идите лесом со своим диссонансом, кричали на физиков математики абстрактной алгебры; раз существует плюс бесконечность, значит, по закону равновесия всего в Сущем, есть и *минус бесконечность*! Вот там и мотается ваша антиматерия! Заткнитесь и считайте! Физики затыкались, глотали коньяк с мухоморами (тут я не очень поняла, в чем прелесть) и считали.

Сию антиматерию я и узрела в данный момент времени. Выглядело это жутко. Тем более что я решила – вот она щас как самоуничтожится и меня взрывной волной на элементарные частицы разнесет. И вообще, все, что можно, – на глюоны и бозоны, кванты и прочую плазму. Поэтому у меня включился инстинкт самосохранения Люции и голосом Люции я заорала:

– Стоять!!!

В этом колонном зале создан эффект квадрофонии. Мой вопль многократно отразился от мощных гранитных колонн, и, поскольку Оно находилось как раз в центре зала, жуткой силы звуковая волна четыре раза воздействовала на нее, словно заключив в непроницаемую звуковую клетку. И Оно сдалось, сникло и явило свой, скажем так, воспринимаемый облик. Оно оказалось дамой невыразительной внешности и корпулентности, непонятного возраста, с всклокоченными снежно-белыми волосами и ярко-алыми губами на бледном лице. Единственное, что придавало даме выразительность и индивидуальный шарм (как выразились бы галльцы), так это ее наряд. Вы же понимаете, мы, девочки, большое внимание уделяем тряпкам, и часто бывает, что роскошное платье или офигенный шарфик – это все, чем может похвастаться какая-нибудь кокеточка. Вот и дама, стоящая передо мной, была облачена в длинное, с огромным шлейфом и широкими рукавами платье черного-черного цвета, по которому, словно раскаленная лава из жерла вулкана, текли нестерпимо яркие сполохи и ленты. Из могильной глубины рукавов вырывались струи

сверкающих искр, трещащих и шипевших, как потешные огни, столь популярные в Яшмовой империи. Воротник платья напоминал гало, словом, напротив меня стояла в прямом смысле сияющая женщина. Это раздражало, как всегда раздражают дешевые спецэффекты. Как будто я деревенская девочка, которой впервые показали фейерверк. Хотелось сказать пакость, и я не стала себя сдерживать.

– Сударыня, – с наивозможнейшей язвительностью промолвила я. – Пригасите огни. Ваше дешевое световое шоу здесь никого не удивит и уж тем более не напугает. Сами не дураки плазмой из ушей постреливать.

– Как?! – ненатурально удивилась дамочка. – Ты видишь меня и при этом остаешься в живых?!

– Легко. Надеюсь, вы тоже меня видите.

– Но... Ты же просто человек.

– Не просто. Я хозяйка этого замка. Мое имя Люция Монтессори. И я крайне не люблю гостей, которые являются без приглашения, напускают на себя вульгарную таинственность и невоспитанны до того, что даже не называют своего имени.

– Мое имя – смерть, страх, разрушение и тлен!

– Ух ты! Длинное вы себе взяли имечко! А как вас можно именовать в сокращенном варианте? ССРат? Какое-то убогое имя. И даже, извините, неприлично пахнет. Ох! Уж не приходите ли вы родственницей некоему Вржику Джбржбж... Не могу произнести, уж извините.

– Да! – гордо ответствовала Срат. – Это мой брат. Но настоящее его имя – Ужас, приходящий пред Смертью.

– Также сократим, люблю аббревиатуры... УППС. Упс! Отличное имечко! Ваш Упс, знаете ли, натворил у нас делов и смылся, не заплативши за питание, проживание и три бочки пены для ванны. Это, знаете ли, как-то некрасиво даже по галактическим меркам. Кто вас с братом воспитывал, мадам Срат?

– Нас воспитала Злоба, нас вскормила Месть! И меня зовут не Срат! – завопила дамочка, отчего ее уровень светимости резко понизился. Видимо, у нее были сложности с поддержанием обычного энергетического уровня.

– Ну так назовитесь, – мирно предложила я. – И я буду к вам относиться более толерантно. Может быть, даже угощу чайком. Падчерица моя как раз намеренно ложные опята кипятком залила, хочет узнать, какое воздействие настой окажет на ее молодой цветущий организм. Я, конечно, это безобразие у нее немедленно изъяла, но сохранила на всякий случай, вот случай и подвернулся...

– Не надо мне вашего чаю!

– И правильно. Давайте останемся хорошими врагами. И прежде, чем вы испаритесь, я бы хотела задать вам несколько вопросов.

– Это почему я вдруг испарюсь?

– Сударыня, здесь вопросы задаю я. Ибо я – хозяйка поместья. И я знаю, чем является мое поместье с точки зрения Теории Всего.

– О, ты знаешь о Теории Всего? Ты не просто девчонка, как я сперва подумала.

– Правильно подумали, Срат.

– Я не Срат!!!

– Так назовите ваше имя, – я улыбнулась, искренне надеясь, что моя улыбка выглядит как минимум чудовищно.

– Когда я была человеком, я звалась Хелена, – словно выплюнула это имя моя, так сказать, собеседница. Видимо, память о своей человеческой сути была ей ненавистна, как ненавистна богачу память о том, что он когда-то был босоногим мальчишкой, чистил богатым господам обувь, а в ответ получал презрение и жалкие медяки.

– Очень приятно, Хелена, – я продолжала держать улыбочку. – Мое имя Люция, как вы уже слышали. А Вржик – это настоящее имя вашего брата или творческий псевдоним?

– Когда он был человеком, его звали Вроцлав, – в голосе Хелены вдруг мелькнула некая грусть. – Мы были самыми несчастными людьми, и я рада, что смогла изменить нас и наши судьбы...

– Ваш брат спел нам длинную и очень грустную балладу... Она правдива?

– От первого до последнего слова.

– И вы вправду так любили того поэта, что отправились служить какой-то ведьме?

– Не какой-то! Борилла Симулен была величайшей ведьмой всех миров. Ее жилище являлось Абсолютным Нулем, и Борилла познала магию всех миров, всех вселенных, всех измерений. А потом она передала все свое знание мне. Теперь я – великая ведьма, стоящая против Всего Сущего.

– Ведьмы? Магия? Эти пугающие словечки придумали для тех, кто не разбирается в абстрактной алгебре и квантово-глюонной теории. Магии не существует, существует теория струн, вневекторное подпространство и фракталы. Ну и еще всякая физико-химическая мелочовка. И вы не ведьма. Да, человеческого в вас практически не осталось, разве что ненависть. И женского, конечно. Но я вижу, что вы представляете в моей реальности. Вы черная дыра, уважаемая Хелена, бич всех астрономов, пытающихся постичь суть сего космического явления. Вы поглощаете Сущее и

распространяете Антисущее. Вы действительно смерть. Сколько галактик, солнечных систем, звезд и планет вы поглотили в вашей безграничной ненависти? И за что, за то, что какой-то жалкий поэтишка отверг вашу любовь?

– Он не жалкий поэтишка, – молвила Хелена. Оказывается, она тоже умеет чудовищно улыбаться. При этом видно, что внутри у нее клубится черно-багровое пламя. – Он величайший поэт всех миров, времен и пространств. На этой Планете он славится под именем Альбино Монтессори.

– Вот как? Но, насколько мне известно жизнеописание моего дражайшего супруга, он в своей жизни не отвергал никакой деревенской девушки, да еще по имени Хелена.

– Он не отвергал. Но вспомните мое проклятье. Вспомните слова баллады:

И так будет всякому поэту,
Кто кого-то предал, иль обидел,
Иль нарушил собственную клятву!

Разве мессер Альбино не предал, не обидел собственную дочь? Вспомните: когда она устроила детскую шалость, ее по его приказу пороли три дня подряд, а когда у нее приключилась горячка, не пускал к ней никого... Чтоб она скорее умерла. Ведь она родилась калеккой. Уродом. Ему не нужна была такая наследница. Она и теперь ему не нужна, он планировал получить наследника от тебя, Люция. И избавиться от Оливии. Что ж, ему уже больше не нужно заботиться ни о наследнике, ни о стихах, ни о славе...

– Ты убила его?!

– Он умер еще тогда, когда дрался на дуэли со своим домоправителем Фигаро. Во многих мирах Фигаро не остановился и проткнул его эспадроном, как жука протыкают булавкой. Так что я просто завершила дуэль.

– Дрын еловый, что же это, поэт Альбино Монтессори мертв? Как я это объясню его поклонникам, его издателям?

– Его убила злая ведьма, – засмеялась Хелена, пуская изо рта язычки пламени. – В твоём мире верят в ведьм и магию. А вот за одно упоминание о квантово-глюонной теории или черной дыре тебя просто сожгут на костре как соучастницу ведьмы.

– От песни твоего брата пострадала моя падчерица, – резко сказала я. – Она-то в чем виновата?

– Она не испытывает никакого страдания, она просто спит. И не пытайся ее разбудить, ведь ее мозг не выдержал той истины, что ей открылась. На миг. Как иллюстрация к песне.

– Какой истины?

– Она увидела, *что* я, как я вошла в комнату ее отца и что произошло. Что вообще происходило в тот же момент во всех мирах со всеми Альбино Монтессори, ты же слышала о поливариантности и многомерности.

– Да... И во всех мирах Оливия погрузилась в летаргический сон?

– Разумеется. Пожалей ее. Не надо искусственно кормить и поить ее, в этом сне она мирно, безболезненно умрет. Ты оплачешь ее и станешь полноправной хозяйкой поместья. Потом даже найдешь себе мужа – какого захочешь. Все прекрасно, зло наказано.

– Ничего не прекрасно. Ты не учла моего мнения по этому поводу. Даже по поводу мессера Альбино. Да, он подлец, хладнокровный мерзавец и самовлюбленный болван, но нельзя вот так являться и творить свою волю!

– Почему, если я сильна? Ваша Планетка, она же превратилась в пустыню, когда двести тысяч лет назад здешнее человечество устроило атомную войну. И остатки этого самого человечества потом активно поедали гигантские бабочки и жучки-мутанты. А позже пролетающий мимо беспилотный поисковый космический лайнер отправил на Планету спасательный дроид – стандартная операция космических беспилотников, которых и запускают-то для поиска и спасения органической жизни. По всем вневекторным подпространствам запускают. Дроид и начал возрождать Планету, чистить воздух и воду, дезактивировать пространство, реанимировать подышающих людей, которые объявили его святым Исцелителем, унявшим агрессию насекомых-исполинов и принудившим ставших разумными жуков и тараканов заключить с людьми мирный договор. Дроид никого не спрашивал, нужны его работы или пусть саранча доест последних людей на Планете. Дроид стал вашей судьбой. Вот и я – судьба рода Монтессори. Кстати, ты должна знать, что на всех языках всех пространств слово «судьба» означает и «суд». Я свершила свой суд. Полностью.

– Что же ты теперь будешь делать? – механически произнесла я. Губы не слушались. Я чувствовала, что распадаюсь, превращаюсь в набор молекулярных решеток, которые, в свою очередь, взрываются, и свободные молекулы взрываются тоже. Мне едва хватало сил *держаться*.

– Делать? – Оно затягивало в свою минус-бесконечную тьму. – Это понятие ко мне неприменимо. – И ты ничего не делай, просто иди ко мне.

Я увидела, как пальцы моей левой руки уже не пальцы, а молекулярная россыпь. Я закричала, я заставила себя сдвинуться с места и удариться всем телом о раскаленную докрасна гранитную колонну. Да, все вокруг раскалилось, и гранит дымился. Одежда на мне запылала, и это меня спасло. Боль, боль, боль – это невероятное счастье ощущения собственного бытия. Кричи от боли, Люция, кричи!

Полуослепшая, я ринулась прочь из зала, гонимая пламенем и тихим смехом, в котором звучали слова:

– Понадоблюсь – позови...

Глава вторая

Ужас

Спасибо маме Сюзанне, она наградила меня мощным голосом. На мой безумный вопль сбежалось без малого все население замка. Увидев меня на пороге Скриптория, в обуглившейся одежде, обожженную, вопящую, слуги, слава им, не растерялись. Они решили, что герцог Монтессори, известный своим человеколюбием, поджег меня, нарушившую запрет переступать порог Скриптория. Группа под предводительством Сюзанны быстро и осторожно подняла меня и понесла в покои, по дороге выкрикивая подсказывающим волонтерам, что нужно для моего оживления. Группа под предводительством Фигаро кинулась в Скрипторий проверить не поджег ли герцог и себя, но на пороге зала с колоннами поразилась тому, что зал покрыт инеем, нет никакого запаха дыма и в комнате герцога стоит пугающая тишина.

– Мессер Фигаро, – молвили бесстрашные вассалы моего супруга. – А вдруг с его светлостью что-то случилось в кабинете? Вдруг там возник пожар, ее светлость выбралась, но дверь заклинило и...

– Нужно просто войти в кабинет герцога, – сказал Фигаро.

– За это положена немедленная смерть, – проговорил кто-то. – Раз уж он собственную жену не пожалел...

– Это все бабья болтовня, – резко сказал Фигаро. – Кто войдет в кабинет? Вместе со мной, разумеется.

Наступило стыдливое молчание сильных мужчин, которым не к лицу трусость, но не в этом случае.

– Понятно, – бросил Фигаро. – Пойду один. И если его светлость жив, я посоветую ему всех вас уволить, дармоеды. У кого с собой есть оружие? Желательно эскадрон или шпага.

– Возьмите эскадрон моего господина, – подал ломкий голосок тринадцатилетний оруженосец рыцаря, который в данный момент укрывался в уборной, изображая ужасную кишечную активность.

– Спасибо, мальчик, – сказал Фигаро.

– И... Я пойду с вами, – решился оруженосец.

– Как твое имя? – осведомился Фигаро.

– Ливий Лемонти, мессер домоправитель.

– Назначаю тебя моим помощником и командором замковой охраны.

Охрану наберем новую. Если останемся живы.

– Да, мессер Фигаро.

– Идемте, мессер Ливий.

И Фигаро чуть ли не строевым шагом пошел к двери кабинета, а за ним шел, полыхая ушами от гордости, новый командор охраны тринадцати лет от роду.

И вот свершилось. Фигаро распахнул дверь, которую запрещено было открывать всему миру. Даже смерть, обычная, естественная смерть, случающаяся с каждым человеком на этой Планете, наверное, замерла бы перед этой дверью, дрожа от непонятного страха. Но черная дыра, когда-то носившая имя Хелена, не боялась ничего и никого, разве только самой себя.

Великий поэт Альбино Монтессори сидел за своим рабочим столом, прямой как стрела. Но осанка – это, пожалуй, все, что осталось опознаваемым в нем. Тело поэта – и выше стола, и ниже – было сплошь покрыто массой отвратительных белесых червей. Собственно, тела уже не было – черви с непрестанной свирепостью глодали его кости, внутренности, высыпались через ребра, опустошали череп. Даже одежда была изглодана – кроме золотых пуговиц камзола да заколки, что держалась на остатках волос.

– Крепись, дитя, – не своим голосом приказал Фигаро Ливию, когда тот издал рвотный всхлип. – Скорей выйди и глубоко дыши.

Ливий оказался сильным мальчиком. Он вышел из кабинета с лицом блее мела, несколько раз глубоко вздохнул.

– Что? – кинулись к нему вассалы, чувствующие стыд и вину за свою трусость, особенно перед мальчишкой.

Ливий еще несколько раз глубоко вздохнул и хотел было заговорить, но тут из кабинета вышел Фигаро и закрыл за собой дверь. И тут все поняли, что дело неладно – при этом из кабинета вырвалась такая волна смрада, что многие закаленные рыцари оказались слабее желудком, чем мальчик Ливий, – их тут же вырвало.

– Стыдитесь, – укорил их Фигаро. – Мессеры! Я должен сообщить вам скорбное известие. Наш господин, герцог Альбино Монтессори, сюзерен Кастелло ди ла Перла, величайший поэт нашего времени, скончался. Обстоятельства смерти непонятны.

– Его убили? Может быть, его убила жена?

– Не думаю. Скорее, его поразила десница судьбы. Тело его находится в ужаснейшем состоянии, и это зрелище смогут выдержать только самые крепкие из вас. Мне необходимы помощники, которые помогут собрать все, что осталось от тела его светлости, и поместить... Здесь нужен сундук,

сплошь окованный железом. Мессер Ливий, я поручаю вам отправиться к слугам и приказать им принести такой сундук. Найдите Патриццо, он держит ключи от кладовых и рухольных, он быстро найдет все необходимое. Еще нам понадобятся кожаные фартуки и перчатки, два совка для угля и несколько скребков, которыми пользуются поломойки.

– Но что произошло? – крикнул какой-то тугодум.

– Сударь, прошу вас сопроводить мессера Ливия. Возвращаться вам необязательно. С вашими тугими мозгами вы нам вряд ли пригодитесь. На дуэль вызовете меня позже. Но не советую. Не до этого.

Бедный рыцарь-тугодум, скорее всего, и не помышлял о дуэли – лицо Фигаро не предвещало ничего хорошего в ближайшие десять лет как минимум. К слову сказать, рыцарь сей попросил расчет, едва прошли положенные дни траура. Впрочем, тогда многое стало меняться в Кастелло ди ла Перла...

Фигаро из недоумевающей и довольно жалкой толпы оставшихся с ним вассалов отобрал пятерку самых крепких, а остальным посоветовал идти за полировальной жидкостью для парадных доспехов – грядущие похороны великого герцога должны сопровождаться прилично облаченной гвардией замка, а не разгильдяями, у которых из-под лат торчат солидные пивные животы.

Командор Ливий не подвел – он оперативно нашел Патриццо и, не посвящая его ни в какие страшные новости, заполучил сундук, в который могли поместиться два русских медведя, а не то что бранные останки герцога; кожаные фартуки, которыми в основном пользовались кузнецы, и кожаные же перчатки. Совками, скребками и даже несколькими щетками для чистки одежды скорбную команду снабдила старшая горничная. Шепотки и слухи по замку при этом поползли один страшней другого, но что могло быть страшней смерти герцога? Тем более что герцогиня, получив страшные ожоги всего тела и потеряв три пальца на левой руке, впала от боли в бессознательное состояние. Сюзанна с верными служанками поместили ее в ванну с почти ледяной водой – благо во дворе было предостаточно снега и льда. Немедленно были приготовлены отвары целебных трав и кореньев и в них лежали, пропитываясь, бинты из тончайшего шелка из Яшмовой империи – Сюзанна не пожалела эту драгоценную ткань, ибо только ее, почти невесомую, можно было прикладывать к огромным багровым волдырям, почти сплошь покрывавшим тело Люции.

Но вернемся к Фигаро и его подручным. Когда они вслед за ним вошли в жуткую комнату, то рвотные позывы сдержали, а вот приглушенных

воплей не смог сдержать никто, даже Фигаро, который видел все уже во второй раз.

Черви почти закончили свою работу, и от Альбино Монтессори остался мраморной белизны скелет, где кости чудом держались на каких-то остатках связей.

– Что ж, мессеры, сделаем свою работу, – сказал Фигаро, натянул перчатки и первым подошел к скелету. Однако едва он коснулся черепа, скелет с противным стуком осыпался на сиденье кресла и частично на пол. Череп, когда-то содержащий в себе самый поэтический и жестокий мозг, упал на стол меж костяшек пальцев.

Останки герцога, те обрывки одежды и украшения, что были на нем, и червей – всех до единого – аккуратно поместили в сундук. Фигаро взял со стола недопитую бутылку крепкого мадьярского рома, пропитал им стопку листов веленовой бумаги, на которой имел обыкновение творить герцог, и положил поверх останков, надеясь тем убить червей – разжиревших, смрадных, неповоротливых.

Крышку опустили, и сундук защелкнули на шесть кованых застёжек. Его медленно вынесли из кабинета. Фигаро задул свечи, все еще освещавшие стол поэта, осмотрелся и вышел из налившейся тьмой комнаты, крепко захлопнув за собой дверь.

Сундук принесли в главный зал замка, где уже столпились все гости, слуги, вассалы, даже наемные рабочие, которые устраивали в замке новейшее изобретение – водопровод. Сундук водрузили на огромный дубовый стол, за которым в более светлые времена сживали сиятельные и не очень гости и нахлебники герцога. Слышались тихие перешептывания, вздохи и всхлипы. Всем уже было ясно, что дело худо. Фигаро призвал к тишине и заговорил:

– Мне выпала скорбная честь сообщить всем вам, что его светлость скончался.

– Ах... – пролетело по группкам людей. Но в этом тихом «ах» было лишь подтверждение того, о чем уже догадались.

– Как это произошло? – спросила старшая горничная. – Его светлость сгорел?

– Нет, – ответил Фигаро. – Происшедшее выше человеческого понимания и обычной смерти. Герцога коснулась десница судьбы.

– Возможно, герцога в его кабинете поджидал убийца, который как-то прокрался в замок?!

– Нет. – Тон Фигаро был холоден, как могильный гранит. – Я не знаю, что убило герцога, но знаю, ибо видел собственными глазами, во что

превратилось его тело.

– Во что?! – истерический женский вопль.

– Когда я впервые вошел в кабинет герцога, его плоть пожирали черви. Они обглодали его до скелета. Поэтому нам пришлось взять сундук, чтобы поместить в него останки и тех отвратительных созданий, которые...

– Черви? О небо, мне дурно!

– Это колдовство!

– На герцога напустили порчу его враги и завистники!

– Да-да, это колдовство!

– Но кто мог так ненавидеть герцога, чтобы совершить такое злодейство?!

– Это его жена! Она колдунья! Она никогда не любила его, наглая, вульгарная, дерзкая девчонка! Говорят, она спускалась в подвал к герцогу – для чего? Тем более что он настрого запрещал беспокоить его! Она навела на него смерть и порчу, а он, умирая, поджег ее свечами, вот она и вернулась в ожогах!

– Колдунья!

– Ведьма!

– Замок проклят!

– Надо бежать!

– Спасайтесь кто может!

– Карету мне, карету!

– И пинту валокордину пополам с пивом!!!

– Тихо! – возвысил голос Фигаро. – Гибель его светлости действительно окутана тайной, и, полагаю, сам король, получив печальное известие, назначит следователя для рассмотрения сего вопроса. Поэтому я прошу всех вас вспомнить и изложить письменно, что происходило в этот день, возможно, вы что-то видели или слышали. Королевскому следователю потребуются свидетели. Я pošлю письмо его величеству немедленно. Похороны будут отложены до окончательного решения королевского следователя по этому вопросу. Этот сундук будет пока поставлен в фамильном склепе Монтессори. До приезда следователя никому замка не покидать. Быть может, убийца находится среди нас. Дамы, прекратите визжать. А теперь прошу всех заниматься своими делами. Я и мои помощники перенесем останки в склеп. Хорошо, что стоят морозы.

– Но там же скелет!

– И... насекомые, не забывают. Будет лучше, если они умрут, а не прогрызут сундук и расползутся...

– О нет!

– Ах! Ах!

– У меня все, дамы и господа. Все свободны. Кстати, где экономисса Сюзанна?

– Она с герцогиней.

– Да-да, конечно. Я зайду к ним позже. Да что вы стоите? Я никого не задерживаю.

Вот тут оно и пришло – понимание, что герцог Монтессори действительно умер и дальше в замке пойдет совсем другая жизнь. Если вообще это можно будет назвать жизнью.

Фигаро в сопровождении командора Ливия еще раз спустился в Скрипторий и опечатал кабинет, оставив в нем все как было. Затем ему пришлось переодеться в траурное облачение и дать приказания: портнихам – шить траурные одежды для гостей и челяди, горничным – проверить сохранность траурных покрывал на мебель, скатертей, портьер и лент на замковые знамена. Началась хоть и тихая, но суeta и шебуршание спешащих ног по замку, а это всегда означает какую-никакую жизнь. Фигаро, понимая, что Сюзанна занята у ложа герцогини Люции, спустился и в кухню и отдал распоряжение приготовить обильный обед для гостей – как правило, весть о чьей-либо смерти вызывает желание самому почувствовать вкус жизни, и ежели при сем будет присутствовать вкус копченых свиных ребрышек, кровяных колбас с приправами, сыров, жирных супов – никто никого не осудит. Покойнику-то уже все равно, а людям, которым предстоят похороны и прочие малоприятные события, надо вдвойне поддерживать свой организм.

Обед подали раньше, и все трапезничающие не обсуждали горестную тему, а говорили о событиях незначительных, вроде метели, или вообще помалкивали, и лишь позвякивание вилок и ложек о фарфор и серебро звучали за столом, где главное кресло отныне стояло пустым и было покрыто полотном черного штапеля.

А теперь давайте вернемся в мои покои, где я, Люция Монтессори, вдова величайшего поэта, лежу, напоминая обгоревшую сосиску и не реагируя на всхлюпы (а что, хорошее и, главное, точно отражающее суть ситуации словечко!) камеристок и даже милой мамы Сюзанны. Они прикладывают к моим ожогам примочки и компрессы, но так как я не реагирую на внешние раздражители, они полагают, что я где-то в полшаге от фамильного склепа и дубового гроба с атласной обивкой изнутри. Ах, милые! Ах, мама Сюзанна! Вы глубоко, глубоко заблуждаетесь! Я в полшаге, это верно, но от полного исцеления. Просто мне нужно быть сосредоточенной и извлечь из себя целящую силу звездной половины своей

крови. Я словно живой росток, спрятанный внутри умершей оболочки зерна. Я возрождаю, выстраиваю себя изнутри. Конечно, это непросто, ведь раньше я этого никогда не делала, я действую наугад, наобум, поэтому приходится нелегко. Ничего, я справлюсь, вот только трескотня служанок и рыдания Сюзанны проникают даже через самые глубокие слои моего сознания. Тут с пептидными цепочками не знаешь, как разобраться, и три новых пальца на левой руке я вырастить не смогу: во-первых, не получается воссоздать их матричную молекулярную решетку, а во-вторых, тут уж меня точнехонько объявят ведьмой – как это у меня три пальца выросли взамен утеранных? Святая Юстиция аж обезумеет от радости, и допроса с такими милыми аксессуарами, как дыба, колесо, расплавленный свинец, мне просто не миновать. Придется оставаться калекой. Ну и что? В первой части моей истории калекой была Оливия, теперь калекой побуду я.

А вот то, что его светлость помер, конечно, большая неприятность. Человек он известный, богатый, в высокие круги входящий, так что королевского расследования не миновать. А значит, мне придется лишь слегка подлатать снаружи свои раны, дабы у следователя (а он наверняка прибудет со дня на день!) не возникли подозрения: что это безутешная вдовица вся такая с бодрым видом скачет по замку? Как это ужасные ее раны залечились с такой скоростью? Ей вообще бы помереть полагалось, поскольку площадь ожогов ажно восемьдесят процентов? И следователь начнет копать и суетиться, а вот это не весьма мне подходяще. Ибо объяви я себя вечной принцессой с планеты Нимб, опять-таки возьмется за меня Святая Юстиция всеми жвалами, лапами, присосками, цеплялками и что там еще у этих инсектоидов бывает. А так я вроде как больная, в полном бессознании, к допросам непригодная, жалкая, убогая и без косметики. Да, но вот как там Оливия моя милая? Бросили ее на этого дотторе Гренуаля, а вдруг он ее так залечит, что потом просто беда? Прикончить-то он ее не прикончит, мы же вечные, и это тоже может навести его на подозрения: я ее лечу-лечу, а она все не помирает. Ох! Разыгралась у меня паранойя, аж правая лопатка чешется. Как бы знак подать Сюзанне, чтобы она прочих доброхотов вытурила, дверь накрепко заперла и со мной осталась пошептаться? Вот ведь глобальная проблема. И лопатка чешется – просто кошма-а-ар какой-то!

Я утробно застонала, демонстрируя окружающим свое частичное возвращение к жизни. Сюзанна немедленно вытолкала в дверь всех своих помощниц и велела им идти готовить специальный травяной мусс от ожогов. Все-таки моя здешняя мамочка очень догадлива!

Когда Сюзанна захлопнула дверь за последней служанкой, дважды

проверила, что никто не толчется с той стороны на пороге с подслушивающим устройством типа «ухо женское обыкновенное», я позволила себе еще один чахлый стон. Сюзанна немедленно склонилась надо мной:

– Ваша светлость... Девочка моя...

– Мы точно одни?

– Да.

– Тогда я сяду. Ох! Мама, умоляю, почеси мне правую лопатку, иначе я буду чесаться о столбики кровати, как запаршивевшая свинка.

– Свинка ты моя! – мама Сюзанна принялась плакать и почесывать мне лопатку. Ой, как приятно. Не то, что мама плачет, вы же понимаете. – Ты же почти мертвая была.

– Мамань, «почти» – это в моем случае ключевое слово. Пожалуйста, не плачь! Ты же помнишь, что я у тебя непростая дочка.

– Помню, помню, но когда я увидела твои ожоги...

– Да, поначалу мне было очень больно. Потом твои компрессы сняли острую боль, я пришла в себя, но не показывала виду. Мне нужны были внутренние силы, чтобы восстанавливать себя. И я потихонечку восстановилась, так что внутри я полностью здорова. А вот снаружи мне придется пока побыть такой – ты же понимаешь, мое быстрое исцеление наведет на нехорошие мысли о том, что я ведьма. Или ты ведьма.

– Да-да, конечно. Но что мне делать?

– Давай так. Сейчас я официально очнусь и слабым голосом попрошу у тебя воды. Ты будешь продолжать мое лечение в плане бинтов и муссов, я буду валяться в постели, вся такая жалкая и чахлая. Пусть доктор Гренуаль придет и изречет что-нибудь мудрое по поводу моего состояния. Ну, вроде как я вот-вот умру, но за жизнь еще цепляюсь. Мама, тебе вот трудно: и Оливия лежит, и я... И наверняка все шепчутся о порче и проклятии. Но ты знай, что это все фигня, я здорова, просто симулирую, так что прошу – будь побольше с Оливией. Как вывести ее из сна, я еще не придумала. А вообще пусть поспит. Сейчас в замке наступает не самое лучшее время; Фигаро ведь уже отправил курьера с письмом к его величеству?

– Да.

– Значит, надо ждать неприятных гостей. Или гостя. Дороги сильно замело?

– Очень, и никто их не чистит.

– Это можно понять – мы все так убиты горем, до чистки ли снега нам...

– Доченька...

- Да, родная.
- Все-таки я не понимаю, кто это сотворил.
- Я тебе потом объясню как-нибудь, ладно? А сейчас иди, говори, что я очнулась, но очень-очень слаба. И узнай, как там дела у Оливии.
- Хорошо. Больше пока ничего?
- Большой-большой поднос с оливье и твой невероятный компот из сухофруктов. Но мне ж нельзя.
- Ладно, отдыхай. Это будет попозже, как-нибудь ухитрюсь.
- Спасибо. Мама!
- Что?
- Я тебя очень-очень люблю.
- И я тебя.

Сюзанна вышла, и некоторое время я была предоставлена самой себе и возможности разглядывать лепнину на потолке. Лепнина помогала мне не заснуть, а трезво обдумывать ситуацию, в которую попала я и население замка в целом.

Ситуация имела диалектическую структуру. То бишь, с одной стороны, вообще кошмар, а с другой – ничего, выживем, солнцу улыбнемся. Это как война – просто надо воевать, враг пришел, свершилось, теперь куй победу, иди до конца. Я смогу. У меня до этого конца целая бесконечность.

Глава третья

Столичные штучки с юридическим уклоном

Понятное дело, смерть великого поэта повергла короля Старой Литании в глубочайшую скорбь. Тем паче такая внезапная и загадочная. Король только-только намыливался заказать Альбино парочку венков сонетов к юбилею своей коронации, а тут на тебе – венки полагаются уже самому мастеру слова.

Тяжелая весть, будучи тайной, немедля разлетелась по стране и благополучно просочилась за рубежи вместе со спешными шпионскими докладами и обычной диппочтой. К утру четвертого дня с момента смерти Альбино я, лежа в своей парадной спальне, принимала почту – примерно два здоровенных мешка писем с выражением соболезнований по поводу и тэдэ. Были и другие письма – я их немедля рвала и сплавляла в камин, в этом мне помогала верная Полетта, ставшая просто незаменимой (Сюзанне я велела уделять больше внимания Оливии и в целом присматривать за замком). Но о письмах. В них говорилось, что я ведьма, тварь, прикончившая своим колдовством гения, что я никогда его не любила (это правда), что поклонницы его имени и творчества проклинают меня самыми черными проклятиями. Не то чтобы эти письма меня эмоционально задевали. Просто они могли оказаться уликой для Святой Юстиции. Впрочем, там наверняка уже столы ломаются от доносов на герцогиню Люцию Монтессори. В некоторых письмах содержались засушенные экскременты – этакий намек на то, кто я и где мне место. Такие письма Полетта совала в ведро для угля.

– Ваша светлость...

– Да, милая.

– Уже время к полднику, а мы и половины первого мешка не разобрали. Ужас как много этих писем!

– Ну, покойный был великим поэтом, его стихи многие любили и любят. Ценят.

– А вы? – требовательно взглянула на меня Полетта. – Вы любили?

– Стихи?

– Герцога.

– Полетта, это уже не имеет значения. Свой долг я исполняла как

нужно. А стихи у него прекрасные. Можно сказать, непревзойденные никем.

– А мне его стихи не нравились, – вдруг отрезала Полетта.

– Почему?

– Он в них лгал. В каждой строчке. Если человек не живет так, как он пишет, стоит ли доверять тому, что он написал?

– О-о-о, это непростой вопрос о творчестве и творце! Полетта, я рада такому вопросу, но не готова к нему. Когда башка замотана бинтами, не очень-то удобно рассуждать об отвлеченных материях. Давай просто прервемся на чай с печеньями, наверняка на кухне можно что-нибудь нарыть.

– Нарыть?! Ваша светлость, вы иногда изъясняетесь прямо как барышня Оливия.

– Ну, я же ее мачеха.

– Вы ее любите?

– Сама как думаешь?

– Думаю, что вы ей не мачеха, а лучшая подруга, какая только может быть! И я знаю, что это вы исцелили ее, а вовсе не этот... с лапами... Священный Жук.

– Полетта, ты с этим не очень. За такое бывают доносы.

– А я все равно... Потому что я вам верю. В вас верю.

– Полетта... Ну вот, а реветь-то зачем...

– Все, я уже не ревью, то есть не реву, я пойду за чаем и медовыми коврижками. Их уже должны испечь.

– А-ах! А мы тут! А они там!!! Коврижки! Без нас!!! Беги скорей и без полного подноса не возвращайся! И сыру возьми, самого острого и соленого! И чай нам сделай покрепче!

Полетта умчалась, я соскользнула с кровати гибкой змеей (я здорова, я чудо Всего Сущего, помните?), подхватила первый мешок с письмами и сунула его в камин. Огонь немедля зачах, но я струйкой плазмы из левого глаза испепелила пустые бумажки вмиг. Следом отправился и второй мешок (камины в замке просто огромные), и его постигла та же участь. Хватит марать руки об эту ерунду! Кстати, их надо как следует продезинфицировать...

Только вот одно письмо не сгорело. Оно, словно почтовый голубь, нежно порхнуло к моим ногам.

– Вот упрямое! – я взяла письмо в руки. Раз уж оно спаслось из плазменной атаки, то достойно того, чтобы я его прочла.

Внутри письма оказался плотный лист веленовой бумаги и на нем

всего одно предложение:

Я знаю, кто ты.

Ни подписи, ни адреса неизвестный или неизвестная не оставили, как водится.

– Что ж, знаешь так знаешь, – я раскалила ладонь левой руки докрасна и смотрела, как письмо на нем становится белесым пеплом. – Знание, говорят, сила.

Вот за этим и застала меня Полетта, вбежавшая в комнату с сервировочным столиком.

Краем глаза я увидела, какое белое у нее стало лицо. Немудрено. Моя раскаленная ладонь выглядела, прямо скажем, неестественно и жутковато. Я немедленно вернула ей прежний вид и сказала:

– Полетта, сохраняй спокойствие. Придется тебя... посвятить в свою тайну. Запри за собой дверь. И прекрати бояться, я тебя не трону.

– В-ва... В-ва...

Я указала ей на банкетку перед туалетным столиком:

– Сядь.

Она села и замерла, как суслик перед пастью лисицы. Вот бедолага. Ступор сопорозус, как сказал бы дотторе Гренуаль.

Я начала мягко:

– Дорогая Полетта, девочка моя. Несколько минут назад ты сама сказала, что веришь мне. Что понимаешь – это я сумела исцелить герцогиню Оливию. Но это совершенно не означает, что я ведьма. Я могу поклясться тебе здоровьем моей дорогой Оливии, что я не ведьма.

С Полеттой произошло невероятное – она тут же успокоилась, вздохнула и сказала:

– Ой, ну слава Исцелителю, тогда я сервирую чай.

И принялась хлопотать, разрезая коврижки (аромат!!!) и наливая в чашки чай с лимонником.

Тут уж я чуть не села от изумления:

– Полетта, как, а ты не хочешь узнать, кто я, ну, на самом деле? Если я не ведьма?

Полетта подала мне чашку и сказала:

– По существу, ваша светлость, не мое это собачье дело. Кто вы и кто я? Еще перед каждой курицей отчитываться. И потом, я иногда...

– Подслушиваешь. Чай великолепен. Присоединяйся.

– Спасибо. Если вы с госпожой Сюзанной хотите, чтобы я не

подслушивала, лучше отрежьте мне уши. И потом, я в замке главная по подслушиванию. Пусть уж лучше подслушаю я, чем какая-нибудь индюшка, которая расстрекочет ваши тайны по всему замку и окрестностям.

– Да, да, да... Но что ты поняла из подслушанного?

– Вы – дочка Фигаро и Сюзанны. И это тайна, которую я схоронила очень глубоко в сердце.

– Да.

– Но при этом вы не из нашего мира.

– Да.

– Вы как Исцелитель.

– Не совсем, но близко к истине. Я из другой звездной системы.

– Вот-вот. Ваша светлость, вы кушайте коврижку. Таких в вашей системе звездной небось не пекут. Я только, конечно, все это не понимаю... Галактические кластеры там, системы там, теории струн... Главное, что вы не ведьма.

– Полетта, если уж ты так хорошо подслушиваешь, то знаешь, что никакой магии и ведьм нет.

– В этом, ваша светлость, вы, извиняюсь, ошибаетесь. Как там у вас – не знаю, а у нас они имеются. Теория струн сама по себе, а волшебство – сама по себе.

– Полетта, кто *это-то* тебе сказал?

– Прабабушка моя. Она ведьма каких поискать. Ее и ищут – вся Святая Юстиция и прочие там... И никогда не найдут. Она им так отводит их моргалки, что они в трех кустах ежевики не могут разобраться. Или темноту наведет. Или сон. А ваша теория струн моей прабабушке без надобности. Я маленькая была, мамку-папку потеряла, померли они от чумы, так она меня воспитывала-выращивала. И говорила: запомни, мол, свинка моя морская, что наука и магия не противоречат, а дополняют друг друга. Кстати, она иногда превращала меня в морскую свинку, но это исключительно для моей пользы.

– Кошмар какой...

– И ничего не кошмар. Очень полезно. Я до сих пор могу хоть крыской, хоть мышкой, хоть морской свинкой обратиться, легко. Да вы кушайте, кушайте.

– Полетта, мне сейчас будет дурно. Я крыс боюсь. И мышей.

– Да ладно. А мессер Софус?

– Ты и про него знаешь! А может, сама и колдовать умеешь?

– Немножко.

– Тогда почему ты так испугалась предположения, что я ведьма?

– Потому что моя прабабушка еще и пророчица. И она предрекла, что однажды я увижу ведьму, которая воплощает в себе великое зло и разрушение. Я и испугалась, что это вы.

Полетта шмыгнула носом.

– Я, конечно, не сахар, но я не то существо, о котором пророчила твоя прабабушка.

– Вот я и обрадовалась. И потом, я за вас боюсь. Чтоб вас не схватили эти подлые, из Юстиции...

– Полетта, милая, спасибо! Я сумею за себя постоять, если что. И за весь Каstellо ди ла Перла – до последнего таракана!

– Ваша светлость, вы нас обижаете, мы переморили тараканов еще в позапрошлую пятницу.

– Ой, молодцы. Я вам премию дала? Не дала. Премия вам всем.

– Мы не за премию. Мы просто так. Но, ваша светлость, вы про какое-то существо говорили. Оно злая ведьма?

– Это существо здесь было, убило герцога и почти прикончило меня. Полагаю. Хотя с точки зрения науки и теории относительности она все-таки не ведьма, а особая субстанция. Я не смогла ее победить. Пока не смогла. Поэтому Оливия впала в летаргический сон, и я пока не знаю, как ее из этого сна вывести. Может, дотторе Гренуаль сообразит. Хорошо, что он хотя бы просто за нею наблюдает.

– Да уж... Ничего себе субстанция – у вас трех пальцев нет! Небось ваша звездная система таких не знает!

– И слава... ну кому-нибудь там. Ох, Полетта...

– Что?

– Честно тебе скажу, я не знаю, как дальше жить и что будет.

– Ой, ваша светлость, не забивайте себе голову! Вы не одна в этом замке. В обиду мы вас не дадим. Мы все за вас. Что бы ни было.

– Я очень беспокоюсь об Оливии.

– И Оливию сбережем. Так что пейте чай да ложитесь потом отдыхать. Вам надо сил набираться. И еще, ваша светлость...

– А?

– Можно моя прабабушка тихонечко приедет к нам в замок, ну там под видом кухарки или... кладовщицы. Она говорит, помощь хорошей ведьмы никогда не бывает лишней.

– Конечно. Думаю, она уже здесь?

– Ага.

– Тогда я точно не пропаду. Что ты в чай подмешала, что я так спать

хочу?

– Это не я, прабабушка велела. Это три-ксено-базопротиксен и немножко рому. Успокаивает и как снотворное. Прабабушка велела вам побольше спать. И кушать. Так что вы кушайте – и в постельку.

Каково стали с герцогиней обращаться? Но вообще это даже приятно. Тем более что я симулирую больную. Мне можно. Пока.

Я наслаждалась сном, как наслаждаются тихим солнечным вечером на берегу спокойного озера. Мне и снились тихий солнечный вечер, спокойное озеро, мягкие, шелковистые травы, запах прогретых приозерных камней, пение вечерних птиц в дальнем лесочке. Я сорвала травинку, пожевала и почувствовала на языке ее сладость. Я смотрела в небо и придумывала, на что похоже каждое проплывающее мимо облако. Я вдруг почувствовала, что мне лет десять или двенадцать, и я самый счастливый ребенок во Всем Сущем. Я ощущала, что у меня за этим лесочком есть дом – деревянный, двухэтажный, с шестью огромными окнами и прогретой солнцем верандой. У дома на крепкой ветке старого тополя висят качели – мои качели, но повесил их для меня папка, самый лучший папка, другого такого нет. Он всегда затевает что-нибудь интересное, а иногда просто подхватывает меня крепкими, сильными руками и кружит над головой... А мама – какие нежные, добрые, ясные у нее глаза! – притворно сердится, когда я перепачкаюсь в песке или обзеленю одежду, даже легко шлепает полотенцем по попе, но тут же обнимает и целует. Она печет такие вкусные пироги с капустой и яйцами! Аромат этих пирогов я чувствую и сейчас, пока лежу у озера, и знаю, что скоро она позовет меня. И я побегу, но сейчас я терпеливо жду Собаку. Это ничья Собака, бродячая, и мне ее очень жалко. Она меня сначала очень боялась, но когда отведала маминых пирогов, стала потихоньку привыкать. Я хочу, чтобы она была моей Собакой, я вычесу репы у нее из шерсти, я буду кормить ее, а спать она будет рядом с моей кроватью. Родители не против, и Собака, по-моему, тоже не против...

– Собака, – тихо шепчу я. – Не бойся, иди ко мне, я не обижу тебя. Ну пожалуйста!

И Собака выходит из зарослей таволги, робко ступая и помахивая хвостом. Я похлопываю по земле рядом с собой, и она садится. Я принимаюсь гладить ее большую лохматую голову, почесываю спину, ощущаю, какая она худая, и верю – мама с папой не обидят ее, и она будет самой лучшей Собакой на свете...

– Собака, – шепчу я. – Я люблю тебя. Оставайся со мной. Сейчас пойдем есть пироги. Слышишь? Это мама зовет!

– Лю-юций! Куда ты подевался, негодник! Бери свою Собаку и бегите ужинать!

– Ну вот, – говорю я Собаке. – Нас зовут! Бежим!

И мы вскакиваем и бежим к моему чудесному дому, где ждут меня самые чудесные мама и папа...

– Лю-юций, сынок! Скорей, мы ждем! Мы ждем!

– Хорошо, хорошо, я уже...

Просыпаюсь.

Сначала я не могу понять, кто я и где я. Мои руки стискивают шелковистое покрывало, а не траву. Пахнет лекарствами. Надо мной не небо, а расшитый золотом балдахин кровати. Кошмар. Мне приснился самый прекрасный кошмар в жизни. Я была мальчиком Люцием, у него был дом, мама, папа и Собака. А на самом деле я... Да кто я?!

– Люция! Люция, девочка моя! Да что с тобой!

Я глубоко вдохнула теплый воздух и резко выдохнула. Это привело меня в чувство, и я все вспомнила. Мама Сюзанна склонилась надо мной, и лицо ее было очень-очень тревожно.

– Мама, – прошептала я. – Мне приснился сон... Тяжелый сон...

– Я принесла тебе лечебный отвар из трав. Выпей.

– Голова раскалывается. Ужас какой-то.

– О чем был сон?

– Я... я забыла. Озеро какое-то.

Я лгала. Я запомнила сон до последней детали. Я выпила залпом теплый горьковатый травяной отвар и почувствовала себя почти здоровой.

– Мама, спасибо. Который час? Что случилось?

– Ты долго спала, милая. Уже обед прошел. Я принесла тебе оливье и компот из сухофруктов, как ты просила.

– Это чудесно, но при такой жизни я стану толстушкой. Сплю и ем, все дела.

– Ничего страшного, тебе нужно поправляться.

Сюзанна взбила подушки, помогла мне поудобнее устроиться и поставила на кровать столик-поднос, на коем благоухала фарфоровая чаша с оливье и целый графин с компотом.

Я принялась за еду.

– Мамочка, спасибо! Прямо возвращение к жизни!

– Вообще-то я с неприятной вестью, Люция.

– Ой.

– Приехал королевский следователь с помощником. Ну, по поводу кончины его светлости. Я уж и решила поскорее тебя покормить, чтоб сил

набралась для такой неприятной новости. А самое мерзкое, что следователь – паук. Ростом со здорового мужика.

– Вот дрын еловый! Зима же, эти инсектоиды спать должны, у них период спячки.

– Пауки не спят. Некоторые виды. Он уже сел в углу главной залы на потолке и принялся плести сеть. Его помощник – человек, парень, очень деловитый и нагловатый. Прямо так и рвется к тебе на аудиенцию.

– Приму, вот пообедаю и приму. Не таких обламывала.

– Доча, это королевское следствие, так что тебе надо притворяться хворой и не дерзить, как вы с Оливией привыкли. Вспомни, что ты вдова герцога и сама герцогиня. Я тебе стопку кружевных платков принесла – будешь изображать, что плачешь, да вот чепец с траурными лентами на голову надень – это просто необходимо. Я вот поднос вынесу и буду рядом, пока этот нахальный помощник следователя будет у тебя на аудиенции. Если что, сумею окоротить.

Я торопливо доела салат, запивая его божественным компотом из сухофруктов, потом мама вынесла поднос, плотно прикрыв его небольшой льняной скатертью, я натянула на голову траурный чепец, поудобнее устроилась в подушках, попрактиковалась в столах страшно больной женщины и закрыла глаза.

Так я лежала, и вдруг дверь в мои покои медленно, но неуклонно отворилась. Никто из слуг так не заходит. Так могла бы красться Оливия, если бы замышляла сунуть мне в кровать своего ядовитого геккона. Но моя драгоценная Оливия спит. Следовательно, это чужой. Следо... Ага, помощник следователя, о коем мамочка Сюзанна меня предупреждала. Так-так. Шаги легкие, для мужчины в возрасте неподходящие. Значит, и впрямь парнишка. Парнишка молодой, в красной рубашоночке, хорошенький такой... Ой, опять у меня музыкальный заскок. В последнее время страдала им – вдруг откуда ни возьмись возникали в голове песни совсем нездешние. Иногда на языках, которые мне незнакомы. Вот и сейчас, про эту рубашоночку... Ну, однако ж, парень наглец! Шарится по моим покоям, как у себя дома. Ах, он что, под кровать залез?! Там же у меня... Ну, вы понимаете...

Я застонала – и от злости, что немедленно не могу просверлить наглецу дырку в черепе и изображая жуткую боль и немощь. И тут я услышала:

– Да, ваша светлость, не позавидуешь вам. Горничная два дня не выносила вашу ночную вазу. Выздоровеете – устройте им показательную порку, а потом увольте без выходного пособия!

Противный у него голосишко. Скворец-переросток плюс отсыревший комод. Все скрипит и хрипит. Далась ему моя ночная ваза! Ну погоди, мерзавец!!!

– О-о-о, – я издала стон, полный мучительной боли. Камень прослезился бы, услышав такой стон. – О-о-о...

– Какой ужас! – скворец изобразил благородное сочувствие. – Тяжелобольную хозяйку замка оставили совсем без присмотра и без охраны. Да тут не слуги, а негодяи!

– О-о-о-о! – я продолжала стонать, не открывая глаз. Еще и головой в траурном чепце беспомощно помотала по подушке. – Пить!

Подумала – может, уберется из комнаты, гаденыш. Ничего подобного, принялся осматривать мой прикроватный столик.

– Катастрофа! – ревностно взвизгнул он. – Да здесь нет и стакана воды, чтобы подать несчастной госпоже! Слуги явно решили устроить заговор против герцогини! Здесь бунт зреет! Моя госпожа и я прибыли сюда вовремя!

Госпожа? То есть паучиха? Еще краше и веселее! Мало того что торчит на потолке и сеть плетет, так ведь она еще может... и яйца отложить или еще как-нибудь размножиться. Вот беда за бедой на мою лысую голову!

А паучихин прихвостень, кажется, принялся за мой комод?! Ну это ничего, ключи от него только у меня и Сюзанны, и свои я теперь храню под подушкой. И вообще, кто его уполномочивал рыться в моих вещах? Эх, жалко, что я типа больная, а то я уж его бы отполномочила – до старости бы запомнил. И внукам бы заказал связываться с Люцией Монтессори, хотя, полагаю, после моего «внушения» репродуктивные способности наглеца сильно бы понизились!

И тут пришло мое спасение – распахнулась дверь в мою спальню, и незнакомый зычный голос о-очень сильной женщины приглушенно проревел:

– Ты что здесь делаешь, клоп поганный? Ты кто такой, чтоб в покоях ее светлости носом водить? Да я тебя...

Наверное, это та самая прабабушка Полетты. Ой, спасибо. Судя по голосу, в роду у нее были медведицы. Сильные, злобные и о-очень крутые медведицы. А я медведей очень уважаю. Обязательно заведу при замке десятка два.

Я было решила, что наглец просто рассыплется в прах от такого нападения, но ничего подобного.

– А вы кто? – яростно заскрипел он. – Почему ее светлость оставлена без присмотра? Даже стакана с водой нет у постели тяжелобольной дамы!

Горшок два дня не выносили! Распустились тут, пока госпожа при смерти! Я вам не клоп, а помощник королевского следователя по особо важным делам! Мне необходима аудиенция у ее светлости! Но сначала...

– Заткнись! – проревела бабушка. – Еще всякий тут обсосок будет меня учить, как за госпожой ухаживать! Матушка, красавица, голубушка моя, это твоя бабка Катарина пришла тебя обиходить-утешить!

И сильные, теплые, ласковые руки приподняли мою голову с подушки, а у губ я ощутила край стакана с мятно пахнущей жидкостью.

– Пей голубушка наша, пей, страдальца!

Я отпила (вкусно!!!) и открыла глаза. Мои глаза встретились с глазами «бабки Катарини» – цвета темного-темного янтаря. В глубине этих невероятных глаз просверкнули яркие искорки, и я поняла, что мы будем отлично дружить, и «бабка» не то что меня в обиду не даст, а и за всех дорогих мне людей просто порвет любого супостата.

– Ну вот, напилась, моя милая деточка. Сейчас повязочки будем менять да бельишко освежим, вот оботру тебя, рыбоньку сладкую...

Я на всякий случай простонала и приподняла забинтованную руку, указуя на «клопа». И быстро его оглядела. Да уж, слуховые впечатления только подтвердились. Хлипкий, на вид противно-белобрысый, три прыща на лбу, краснота на щеках (пытается брить несуществующую щетину), глаза липучие и нахальные. Ну дождись, дождись, будет тебе аудиенция!

– Пошел вон, – зарычала бабка Катарина таким ураганом на «клопа». – Герцогине повязки менять буду, переодевать буду, а уж когда она тебе *погладенцию* назначит – ее, матушки, дело. Вон, говорю, вон!!!

И ведь вымелся «клоп»-то. Бабка Катарина дверь за ним крепко захлопнула, да еще и на три оборота ключа заперла. Выдвинула возле кровати старинную ширму, словно загораживая нас этой второй линией обороны, и тут мы наконец смогли познакомиться друг с другом без свидетелей.

Бабка Катарина выглядела как женщина-дуб. При этом движения ее были невероятно грациозны, легки и невесомы – когда она этого хотела и когда не было лишних свидетелей. Она ласково улыбнулась мне, подмигнула, я ответила, и на душе у меня словно май в февруарии возник.

– Давай-ка, мать, обихожу тебя, – и моя личная медведица легко вскинула меня на необъятное левое плечо. Пока я там изумленно отвисалась, она ловко перестелила постель, потом аккуратно усадила меня на банкетку, раздела, протерла тело необъятными же влажными салфетками с ароматом голубого пажитника (ох, хорошо! Ох, бодрит!), перебинтовала раны, надела роскошную сорочку, нежную, как взбитые сливки, и сунула

меня под одеяло, как сосиску в тесто. Принюхалась:

– Да, горшок и впрямь не меняли. Нахалки.

– Да это ладно, – залилась краской я. – Я сама не хочу, чтоб они тут болтались, мне лишние глаза-уши ни к чему.

– Лишних теперь у тебя не будет, герцогинюшка. – Бабка Катарина принялась водить руками вдоль моего тела. Я пригляделась – от рук ее исходило волновое свечение незнакомого мне спектра. – Это я тебя сканирую да и защиту навожу.

– С-сканируете?!

– Тихо лежи. Теперича я буду твоей личной горничной. Беда пришла в замок. Не с колдовством, а со следователями этими. Хорошо, что внучка моя меня вовремя сюда бельевщицей взяла. Паучиха страшна. Непроста. Не такая, как все эти инсектоиды. Видела я ее. Выродок она.

– Кто?!

– Ну ты что, совсем дикая? Мозг у нее человеческий и разум-интеллект соответственно. И при этом паучий нор. Дело ее – не столько здесь следствие вести, сколько тебя подставить под королевский приказ.

– Какой?!

– О сожжении ведьмы, уничтожившей великого поэта. Этот приказ уже есть. Надо только ведьму найти. И король хочет, чтоб этой ведьмой была ты. И почти все королевство тоже хочет.

– Но тогда что им мешает?

– Тебя вдруг очень поддерживали королевства, которые давно точат зуб на Старую Литанию. Литания в долгах, люди закабалены банками и ростовщиками инсектоидов, творится беззаконие, потому что нет конституции. То есть по мировым меркам мы – нищая, наглая, голодная и незаконная страна. С остатками бывших природных богатств. И нас хотят сожрать вместе с этими богатствами. Все якобы просвещенные конституционные монархии. Там давно отменены казни, нет охоты на ведьм и вообще цивилизация. И оружие, очень неплохое. Этим оружием грозят нашему королю, намекая на то, что если он хочет жить в цивилизованном Объединении, хочет получать кредиты и прочие конфетки, он должен написать конституцию и прекратить охоту на ведьм. А тут гибнет гений. И все в Литании думают, что его сгубила ведьма-жена. И короля предупреждают умные дипломаты: если загорится костер Люции Монтессори, в нем сгорит вся Литания. Вот тебе краткое освещение нашей и мировой политики.

– Но откуда вы все это знаете? – ахнула я, подавленная столь серьезными проблемами.

– Смена всех, – одними губами прошептала бабка Катарина.

– Д-даешь молодежь! – ошалело ответила я. – То есть тайное общество Сопротивления против насекомых существует? Я же прикалывалась, когда говорила об этом!

– Общество существует. И давно. И Центр есть. И ты вряд ли удивишься, рыбонька, когда узнаешь, что именно я глава Сопротивления.

– Как же мне тогда вас называть?

– А зови Бабулькой.

– Погодите... А Сюзанна?...

– Она знает обо всем. Просто сейчас она с Оливией. На всякий случай. Прислала меня к тебе. Я вот только задержалась, защиту ставила от ненужных глаз и ушей. А тут клоп этот. Ну что, готова его принять? Помни – ты очень больна. Говорить будешь из-за ширмы и в моем присутствии. Ага?

– Ага.

Бабулька поцеловала меня в лоб – сразу прошел шум в ушах и освежилось сознание! – и, имитируя тяжелую походку, пошла открывать дверь.

– Ну, – я услышала из-за ширмы приглушенный рык. – Заходи, прыщ. Госпожа позволяет тебе говорить. Хотя я бы тебя прям сейчас на правез к рыцарям герцога отправила!

– Вы не очень-то! – проскулил «прыщ». – Я здесь на законных основаниях! Идите себе, а я поговорю с ее светлостью!

– Как же-сс! – прошипела Бабулька. – Только при мне. Герцогиня так велела. А вдруг ты ее прикончить собираешься? Обдристок!

Тезаурус у Бабульки – просто восторг и упоение, нам с Оливией не угнаться. Чтобы подавить хохот, я закашлялась и слабым голосом сказала:

– Бабулька, кто там?

– Матушка, твоя светлость, помощник королевского следователя погляденции просит. Можя, выгнать яво?

С диалектами у Бабульки тоже все в порядке. Шикарно. Обожаю старинные литанийские деревенские диалекты.

– Оставь. Пусть представится по форме и не забывает, что я еще очень больна.

– Слыхал?!

– Ваша светлость, я Патрицио Джейнинелли, помощник королевского следователя госпожи Раджины. Она прибыла в Кастелло ди ла Перла для следствия по делу о гибели его светлости Альбино Монтессори и попытке покушения на вашу светлость.

– Понимаю. Где сейчас находится госпожа Раджина?

– Полагаю, ваша светлость, что служанка уже сообщила вам. Но повторяюсь. Госпожа Раджина расположилась на потолке главной залы, куда я и буду отправлять свои отчеты о проделанном расследовании.

– Пусть вам также предоставят комнату, белье и... удобства. Какие у вас сейчас ко мне будут вопросы?

– Прежде всего, где находится тело вашего супруга?

– Вам надобно спросить об этом у Фигаро, домоправителя замка. Полагаю, он и вассалы герцога отнесли останки в фамильный склеп.

– То есть вы не знаете, каким образом погиб ваш супруг?

– Не знаю. Я не дошла до его кабинета. В приемной Скриптория возникло... пламя невероятной силы и мощности, оно очень обожгло меня, я бросилась бежать из последних сил...

– Пламя? Но разве Скрипторий не находится глубоко под землей, где весьма холодно?

– Да, но... Это не значит, что гений моего покойного супруга не предусмотрел ловушек и крайне неприятных каверз для тех, кто осмеливался нарушить его покой. Видимо, я попала именно в такую ловушку.

– Вы полагаете, герцог Альбино коварен? Настолько коварен? Разве гений и злодейство совместимы?

– Я слишком мало знала его светлость, будучи его женой, чтобы судить о том. Вам, наверное, известно, что я была нанята им в качестве компаньонки для его дочери.

– Да-да. А потом вдруг его дочь – кстати, ваша ровесница! – волшебным образом исцелилась...

– Ничего не волшебным. Разве вам неизвестно, что осенью Каstellо ди ла Перла осенил своей благодатью Его Высокоблагочестие? Именно он своими молитвами и исцелил бедную Оливию.

– А почему герцог решил жениться на вас? Такой юной? И, простите мой старолитанийский, беспородной?

– Ах ты негодяй! – заревела Бабулька. Молодчага. Блюдет мой статус.

– Как вам не стыдно, молодой человек! – голосом умирающего лебедя прорыдала я. – Как вы смеете! И некому вступить за мою честь! Ах! Ах! Ах!!! Это была любовь! Такая, какой вам, прыщавый юнец, не понять! Подите вон! Аудиенция закончена!

– Но у меня есть вопросы...

– Вон!

Бабулька славно зарычала и, взявши нахала за шиворот, вывела его из

комнаты, как нашкодившего кота. Снова хлопнула дверь.

– Да уж, – через некоторое время протянула я. – Многообещающий молодой человек.

Бабулька сдвинула ширму и присела рядом на банкетку.

– Ну что, родимая?

– Мне надо срочно выздороветь. Я не могу валяться в постели, пока по замку скачет этот Патрицио.

– Логично. Есть предложение – ты сидишь в калечном кресле, том, в котором когда-то сидела Оливия, я вожу тебя по замку. За всеми будешь наблюдать. И притворяйся получше. Ахи у тебя получаются не ахти какие.

– А я-то думала, что лучше меня актрисы в мире нет.

Бабулька засмеялась. Лицо ее было прекрасным и драгоценным, как зрелище солнца на закате.

– Я так рада, что вы здесь, Бабулька.

– Я тоже не грущу, уж поверь. А уж какое удовольствие вместе с Сюзанной давать выволочку нерадивым слугам!

– Вы там не очень их. Озlobятся еще.

– Хорошо. Вынесу-ка я твою вазу, а ты пока ознакомься вот с этим.

В мои руки она вложила лист шелковистой белоснежной бумаги. Я развернула его и уставилась на заголовок:

<p><i>Последнее стихотворение Альбино Монтеessori</i></p>

Когда же он успел?!

Глава четвертая

«Найди меня...»

Подожди меня проклинать.
Что тебе сказать обо мне?
Я не знаю, какой была мать,
А отцом был хлыст на спине.

У меня были братья. Они
Воплощали коварство и зло.
Мои дни были черные дни,
Но потом вдруг мне повезло.

Я услышал голос во тьме
И пошел за ним, как слепой, —
Так преступник в своей тюрьме
Удивляется, что живой.

Этот голос учил, как жить,
Как достичь величья среди
Тех, кто стал хозяином жил
Золотых. И вот впереди

Я увидел свой путь, как нить.
Я увидел свой путь, как свет.
И я смог себя сочинить
И понять, что мне равных нет.

Я был холоден и жесток,
Но писал о святых сердцах.
Я был бог, и как всякий бог
Я купался в чужих слезах.

Не прощай меня, но поверь
Я не смог здесь другим прожить.
Мне в безвестье открыта дверь,

И убийца – вот, сторожит.

Стану прахом, стану трухой,
Стану смрадом, память губя.
Но измученный голос мой
Вновь дотянется до тебя.

Ты найди меня...

Здесь стихотворение обрывалось. Ржавый отпечаток окровавленного большого пальца был словно подпись в предсмертном стихотворении герцога Альбино, которое он писал, пока тьма по имени Хелена не уничтожила его плоть.

Почему она не дала ему закончить стихотворение?!

Я обессиленно откинулась на подушки. Стихи Альбино всегда производили на меня странное действие – они были так прекрасны, так совершенны, что завораживали, словно сияние россыпи алмазов на черном бархате или медленное кружение чаши звездного неба над головой. Они обладали силой магнетического внушения, потому их так сумасшедшие любили, перенося любовь и на автора. Но это стихотворение не было прекрасным. С технической точки зрения – убогие, бедные рифмы, сбой размера, ненужные анжамбеманы, скудость метафор... Но это были слова Альбино Монтессори – истинные слова, потому что перед лицом смерти уже не до метафор и прочих красотей. Но кому он писал это стихотворение? Перед кем каялся (или не каялся?) в черноте своей души? И что значит это: «Ты найди меня...»

Он же мертв!!!

Я вскочила с постели и принялась взволнованно носиться по спальне. Пару раз пробежала даже по потолку, чтобы унять тревогу и невнятную угрозу, которую словно излучали эти три слова: «Ты найди меня». За беганьем по потолку вокруг изумительной хрустальной люстры и застала меня Бабулька.

Глаза ее исполнились некоторого изумления, но (хвала ее выдержке!) она сунула под кровать мой горшок и велела кратко:

– Слазь.

Я подчинилась. Села на кровать, не выпуская из рук листка со стихотворением герцога Альбино. Бабулька уселась рядышком на банкетку:

– Чего это ты, матушка, устроила росскую пляску маленьких утят

вокруг люстры?

– Когнитивный диссонанс у меня, – пожаловалась я. – То есть я просто обалдела, когда вот это прочла. Вы читали?

– Само собой. Мне передал его Фигаро. Ты же знаешь, он вошел в кабинет первым и сумел незаметно похитить сей шедевр со стола умершего герцога, чей труп уже ели...

– Ой, не надо, а то меня стошнит!!!

– Ты не беременная ли часом?

– Вы что, Бабулька?! Герцог и я... У нас ничего не было!

– Это хорошо.

– Да уж! – вздохнула я. – Угораздило меня стать женой гения! При этом звездной принцессой! Вечной, дрын мне в печень! Нет бы я была простой замарашкой из трактира, которую взял замуж простой свинопас, и жили бы мы долго и счастливо со своими поросятами...

– Размечталась. О замарашках и свинопасах писать романы неинтересно. Интересно о герцогинях.

– А что, обо мне кто-то пишет роман?!

– Да. О тебе и герцоге. Внучка моя, Полетта. В свободное от работы по замку время.

– Бабулька, мне срочно надо выпить. Вы случайно компот из сухофруктов не принесли? И красного полусладкого?

– Пить вредно. Особенно юным девицам.

– Иногда полезно. Вы не были у Оливии? Как она там?

– Без видимых изменений. Сюзанна и Полетта дежурят при ней практически неотлучно, доктор Гренуаль ходит горностаем в курятнике.

– В смысле?

– Очень доволен своей новой ролью домашнего доктора герцогов Монтессори. Знаешь, сколько он уже ливерных колбас сожрал?

– Ой, не мелочитесь, Бабулька! Если бы он еще как-то мог помочь Оливии. Или хотя бы не вредил... Погодите! Какое сегодня число?

– Пятое февраля.

– День рождения Оливии! А она там! А я здесь!

– Вообще-то сегодня и твой день рождения, Люция.

– Правда? Да, верно. Дрын еловый, и нам с Оливией даже не повеселиться по столь славному случаю!

– Успеете еще. А тебе я принесла подарок. И это не выпивка. Для этого ты уже слишком взрослая девочка. Вот, смотри.

Бабулька неувлимым движением извлекла из своих бесчисленных юбок сверток. Развернула...

– Это мне?! – не веря, ахнула я.

Кинжал! Редчайший женский *закорсажный* кинжал, запрещенный, наверное, уже лет как двести! Раньше женщины и девушки имели право всегда носить кинжал за корсажем своего платья, чтобы дать отпор обидчику, отомстить за оскорбление, наказать негодяя. Но Святая Юстиция объявила, что женщина не должна иметь при себе оружия, что забота о ее чести – дело мужчин. В пансионе нас обучали фехтованию, но лишь отдавая дань традиции; к тому же велись разговоры, что Святая Юстиция скоро запретит обучение женщин даже навыкам фехтования и самообороны, мол, любовь – это все, что нам нужно. Ладно, об этом позже!

– Он потрясающий! – выдохнула я. – Гравировка на ножнах – алмазная филигрань?

– Да. Работа мастера...

– Микелино Падуаре, четырнадцатый век. Подобных этому кинжалу в мире есть всего пять экземпляров. Каждый носит имя: Сольган, Шаразад, Рецинкль, Цинналь и Хаджепсин... Для их создания использовалась особая тягучая сталь, морожение, закаливание в лазерном луче! В книге об этом уникальном оружии смутно говорится, что нет ничего во Всем Сущем, что не рассек бы такой кинжал! И эти кинжалы властители Планеты, собравшись на съезд, порешили уничтожить, потому что кинжалы – слишком большая опасность для вселенной.

– Верно. В пансионе ты не только вышивала.

– По вышиванию у меня был неуд. В книге написано, что кинжалы уничтожены навсегда. Бабулька, но тогда откуда?

– Та книга – ложь. Все кинжалы существуют, спрятаны у верных людей, и никто не может их уничтожить.

– Почему?

– Кинжалы связаны тонкими нейронными связями с сознанием того, кто их создал. Создатель же ушел из этого мира, дабы сотворить свои миры. Если погибнет Создатель – рассыплется в прах кинжал. И разрушит все, что вокруг него есть.

– Это просто мистика какая-то! Или боевая фэнтези?!

– Не суть важно. Мы сумели раздобыть на нашей Планете один кинжал. Цинналь. Возьми его. Он теперь твой.

– Я... Я недостойна такого подарка!

– Цинналь тоже так считает, но я его уговорила.

– Кинжал... мыслит? Рассуждает?

– Разумеется, милочка. Это же не железка. Это биомассивная сталь, обладающая интеллектом, эмоциями, сознанием. Это совершенный

симбионт!

– Симбионт с кем?

– С тобой, непутевое ты создание! Возьми его, говорю, и владей!

– Погодите, я вымою руки. И причешусь.

– Ты лысая.

– Ой, и правда.

Я кинулась к умывальному кувшину и долго лила на руки умощенную благовониями воду. Вытерла чистым полотенцем. Бабулька тоже встала и смотрела на меня, улыбаясь своей золотистой улыбкой (да, улыбка может быть золотистой, и не спрашивайте меня как!). Я подошла к ней и встала на одно колено.

– С днем рождения, Люция.

Он скользнул в мои руки, как живой. Я благоговейно вынула кинжал из его сверкающих ножен. Сталь была матовой, словно запотевшей, и по ней шли узоры, напоминающие морозные рисунки на окнах. Лезвие было таким острым, что я видела вокруг него свечение – оно рассекало атомы света! И хотя величиной кинжал был с полторы моей ладони, он мог резать вселенные, как кабачки. Он мог уничтожать черные дыры, даже их, принципиально неуничтожимые!

Хелена тоже черная дыра, а значит...

У меня есть против нее оружие, и я могу отомстить за Оливию. Да и за герцога Альбино, ибо он не должен был умереть столь страшной и позорной смертью.

Я осторожно вложила кинжал в ножны.

– Приготовлю тебе платье с жестким корсажем, – Бабулька открыла мой гардероб. – Встань с колен и перестань дрожать.

– Я дрожу?

– Как мышонок. Не бойся. Ты достойна этого кинжала. Но лучше будет, если тебе не доведется использовать его в бою.

– Не могу этого обещать. Но честь этой стали я не посрамлю. Оливия, когда проснется, просто позеленеет от зависти!

– Не позеленеет. Ее тоже ждет хороший подарок. Еще неизвестно, кому из вас повезло больше...

– У меня нет слов!

Бабулька помогла мне одеться. Я не носила раньше платьев с жестким корсажем, выпрямляющим корпус так, что кости хрустели. Но раньше у меня не было такого кинжала по имени Цинналь.

– Теперь у тебя осанка – российские балерины позавидуют.

– Пусть.

Я спрятала кинжал за корсаж, как и полагается. Я ощутила его холод, но он моментально нагрелся от моего тела. Мало того, он словно слился с моим телом. Вот он, симбиоз.

– А теперь ты можешь сесть в калечное кресло, и я отвезу тебя...

– Нет, милая Бабулька. Теперь я не стану притворяться. Будь что будет. Пойду знакомиться с королевской паучихой. Потом – к Оливии. И еще. Мне нужно поговорить с Фигаро. Может, он объяснит мне смысл последнего стихотворения герцога Альбино. И что значат слова: «Найди меня».

– Тогда идем.

Листок со стихотворением я тоже спрятала за корсаж. Самое надежное место.

Для видимости Бабулька поддерживала меня под руку. Шла я медленно и вдумчиво, как баркентина с полной оснасткой среди вражеских шлюпов. Их всегда будет много – вражеских: нападков, каверз, подлостей, наглостей, ударов из-за угла и прочих мучительств. Главное – не забывать, что ты все равно человек и у тебя есть своя защита, твое оружие. У меня это – любовь к Сюзанне, Фигаро и, конечно, к Оливии, привязанность к каждому камню в Кастелло ди ла Перла. К моему замку. А теперь у меня есть и кинжал. И я его не посрамлю.

Слуги, встречавшиеся мне, ахали, расступались и судорожно кланялись. Я улыбалась им и говорила: «Не ждали? А мне гораздо легче». На что горничные всплескивали руками и вспискивали: «Ваша светлость, да благословит вас Исцелитель! Радость-то, радость!» Весть о том, что смертельно больная герцогиня встала с ложа немощи, моментально разнеслась по всему замку, и когда я вошла в парадную залу, там уже толпились с дюжину слуг. Мне немедленно подали бокал освежающего чая с мятой и спросили, не надо ли мне платков, притирок от головной боли, медовых пряников, меховой накидки, перчаток, пижмового бальзама, ромовой травяной настойки, мумбайских шалей, веера, парадного изумрудного колье с серьгами и браслетами, сливочного ликера, пастилок от кашля и еще незнамо чего. Я от всего любезно отказалась и, прихлебывая горячий чай, принялась рассматривать глухую темноту в одном из углов зала. Темнота выжидала, и я решила включить светские манеры на полную мощность:

– Рада приветствовать вас в Кастелло ди ла Перла, госпожа королевский следователь.

Во тьме вспыхнули два оранжевых огонька. Выглядело это зловеще, но я морально подготовилась.

– Приветствую вас, ваша светлость, и прошу прощения за то, что без

вашего разрешения воспользовалась потолком залы.

– Что вы, что вы! – я изящно махнула рукой. – Мой потолок – ваш потолок, как говорится. Совсем недавно мы были удостоены чести пребывания в замке Его Высокоблагочестия со свитой, так что нам не впервой. Надеюсь, слуги уже позаботились о вашем питании, госпожа Раджина?

– Я принадлежу к виду, который питается раз в полгода. Как раз перед визитом к вам я плотно пообедала. Так что не объем вас, простите мой старолитанийский.

То, что паук говорит, с трудом укладывалось в моей голове. Но инсектоиды – они все выродки, все твари, изломавшие напрочь законы природы. Но паучиха Раджина, по словам Бабульки, была из выродков выродком – она имела человеческий мозг, а значит, умна и коварна была втройне, превосходила всякого инсектоида, какой только есть на нашей бедной Планете. Наш король, наверно, боится ее до дрожи. Я, в общем, тоже боюсь. Но у меня нет выхода – она уже сплела себе сеть в углу моей залы. И мы играем друг против друга. Типа того.

– Вы нас обижаете, госпожа Раджина. Неужели вы могли подумать, что мы столь негостеприимны? Неужели в столице идет такой слух о бедной герцогине Монтессори?

– Направляясь к вам, я уже имела сведения о том, что вы не совсем здоровы, ваша светлость. Могла ли я создавать вам лишние неудобства...

– Ах, что вы, что вы! Правда, я нездорова, но не до такой степени, чтобы не прийти познакомиться с королевским следователем. Тем более что ваш помощник уже побывал у меня на аудиенции.

– Да, Патрицио весьма расторопен, иногда даже слишком. Молодость, молодость... Вы уж простите, ваша светлость, если он вел себя без должного политеса.

– Какие мелочи! А кстати, где сейчас находится ваш стремительный помощник?

– Домоправитель отправился с ним в фамильный склеп. Для осмотра тела его светлости.

– И это в такой сильный мороз!

– Патрицио закаленный молодой человек.

– Я вообще-то переживаю за своего домоправителя. Впрочем, шуб у нас в избытке. Не простынет. Я, собственно, вот по какому вопросу, госпожа Раджина. Сегодня у моей падчерицы день рождения. По прихоти судьбы и у меня тоже. Траур и мое нездоровье не позволяют мне устроить по этому поводу празднество. Но я хотела бы собрать в парадной зале слуг

и позволить им устроить ужин в честь госпожи Оливии. Я очень за нее переживаю. Кончина отца стала для нее непереносимым ударом.

– Она ведь спит?

– Да, под присмотром дотторе Гренуаля. Так я распоряжусь насчет ужина? Это мероприятие не помешает вашему следствию?

– Никоим образом. Только, пожалуйста, не зажигайте парадную люстру. Прямо скажу, выгляжу я не очень-то приятно для человеческого глаза.

– Вы, право, чересчур самокритичны для королевского следователя, госпожа Раджина.

– Просто я реалистка, ваша светлость.

Паучиха говорит, что она реалистка! У меня сейчас опять когнитивный диссонанс наступит!

– Тем не менее мне хотелось бы увидеть вас. И поговорить с вами откровенно.

– Вы уверены, что выдержите это?

– Я многое видела в жизни.

– Что ж, хорошо.

Из темноты стремительно спустилось черное веретено размером примерно с меня. Я увидела вовсе не паука. У нее было человеческое тело сформировавшейся женщины, все обтянутое неким черным бархатистым материалом, поглощавшим свет. Шесть ее лап плотно втягивались в бока, а две человеческие руки, весьма изящные, двигались свободно. Ее лицо было обтянуто бархатной же тканью, имелись только прорезы для рта и глаз. Глаза – да, жуть. Миндалевидные, они не имели век и зрачков и горели оранжевым светом.

– Ну как? – иронично спросила Раджина.

Я встала и сделала глубокий реверанс:

– Доселе я не знала, что пауки могут быть такими очаровательными.

Раджина усмехнулась:

– На самом деле я очень жесткое существо.

– Металл в бархатной перчатке?

– Как вы догадались?

– Я слыхала краем уха о разработках, которые ведутся учеными в плане объединения свойств инсектоидов и человека.

– Верно. Я как раз такой инсектоид. Мне повезло участвовать в научной программе доктора Финкельштейна. Могу с гордостью сказать, что я лучшее его творение.

– Не сомневаюсь. Однако давайте присядем.

Мы сели друг напротив друга. Раджина словно светила глазами мне в душу.

– Знаете, герцогиня, – сказала она. – Я на сто процентов уверена, что вы не убивали герцога Альбино. Мало того. У вас даже мыслей таких не было.

– Вы совершенно правы. Но...

– Здесь мы упираемся в проклятое «но»... Кое-кто из наших западных могущественных соседей жаждет вашей крови. И если король не отдаст вас им на растерзание, может случиться война. У нас огромный внешний долг в золотой валюте. Казна пуста.

– И я должна восполнить этот пробел.

– Да. Как мне ни жаль.

– Госпожа Раджина вы только выполняете свой долг.

– Нет! – стукнула кулачком по столу паучиха. – Мой долг – защищать справедливость и закон. А подписывать смертный приговор невинному человеку – это беззаконие.

– И ничего нельзя сделать?

– Ничего. Даже петицию в Общество по правам человека подать нельзя. Вы же убили такого поэта... Кстати, ненавижу его стихи. Сладкие сопли, а не поэзия.

– Раджина, вы мне нравитесь. Я рада, что смертный приговор мне подпишете вы.

– Нет! Приговор подписывает Особая комиссия. Я только следователь, винтик в машине так называемого королевского правосудия. Могу только смягчить вашу участь тем, что не нашла в вас признаков ведьмы. Тогда вас не сожгут, а просто повесят.

– Ну уже что-то.

– Вы удивительно спокойны для приговоренной к смерти. Откуда в вас это?

– Наверно, я верю в свою счастливую звезду. У меня мало было счастья в жизни. Дружба с Оливией сделала меня счастливой и бесстрашной. Я говорю вам сразу, что сумею выскользнуть из петли.

– И прекрасно. Вы заговорили о своей жизни. Хотите, я расскажу о своей? Почему обычная паучиха стала королевским следователем? Я родилась в нищей семье, где, кроме меня, было еще восемнадцать дочерей. Сыновья... Понимаете, у пауков есть жестокая традиция по отношению к самцам. Поэтому я не видела своего отца – его убила мать, и не видела своих братьев. Вся наша кладка должна была заниматься тем, чем и занимаются веками пауки-ткачи – тянуть из себя нить и ткать кружева и

тончайшие ткани, тем самым зарабатывая себе на жизнь. Я бы тоже стала пауком-ткачом, но проблема оказалась в том, что нить, которую я тянула, была некачественной. Кроме того, я отлынивала от работы и пряталась от матушки и сестер на чердак, где находила старые человеческие книги и, главное, свод законов королевства, попавший туда неизвестно каким образом. Мама даже хотела убить меня, но сестры заступились. Они указали на мой острый ум, умение запоминать любые тексты, смелость и гибкость. Они предложили отдать меня в клинику доктора Финкельштейна. Из клиники я вышла новым существом – видите каким. Я приехала в родной дом и отдала матушке королевский диплом о моем юридическом образовании, а также то жалованье, которое получила впервые. Жалованье я посылаю сестрам и теперь. Мама скончалась. Тянуть нить – это непосильный труд. Я знаю, что сестры завели самца и отложили кладки. У меня будут новые родственницы, а значит, я должна работать еще качественнее. Семья – это смысл моей жизни, госпожа Люция. И я не позволю разрушить свою семью тем, что дискредитирую себя как следователь.

– Госпожа Раджина, дискредитации не будет. Я подчинюсь вашим требованиям. Свою свободу я не стану обретать за ваш счет и за счет вашей семьи. А можно вопрос?

– Да.

– Почему вы убиваете самцов после спаривания?

– Они становятся страшно ядовиты и агрессивны. Если их не убить после спаривания, они натворят чудовищных дел. Прежде всего они ядовиты для человека.

– Спасибо. Теперь я поняла. Что ж, госпожа Раджина, я не смею долее вас отвлекать от дел. Да и ваш помощник может явиться...

– Да. Мне жаль вас.

– Ничего. Не из таких переделок выпутывались.

И госпожа Раджина вознеслась на потолок в свою паутину.

– Ликеру мне, абрикосового, немедленно, – слабым голосом молвила я.

Тут же был принесен ликер. Я подняла нехилую рюмочку, приветствуя горящие оранжевые глаза:

– Добро пожаловать в Кастелло ди ла Перла, госпожа королевский следователь. Жаль, что визит этот связан с печальными для меня событиями.

– Благодарю, ваша светлость, и искренне сочувствую вам.

Вообще, она ничего оказалась, паучиха-то. И никакой не выродок. Почти человек. Вполне толковая баба, если не считать, что у нее восемь лап

и она из своей попы тянет паутинную нить. Некачественную. И сеть плетет. Ой, еще, что ли, ликеру хряпнуть?

– Хватит пить, – Бабулька была непреклонна в своей борьбе с молодежным пьянством. – А вы чего уши развесили? Герцогинюшка изволит ужин вам парадный устроить. А ну быстро все сервировать, переодеться, уши помыть и зубы почистить! Пить будете за здоровье госпожи Оливии. И ее светлости, само собой.

– Я с народом тоже бокальчик, – твердо потребовала я. – Ну хоть компотика!

– Ой, герцогиня, не бережешь ты свое здоровье, – проворчала Бабулька, но глаза ее смеялись. – Ладно, бокал компота с ликером.

– И салата оливье немерено!

Весь замок пришел в движение. Смерть герцога, болезни – Оливии и моя – словно парализовали всех, и народ маялся в печали, не зная, куда себя притулить. А тут герцогиня собирает ужин, по сути, в семейном кругу! Так что поживем еще, нечего раскисать!

Высокородные гости-прихлебатели, которые еще не сбежали тишком из замка, тоже не стали чиниться и с демократичными улыбками вместе с горничными, камеристками, поварами и даже слесарями собирались сесть за стол. В области кухни ощущалось безумное возбуждение, звон кастрюль и рев печей звучали чудесной музыкой. Я улыбнулась и сказала Бабульке:

– Идем к Оливии.

Моя милая подруга все так же спала. К моей радости, бледность сошла с ее лица, и она походила на прекрасную Спящую царевну из русской сказки, если, конечно, царевны бывают лысыми как коленки. Я нежно протерла лысину Оливии душистой салфеткой, поправила на ней сорочку (моя мама Сюзанна, конечно же, одела Оливию в свежайшее белье) и прошептала:

– С днем рождения, негодяйка моя. Ты выздоравливай, а? Я обязательно пригляжу за всеми твоими тварями в террариуме и растения обязуюсь поливать лично. Я ужасно без тебя скучаю. Поскандалить даже не с кем. И помни – я еще лидирую в метании дротиков, как ты можешь это терпеть? Просыпайся поскорей!

Доктор Гренуаль нетерпеливо зафыркал рядом:

– Ваша светлость, ваша светлость!

– Дотторе, я вся внимание.

– Я приготовил особые каучуковые трубки, которые будут присоединены к... органам жизнедеятельности ее светлости.

– Ох, бедная моя Оливия!

– Невозможно кормить ее с ложечки и подкладывать судно под...

– Я поняла. Действуйте, дотторе. Но прошу вас, точнее, приказываю, ведь я же герцогиня, дрын еловый: делайте все с особой осторожностью. Иначе я прикажу посадить вас на кол. Да. Наверное.

– Ваша светлость, я же не коновал, я доктор, у меня степень!

– То-то и оно. Сюзанна, умоляю: будь при ней неотлучно. Сама я пока не могу.

Сюзанна кивнула успокаивающе:

– Обещаю.

Доктор Гренуаль легко тронул меня за локоть:

– Ваша светлость, вам стоит уйти. Я буду присоединять.

– Ничего. Я буду рядом. Я не из брезгливых и помогу, если надо. Это у вас что?

– Особая мазь, смягчающая наконечники трубок для легкости введения.

– Я подержу.

Тут уж не выдержала Сюзанна:

– Ваша светлость, – тихо рявкнула на меня мамочка. – Идите отсюда и не мешайте работать доктору.

– Я переживаю...

– Переживайте за дверь, – Сюзанна прямо стальная стала! – Все сделаем хорошо и без вашего участия.

И Бабулька, предательница, развернула меня и буквально вытолкала из покоев Оливии:

– Иди, иди, матушка, не дури.

– Я ее подруга!!!

– Вот-вот, – кивнула Бабулька. – Ты думаешь, Оливия простит тебе, когда очнется, то, что ты видела ее в таком униженном состоянии? Да она тебя съест живьем и запьет компотом!

– Верно, – я опомнилась. – Так, мне нужен Фигаро. Надеюсь, он уже сунул в какой-нибудь каменный гроб мессера Патрицию и вернулся.

– Идем, выясним.

Я решила поговорить с Фигаро в оранжерее. Заодно покормила ядовитых гадов Оливии. Они, кстати, ели вяло. Еще передохнут! Оливия меня тогда придушит!

– Да в спячке они, – предположила Бабулька. – Я, конечно, не знаток змей и ядовитых гекконов, но зима ведь.

– Так, у меня еще кактусы-самострелы не политы!

– Сиди, я полью.

Бабулька железной рукой усадила меня на скамью, взяла лейку с некоей вонючей жидкостью и отправилась в глубину оранжереи. Судя по ее приглушенным ругательствам, у кактусов-самострелов спячки не было.

Я вздохнула. Вокруг меня творилась некая путаница, и серьезно повлиять на нее я пока не могла. Мне нужно было разобраться, где лгать, где говорить правду, кто действительно верен (в принципе понятно!), кто может предать, насколько серьезна угроза того, что меня сожгут как ведьму...

Скрипнула дверь оранжереи. Я выглянула из-за куста многолетнего бессмертника: ко мне своим изящным шагом уверенного в себе человека шел Фигаро. В кильватере у него несимпатично семенил додельный Патрицио. Как бы этого Патрицио отправить... ну, хоть в параллельную вселенную.

– Ваша светлость, – Фигаро уже стоял передо мною и склонял благородную голову. – Вы хотели меня видеть. Рад, что вам лучше.

– Да, Фигаро, но я еще не настолько здорова, чтобы терпеть присутствие мессера Патрицио. Извольте уйти прочь, нахальный юнец. Я желаю говорить со своим домоправителем наедине.

– Но, ваша светлость...

– Да что это за наглость! Или я уже не хозяйка Кастелло ди ла Перла?! Вон, мессер Патрицио, или вассалы моего покойного супруга раздерут вас на носовые платки!

– А вы знаете, как выглядит тело вашего мужа? – вякнул нахал, но тут произошло невероятное: с легким свистом ему в шею впились здоровенная иголка, и Патрицио рухнул как подкошенный.

– В иглах кактуса-самострела содержится легкий яд, парализующий человека на некоторое время, зависит от роста и веса. К тому же, очнувшись, человек не помнит события последних суток. – Бабулька вышла из-за зарослей бирючины, нежно покачивая в руках опасное растение.

– А не слишком ли мы жестоки с бедным мальчиком? – укорила я себя.

– Это не мальчик, а помощник королевского следователя, – отчеканил Фигаро. – Получает, что заслужил. Ваша светлость, не будем терять времени. О чем вы хотели со мной говорить?

– О последнем стихотворении герцога Альбино. Вы, конечно, его прочли.

– Да, прочел, оно не носило характера конфиденциальности.

– Тогда скажите: к кому обращался герцог?

– Возможно, к своей дочери. Впрочем, это маловероятно. Он

обращался к вам, зная, что у вас *особые* способности. В последнее время он много думал о вас.

– Откуда вы знаете, Фигаро?

– У меня свои источники, ваша светлость. И позвольте не раскрывать их.

– Позволяю. Но что значит это «Ты найди меня»? Он писал предсмертное стихотворение, он знал, что умрет. Она стояла и смеялась ему в лицо!

– Убийца, ваша светлость? Та, что едва не прикончила и вас?! Так это женщина?

– Скорее, бывшая женщина.

– Ваша светлость, женщины никогда не бывают бывшими.

– Даже если они превращаются в темную материю? Если они обладают способностью аннигилировать все вокруг себя? Выглядела она, конечно, довольно женственно, когда принялась разрушать мою руку...

– Что за способности, которыми она владеет? Это магия?

– Ой, Фигаро, умоляю! Еще скажите, что она ведьма!

– Скажу. Вы ведь тоже ведьма, ваша светлость.

– Фигаро! Я никакая не ведьма!

– Ведьма, и я готов подтвердить это под присягой.

– Какие замечательные признания можно услышать, если притвориться парализованным! – Патрицию, улыбаясь самой отвратительной улыбкой в мире, вставал с пола. – Конечно, вы же не знали, что я наполовину инсектоид. А яды кактусов-самострелов на инсектоидов не действуют. Итак, герцогиня, даже ваш домоправитель признал, что вы ведьма! Ах, ах, ах, как обидно, что расследование закончилось, почти не начавшись! Я немедленно сообщу обо всем услышанном своей начальнице. Да, ваша светлость, именем короля вы арестованы до выяснения иных обстоятельств.

– Бред! – я вскочила с места. – Фигаро, как же вы могли...

– Я не могу идти против правды, ваша светлость. Вы ведьма. Все говорит об этом. Слишком много доказательств.

– Каких?! – мне показалось, что я сплю.

– А об этом мы поговорим особо. – продолжал улыбаться Патрицию.

Какое же ты мерзкое насекомое, мальчик.

Глава пятая

«Посади возле дома дуб и самшит. Тот, кто хочет жить, не будет убит»

Вы замечали, что время – величина крайне условная и непостоянная? Мне это мессер Софус растолковал как-то на досуге за рюмочкой мальвазии. В момент Абсолютной Точки, когда произошел Взрыв Сущего (сразу появилось и «когда»), пошел отсчет развития материи и энергии. Вот *то* время было абсолютным, потому что им не пользовался человек. А как только возник человек и стал измерять свое бытие, время раздвоилось. Абсолютное текло из ниоткуда в никуда и представляло вечность, а относительное было линейным в соответствии с ограниченными возможностями человеческого разума. Нет, если бы человечество интенсивно развивало свой разум и мыслило глобально, а не где достать пива и сосисок к ужину, тогда человечество постигло бы абсолютное время и вошло в вечность. Не знаю, правда, вошли бы за ним туда пиво и сосиски... И вообще, нужны ли пиво и сосиски в вечности...

А сейчас, пользуясь нашим прирученным, приземленным временем, мы, человеки, его так измучили, что оно при любой возможности мстит нам любыми доступными ему способами. Вы заметили, что когда долго ждешь и желаешь чего-то очень для себя хорошего, полезного, важного, чего-то дозарезу нужного, время тянется, как безразмерный каучуковый шланг. Тянется, тянется, тянется, и чем больше ты лелеешь себя надеждой: «Ну вот завтра! Ну вот на следующей неделе!!! Ну должно же это когда-нибудь случиться, это счастье, и у меня будет сапфировое кольцо (платье, кукла, самострел, подствольный гранатомет, президентская власть, мировое господство)» – дрына елового это случается. Вот прямо *когда надо*, я имею в виду. Когда наконец можешь купить себе вожденное платье, ты уже на четыре размера больше его; получать в старости куклу и самострел – значит, заставить хохотать весь персонал дома престарелых, а уж с подствольным гранатометом может вообще такая гадость получиться... И мы, обманутые, взываем к судьбе: «Почему так? Почему я не получила того, что просила, именно тогда, когда нужно?!» А ответ прост. Это коварство времени. Время называет его Испытание Терпением. Зачем это Испытание нужно – непонятно, кому от этого лучше – тоже, но так устроен мир. И положите вы свой ржавый гранатомет, им только ворон пугать.

Но-о-о-о! Если в твоей судьбе звезды складываются в весьма непристойное сочетание, например Большой Кукиш в пятом доме Западлюги при растущей Фигне, тут уж время, что называется, торопится так, что его метафорические пятки сверкают! И судебные приставы стучат в одну дверь, когда в другую стучат серьезные пацаны с тяжелыми свинчатками (им ты тоже должен). А ведь договаривались подождать полгода! Что все вот так сразу-то! И засор в ванной! И кот сожрал кактус, и теперь его надо срочно везти к ветеринару... Продолжать можно до бесконечности. Суть ясна. Если гадости случаются, то со сверхвысокой скоростью и все разом.

Как, например, в моем случае.

...В детстве у меня было мало игрушек. Точнее, была одна – деревянный волчок. Его выстругал для меня какой-то постоялец в таверне моей приемной матушки, за что получил скидку на жареные колбаски. Я вертела этот волчок бесконечно, удивляясь, поражаясь тому, что только постоянное вращение не дает ему упасть.

Я это почему вспомнила. Я, Люция Монтессори, вдруг стала центром такого бешено вращающегося вокруг меня волчка. Словно весь замок пришел во вращение и время в нем закипело, как вода в котле, не давая ничего понять, ни даже хотя бы осмыслить.

Меня еще раз обвинили в ведьмовстве – теперь перед всем замком: раз – Фигаро, с официальной подписью под доносом, другой – помощник королевского следователя. Я была объявлена арестованной и неприкосновенной до решения Святой Юстиции и короля. С потолка спустилась госпожа королевский следователь, плотной слюдянистой нитью она оплела мне руки и капнула со жвала желтую ядовитую каплю – личную печать королевского следователя. С того момента ко мне были приставлены дюжие охранники, приехавшие со следовательскими санями. Они отпихивали всех желавших попрощаться, всех кричавших, что этому не верят. Я искала лицо Бабульки, но натыкалась на какие-то совершенно незнакомые лица, понимая, что вижу их, возможно, в последний раз.

– Оливия! – бешено вопила я, выдираясь из лап стражи. – Позаботьтесь об Оливии! Спасите Оливию!!! Сюзанна! Позаботьтесь об Оливии!

Меня брякнули чем-то тяжелым по голове, и я, как полагается в подобных случаях, отключилась.

И стало мне мягко и спокойно, словно я снова ребенок и меня укладывает спать моя любимая мамочка, а на коврике у кровати уже устроилась верная Собака. На тумбочке стоит удивительная лампа-ночник:

папа рассказал мне, что ночник изображает нашу планету, со всеми ее морями, океанами, островами и континентами...

– Спи, – мама целует меня в лоб. – Уже поздно.

– А ты спой мне песенку, как всегда...

– Люций, ты что угодно выклянчишь! Недаром папа говорит, что тебе ни в чем невозможно отказать.

– Но я же не о плохом прошу, а о твоей песенке!

– Хорошо.

Кошки бродят по дому,
Словно гордые львицы.
Все погружено в дрему,
Всем счастливое снится

Новогодние ели
Посадили в апреле.
Пели им свиристели,
И дождинки шумели.

Соловьиные трели
Позапутались в хмеле.
И вплетаются лозы
В изголовье постели.

Пусть счастливые грезы
Будут вечной наградой.
Кошки, грозы и лозы,
Аромат винограда.

Я ровно дышу, как дышу всегда, когда засыпаю. Я умею делать так, что даже ресницы на моих щеках кажутся крепко спящими. Мама смотрит на меня, целует и уходит. На своей щеке я чувствую ее слезу. Раньше мама никогда не плакала, пока мы жили в Городе-за-Светом. А теперь я часто вижу ее слезы. Особенно когда папы нет дома. Однажды папа даже накричал на маму. Я догадываюсь, почему это.

С нами нет Оливии.

Куда подевалась Оливия?

Ведь она моя старшая сестра!!!

Я вылезаю из кровати, приказываю Собаке не двигаться и бесшумно выскальзываю из комнаты. В коридоре уже включен ночной режим с программой звездного неба в проемах окон. Ночной режим обязательно поднимет тревогу, если я вздумаю разгуливать по дому в неположенное время, но я научился блокировать сенсоры, у меня это как-то само собой получается. Меня вообще легко слушается вся техника в доме, я все словно вижу до самой последней сути, и так же я вижу, что мама носит в себе огромное горе, а папа – огромный стыд, и это готово раздавить их.

Родительская спальня заперта снаружи. Значит, мама и папа, как и много вечеров подряд, сидят в гостиной: папа пьет какой-то коричневый напиток со льдом, а мама сидит в кресле, плачет и приканчивает один за другим сигаретные симуляторы.

– Возьми себя в руки, Руби, что толку от твоих слез? – мрачно цедит отец. – Или ты думаешь слезами вернуть нашу девочку?

– Ее можно было спасти! – мама кричит, и лицо ее становится страшным.

– Нет, – ревет отец, и он тоже страшней, чем выродки в комиксах. – Ты своими глазами видела, что Оливия была заражена этой тварью. Дюжиной этих тварей. Они уже впивались в ее мозг, сознание, организм! Все, что я мог, – выстрелить из плазмомета!

– Ты убил собственную дочь, как же ты живешь с этим?

– Я не живу, Руби. Разве это жизнь? Горстка человечества спряталась за силовой стеной, пока всю планету заселяют эти уроды, твари, или, как они просили себя именовать, инсектоиды! Они, мол, тоже разум! И раса, равная в правах! Уму непостижимо! Всех, кто был против, они просто сожрали, никакие плазмометы, никакие лазерные веера, никакие магнитные бомбы не помогли. Этот поселок, в котором мы живем, – иллюзия жизни, конвенция между нами и ими. До тех пор, пока они не проголодаются как следует...

Я не замечаю, как вхожу в гостиную. Краска на нагретом полу почему-то начинает пузыриться под ногами.

– Мама, Оливии больше нет?

– Люций?! – мама с ужасом смотрит на меня. – Ты должен быть в постели!

– Я требую ответа, я уже большой мальчик! – кричу я, а в окнах-экранах начинают полосами идти помехи. Настенный шкаф с посудой срывается и разлетается на кусочки.

– Люций, успокойся, прошу тебя, – мой отец упал на одно колено, одежда на нем дымилась. – Мы скажем тебе все, клянусь, но ты должен

быть спокойным, как я тебя учил. Иначе ты просто убьешь нас. Прошу. Дыши. Раз. Два. Три. Тишина. Раз, два, три, тишина.

Я успокаиваюсь и чувствую, как воздух вокруг меня перестает быть горячим. Это все моя Генетическая Способность, как называет мама. Раз, два, три.

Родители смотрят на меня, и в их глазах великая скорбь.

– Люций, ты знаешь, что нашу планету Одинокой Розы атаковали существа, которые называют себя инсектоидами. Их было невообразимое количество. И едва они коснулись земли, как принялись все пожирать – все живое на планете. Люди сначала пытались их уничтожить, но это было малоэффективно – яды только порождали новых выродков, а выжигающее оружие разрушало саму планету. Тогда люди стали просить выродков – они назвали себя инсектоидами – о том, чтобы мирно сосуществовать. Инсектоиды согласились. Они построили для людей резервации, но все, что находилось за пределами Стены Света, они поглощали немедленно. Так погибла Оливия. Она вышла за Стену, она нарушила их закон. Мы видели, как они пожирали ее, и ничего не могли сделать, кроме как убить. Прости, Люций. Прости, что так долго лгали тебе, мы хотели уберечь тебя.

– Для чего? – слезы текут у меня по щекам, но я стараюсь быть спокойным. Чтобы от злости и скорби не испепелить все вокруг. Родители не виноваты. Собака не виновата.

– Люций, у тебя парадоксальные генетические способности. Их очень, очень много в тебе, поверь, мы даже не в силах предположить, какая способность проявит себя в той или иной ситуации. Поэтому мы бережем тебя – в надежде, что настанет время, и с помощью своих способностей ты очистишь планету от этой дряни.

– Я понял, мама, я могу приступать хоть сейчас.

– Люций, подожди...

– Чего ждать?

– Ты еще совсем маленький мальчик, а если тебе не хватит сил?

– Хватит.

– Люций, пожалуйста, побудь пока с нами. Подрасти. Поиграй со своей Собакой, разве ты можешь взять ее в гибельный бой против инсектоидов?

– Верно, – говорю я. – Тогда я иду спать. Простите, что... напортил тут.

– Я провожу тебя, Люций. – Я чувствую, как осторожно мама кладет руку мне на плечо.

Я снова ложусь в постель и засыпаю...

...И просыпаюсь, изнемогая от холода и боли в сведенных руках!

– Где я? – кричу я, вглядываясь во тьму с белыми полосами снега.

– Да полно вам, герцогиня, дурочку-то ломать, – слышу я знакомый противно-пискляво-скрипучий голос. – Все здесь вы, с тем же благородным обществом, и никто пока не скачет вас, проклятую ведьму, освободить. Что и правильно, я считаю, ведьмой меньше, премией от начальства больше.

– И большие премии в ваших паскудных ведомствах дают? – осведомляюсь я исключительно от скуки и бездействия.

– На приличную жизнь хватает-с, – улыбается мне и моим стражам Патрицио. Вот он в каком месте мутировал – жвалы под подбородком и хитиновый ворот-панцирь вместо шеи. Омерзительнейшее зрелище.

– Как же вы проводите вашу приличную жизнь? – вяло улыбаюсь я. – Все балы небось да маскарады...

– Не до развлечений нам, слугам закона. Я, как первым помощником госпожи Раджины стал, все законоведческие книги читаю, философские тоже.

– Да вы просто молодец. Интеллектуал. Холодно, однако. Госпожа королевский следователь не замерзнет?

– Она в особой карете передвигаться изволит, с дровяным отоплением. Они впереди нас скачут.

– Много мы уже проехали?

– Достаточно, чтоб не ждать никакой помощи вдогонку от Кастелло ди ла Перла.

– Я не жду. Коль собственный... домоправитель показал на меня как на ведьму...

Верно, они там без меня устроили бал и дележ власти. Бедная Оливия, она даже не может постоять за себя, а ведь следующие по родословной ветви баронеты Травиоли, они ради власти и денег на все пойдут! Святая Мензурка, как все обернулось!

Мы въехали в огромную рощу. Каждое дерево здесь было как стена, и я вспомнила Бабульку, бросившую меня, исчезнувшую, пока мне связывали руки. Может быть, это такая политика Сопротивления, которым она руководит? Может быть, сейчас из-за могучих ветвей выскочат арбалетчики и раскрошат в мелкую пыль моих врагов?

– Как называются эти деревья? – спросила я.

– Дуб и самшит.

– «Посади в роще дуб и самшит, кто хочет жить, не будет убит», – проговорила я.

– Что это вы такое говорите? – напрягся Патрицио.

– Слова из детской считалки. Другие не помню, а эти вспомнила.
– Прямо уж! Наверняка тайный пароль! Только освободители ваши все позамерзли уже.

– Скоро и я замерзну, и вам нечего будет предоставить Святой Юстиции. Так что киньте, законолюбия ради, хоть ватное одеяло.

Мессер Патрицио не слишком любезно передал мне хлипковатое ватное одеяло. Я постаралась в него плотно закутаться.

– По какой дороге мы едем? – я снова начала пытаться вопросами своего спутника.

– По казенной. Неужели вы считаете, что вас везут в столицу? Мы едем в Кастелло ди Долороза, Замок страданий, главную государственную тюрьму Старой Литании.

– Ух ты, – оптимистично шмыгнула носом я. – Респектабельно как звучит. Мелочь, а приятно.

Когда в наступающем рассвете нового дня я увидела Кастелло ди Долороза, я поняла, что мелочью тут и не пахнет.

Он занимал целый остров, меж ним и сушей были десятки миль воды, серой, холодной, свинцовой воды. Громадные стены из тесаных камней, высокие башни, никаких окон или лестниц – нечего было и думать сбежать из этого рукотворного ужаса. И найдись смельчак, что сбежит из тюрьмы, – его прикончат не стражи, его прикончит холод похлеще любой виселицы.

На берегу мы – стража, Патрицио и я – пересели в крытый баркас. Госпожа Раджина, видимо, отправилась с донесением к королю.

К холоду воздуха прибавился и холод от воды. Я, в своем праздничном платье с жестким корсажем, дрожала так, что зуб на зуб не попадал. Да, веселенько закончился для меня день рождения...

– Какое сегодня число? – спросила я Патрицио.

– Восьмое февраля.

– Как? Но ведь меня схватили пятого вечером, значит, мы столько времени уже в пути?!

– Совершенно верно, прелестная синьора. Вы почти проспали весь путь – этому способствует легкое снотворное, содержащееся в яде госпожи Раджины.

Все это время я ничего не ела и сейчас нехстати ощутила жуткий голод.

– Кормить, конечно, вы меня не будете, – сказала я.

– Была забота, – и подлец Патрицио засмеялся. – Вот оформят вас как заключенную и будут паек выдавать согласно внутреннему расписанию. А до тех пор потерпите.

– Воды тоже нельзя?

– Обойдетесь. Вам теперь придется учиться обходиться малым, герцогиня. Совсем малым. Кушать вполкуска, пить вполглотка, спать вполглаза. Кастелло ди Долороза приучит вас к смирению. Вы полностью осознаете все свои ошибки, глубоко, искренне раскаетесь в них и с радостью взойдете на костер.

– Да уж, приятная перспективка вырисовывается...

Лодка причалила к берегу. Тут меня ждали еще два закованных в латы охранника. Ветер насвистывал что-то висельное, и я в своем платье промерзла до точки абсолютного нуля. Сейчас развалюсь кусками льда...

Но не вышло. Охранники взяли меня под локти и почти поволокли в темный каменный коридор. Я оглянулась – там еще было небо, вода, какие-то птицы, как символы надежды, а впереди – только тьма, камень и боль.

В глубине души я понимала, что захоти я, – и вся эта махина разлетится у меня по кирпичику и я смогу победоносно возвратиться в свой замок. Только вот не мой он теперь. И самое дорогое в нем для меня – Оливия и Сюзанна. И чтобы они не пострадали от моих выкрутасов, я должна играть свою роль. Быть обычным человеком без подозрительных способностей.

Освободив тяжелым ножом мои руки от паутины королевского следователя, меня ввели в круглый каменный зал с несколькими каменными же дверями. В центре зала стояло что-то вроде священного Градусника и светилось зеленоватым светом.

– О'кей, Система, прибыла новая заключенная.

– Отправьте на первичное рассмотрение Тройки.

– О'кей, Система, будет исполнено.

Светящийся «градусник», по-видимому, был распределительной системой заключенных. Охранники подвели меня к дверям из полированного обсидиана. Один из охранников приложил ладонь к светящемуся силуэту ладони на стене, и двери бесшумно разъехались. Мы вошли в небольшую комнату, двери затворились, и комната поехала вниз – это было видно в небольшое окошечко в стене. Мелькали полосы огней. Наконец движение прекратилось, двери разъехались, охранники стиснули мои предплечья железной хваткой, и мне оставалось только покорно идти за ними.

Это снова был коридор, облицованный черным мрамором. Каждые несколько метров стояла чаша с оригинальным светильником: тонкие, изящные палочки держат светящийся белый шар. Потом я поняла, что это не палочки. Это бронзовые изваяния лап жуков, богомолов, пауков, пчел...

От этого меня почему-то затошнило, и я постаралась дышать как можно глубже, чтобы не опозориться в свой первый день пребывания в стане врага.

Двери, к которым меня привели, были выполнены в виде хитиновых надкрылий жука-носорога, изваяние его же головы нависало сверху.

– О'кей, Система, заключенная на первичное рассмотрение Тройки прибыла.

– Входите, – голос был словно из жести.

Крылья раздвинулись и сошлись снова, пропустив меня одну. Здесь меня так не боятся?

Присмотревшись, я поняла, что у моих пленителей нет никакого основания для опасений. Я стояла перед длинным столом из чистого золота, а сидели за ним гигантский таракан, огромная гусеница и муха таких размеров, что один взгляд в ее фасетчатые глаза лишал воли, силы и мужества. Я поняла, что это и есть Тройка. Кстати, все они были задрапированы белым атласом с золотой вышивкой, а на своих головах имели золотые же короны в виде цветочных венков. Да, еще перед Мухой стоял странный пузатый чайник, из которого она наливала себе в чашку душистую жидкость, Гусеница беспрестанно курила кальян, а Таракан все время разглаживал лапками свои длиннющие усы. И как бы эти монстры ни были страшны, все вышеописанное придавало им смехотворность. Словно их вытащили из каких-то сказок и сделали чудовищами против их воли.

– Пффу, – выпустила струйку дыма Гусеница. – Назови себя, человеческое существо.

– Меня зовут Люция Монтессори...

– Пффу, – перебила меня Гусеница, выпустив мощную зловонную струю прямо мне в лицо. Что она курит? Какашки ядовитого геккона? – Люция? А ты точно уверена, что тебя зовут Люция? Может быть, тебя зовут Алиса? Или когда-нибудь звали Алиса?

– Нет... сударь. Меня никогда не звали Алисой, и в этом я твердо уверена.

– Когда ображ-ж-жаешься к одному из нас-с-с-с, – прожужжала Муха. – С-с-следует с-с-соблюдать нормы этикета. Наз-з-зывай нас-с-с Ум, Чес-с-сть и С-с-справедливость.

– Да, да, да, – принялся ловить свои усы Таракан. – Я Ум. Это Честь, а это Справедливость.

– Ты опять все перепутал! – возмутилась Муха. – Сколько можно нюхать дуст! Запомни: ты – Честь.

- Ой, хорошо, хорошо, только не жужжи, от тебя голова взрывается.
- Это потому, что я Справедливость, – потеряла лапки Муха. – А вот она – Ум.
- Вот и разобрались. Продолжим допрос обвиняемой. Кстати, кто-нибудь протокол ведет?
- Уже ведем ее на кол? Подождите, надо быть гуманнее... Она же человек все-таки.
- Я говорю про протокол допроса! – нервно затряс усами Таракан. – Ты, жужжалка, должна была его вести. А ты постоянно чай дуешь из самовара и плюшки прячешь от меня!
- Так, плюшки – это закрытая информация! И без намеков на мой самовар! Куплен на честно заработанные средства и в налоговую декларацию внесен. Все, хватит. Я веду протокол. Пишу. Восьмое февраля. Доставлена заключенная по имени Люция Монтессори...
- Точно не Алиса?
- Заткнись со своей Алисой! Какое вы носите звание, Люция?
- Я герцогиня Монтессори, хозяйка Кастелло ди ла Перла.
- Ага. Замужем?
- Вдова.
- Ага, ага. Муженька отравили, поэтому вас к нам доставили.
- Дустом небось травили-то, – дернул себя за ус Таракан. – Верное средство, особенно трижды очищенный, колумбайский. У меня от него аж все перемыкает, и не знаю, кто я, то ли таракан, то ли...
- Заткнись! Заткнись! Заткнись со своим дустом, достал всех уже! Заключенная, вы признаетесь, что убили своего мужа?
- Нет. Я не убивала своего мужа.
- Значит, ваш муж жив? Вы признаете это?
- Нет, мой муж мертв.
- Значит, все-таки убили! Сами или любовник ваш убил?
- Нет, не сама. И любовника у меня нет.
- Глянь, и любовника прикокнула. Просто серийная убийца какая-то.
- Я никого не убивала!!! – я заорала так, что в самоваре Мухи сама собой закипела вода, а Гусеница подавилась дымом. – Я не убийца!
- Тогда в чем тебя обвиняют? Ты давай побыстрей рассказывай, у нас пересменка скоро.
- Меня обвиняют в том, что я ведьма.
- Ой, удивила-насмешила! Да сейчас каждую вторую человеческую самку в этом обвиняют!
- Но вообще, девонька, плохи твои дела. Кто обвинение-то состряпал?

– Мой домоправитель. И помощник королевского следователя.

– У, как все серьезно. Тогда это не к нам, не к нам. Тебе надо на заседание коллегии Святой Юстиции. А мы так, по бытовухе работаем: убил-ограбил, то-се. Эй, охрана!

Вошли те самые железные молодчики.

– Отведите заключенную в коллегию Святой Юстиции. Вечно понапутают с этой бюрократией...

Меня уже уводили, как я услышала:

– Тараканище, дустом-то угости.

– То-то. Чистый, как слеза Дюймовочки!

Снова мы сели в лифт, и в его окошке замелькали огоньки. Мы ехали вниз. Становилось холоднее. Сжечь они меня не успеют, а вот заморозить – легко!

Двери, перед которыми мы теперь остановились, изображали гигантского золотого жука-скарабея, в передних лапках держащего солнце, инкрустированное миллионом алмазов. Значит, за столь роскошными дверями находился кто-то действительно... масштабный, и я готовила себя к самому худшему.

Двери-надкрылья въехали в пазы в стенах, охранники снова остались снаружи, и я пошла вперед, дрожа и от холода, и от истощения. Дорого бы я сейчас дала за пирожок с капустой! Или мясной рулет. Или оливье... Так, стоп, Люция, сейчас ты узришь таких монстров, которые навсегда отобьют у тебя аппетит.

Но я увидела вовсе не монстров. На золотом постаменте стояли три кресла и в них сидели... люди. Не инсектоиды! Значит, Святая Юстиция – это люди, такие же, как вы и я! Люди, предающие мучительным казням своих же собратьев! Я всегда думала, что Святая Юстиция – это скопище выроdkов-жуков, но теперь предо мной открылась простая истина: вернее всего людей убивают сами же люди.

Я встала перед помостом пошатываясь. Руки мои онемели от холода, голод, жажда, усталость терзали не хуже пыточных дел мастеров. Но у меня было платье с жестким корсажем, и оно заставляло держать спину прямо.

– Назовите себя, – молвил один из Них.

– Герцогиня Люция Монтессори, хозяйка Кастелло ди ла Перла и прочих земель, дарованных короной моему супругу за его великие заслуги.

– Вы вдова Альбино Монтессори. Великого Альбино!

– Да, ваша честь.

– В чем вас обвиняют?

– В том, что я ведьма, ваша честь.

– И вы действительно ведьма, Люция Монтеessori?

– Нет, ваша честь. Я уверена, что ведьм и магии вообще не существует в природе, а есть лишь законы науки, доселе нами неизученные. И есть люди, которые, видя нечто, не поддающееся их разуму, стараются объяснить все магией, волшебством и чародейством.

– Вы отрицаете, что вы ведьма?

– Да, отрицаю. И буду отрицать до своего последнего вздоха.

– Какая похвальная твердость. Может быть, она немного поколеблется, если вы узнаете, что многие ваши родственники и даже слуги писали многочисленные доносы в Святую Канцелярию.

– Мне об этих доносах ничего не известно, ваша честь.

– Секретарь, затребуйте из хранилища папку З-М.

Молчаливый секретарь немедленно принес рекомую папку, она оказалась объемистой.

– Так-так, посмотрим, – протянул мужчина в главном кресле. – Доносы на вас, сударыня, начали писать, еще когда вы были компаньонкой дочери герцога. Вот например: «Люция подбивает малолетнюю дочь герцога творить вместе с нею колдовские ритуалы и петь непотребные песни». Или вот: «На молодой луне я видела, как Люция вышла во двор замка нагишом и обратилась в огромную птицу. Она долго летала над полями герцогства, а под утро вернулась и снова обратилась человеком». Это вот занятно: «Я герцогский бондарь и как-то шел в деревню по своей нужде. Вдруг откуда ни возьмись появились Люция и донья Оливия и принялись щекотать меня так, что я вдруг превратился в борова, и они катались на мне по полям, пока я совсем не изнемог. Очнулся я утром в человеческом обличье». Конечно, мы понимаем, что эти доносы гроша ломаного не стоят. А уж когда вы стали герцогиней, они вообще шли непрекращающимся потоком. Но вот что нам действительно интересно. Дочь герцога родилась калекой, уродом и никакие земные лекари или лекарства не могли помочь ей исцелиться хоть самую малость. И тут в замок приезжаете вы. И челядь – она же ведь глазастая, челядь-то! – начинает замечать, что юная герцогиня постепенно выглядит все здоровее и здоровее. А вы меж тем ежедневно делаете настойки особых трав и втираете их в тело Оливии. И происходит чудо: Оливия из скорченной калекки становится стройной, сильной, вполне здоровой девушкой! Не магия ли это? Не волшебство ли?

– Нет, – ответила я. – Не волшебство. Герцог Альбино пригласил посетить наш замок Его Высокоблагочестие. И именно благодаря

непрестанным горячим молитвам Святейшего Жука и выздоровела Оливия.

– Ха-ха-ха, – железно рассмеялся Законник. – А женить на себе герцога и тем самым стать герцогиней вам тоже помог Его Высокоблагочестие? А не вы ли имеете особый волшебный камень, который может создавать любые стихи на любом наречии и любым почерком на любой же бумаге? Как называется этот чудесный камень? Ответьте, голубушка.

– Анапестон, – мрачно буркнула я. – Но это не волшебство. Это просто прибор, взятый из другого измерения...

– Не спешите, – сказал Законник. – Теперь у вас будет достаточно времени все-все-все нам рассказать. Общитесь ее, перед тем как отвести в камеру.

Я сразу подумала о спрятанных кинжале и листке со стихотворением Альбино.

– Нет! – закричала я. – Вы что, вот так будете прямо здесь раздевать герцогиню?! Негодяи!

– Полно вам изображать из себя гранд-даму, *герцогиня*, – насмешливо произнес, любуясь ногтями, Законник. – Никто не собирается вас раздевать, была нужда. А обещут вас наши милые, везде проникающие малютки.

Он щелкнул пальцами, и я увидела, как по каменному полу ко мне бежит белесая, подпрыгивающая струйка. Платяные вши! Не-ет!

Мое сознание милосердно угасло, пока полчища вшей оккупировали мое тело.

Глава шестая

«Проси у жизни ее стерпеть – и сможешь жить и даже петь»

Проводи меня до пристани,
Посади меня в ладью.
Я про горестные истины
Грустным голосом спою.
Те, кого любила, предали,
Кто жалел, спалил дотла.
С этой горькою победою
Я в бессмертие вошла.
У меня в ладонях дырочки,
Чтоб смотреть на белый свет.
Я как будто из пробирочки —
У меня родимых нет.
И засыплет меня листьями
Время, словно дочь свою.
Проводи меня до пристани,
Посади меня в ладью.

Наверное, эта песня звучала здесь уже бесчисленное количество раз – просто я, будучи в глубоком обмороке, не воспринимала ее как песню. Я ощущала ее, как вязаное рваное одеяло, в которое меня укутали, чтобы я смогла хоть немного согреться, я пила ее, как воду – сладковатую и затхлую, но такую желанную! Я ела эту песню с размоченными ржаными сухарями и прогорклой кашей – поначалу меня тошнило, но потом я привыкла к такой скудной, но драгоценной пище. И все время, все время меня сопровождал тихий голосок-шепоток, нежный, успокаивающий, залечивающий...

В тот день, когда я различила в песне слова, я снова родилась для жизни.

Я открыла глаза. Вокруг было мало светлого, да и света тоже не доставало. Я лежала на жестком топчане, укрытая грязно-серой рваной дерюгой; напротив, высоко, почти под потолком, находилось плотно

зарешеченное окно.

Я села и огляделась: раз в камере пели, значит, должен быть источник голоса. И источник нашелся: изможденная, худющая старушка моего роста, облысевшая, истончившаяся до невероятия, так что живыми в ней были только тонкие руки. И голос – тихий, непрерывный, как дыхание.

– Кто ты? – шепотом спросила я ее.

Она дернулась, закрыла исхудавшими руками голову, сжалась на своем топчане:

– Нельзя! Нельзя! Здесь вопросы задают они. Они спрашивают. Если молчишь – бьют. Еще молчишь – не дают еды и воды. Еще молчишь – пропускают через тебя молнию.

– Но ты спасла мне жизнь.

– Нет, это просто так вышло.

– Они напустили на меня вшей.

– Вшей больше нет. Ушли. Вши только досматривают, обыскивают и докладывают. Черви страшнее, они могут забраться внутрь и мучить, грызть, причинять боль. Чем больше молчишь, тем больше причиняют боли.

Я всмотрелась в ее лицо и ахнула – у несчастной страдальцы не было глаз! И она была совсем не старушка, лет ей было не больше, чем мне, просто невероятные страдания превратили ее в столь ужасающее существо.

– За что тебя так? – спросила я.

Она начала раскачиваться из стороны в сторону, обхватив голову руками:

– Я не знаю, не знаю, не знаю, я скажу все, что вам надо, только не пускайте в меня червей, только давайте воду и пищу... Проводи меня до пристани, посади меня в ладью, проводи меня до пристани, посади меня...

Я посмотрела – на грубо сколоченном столе стояли кувшин и кружки. Я налила воды и подала кружку несчастной:

– Попей, и все пройдет, и ты успокоишься. Бедная девочка, как ты намучилась...

Она с жадностью выпила воду и вдруг принялась быстро-быстро ощупывать руками мое лицо. Я увидела, что в ладонях у нее дырочки, много-много.

– Я так вижу, дырочками, – шептала она. – Ты красивая. Сильная, ты еще совсем недавно здесь, из тебя не сосут силы. Волос тоже нет, странно. Платье жесткое, колючее, как у благородных... Кружева, камешки. Я любила кружева и камешки, когда...

– Когда?

– Когда-то, – кратко ответила она и отскочила от меня. Стала ощупывать стены. – Ты скоро уйдешь, уйдешь, – шептала она. – Никто не выдерживает со мной. Меня показывают всем новичкам: смотрите, вот Дырявая Салли, если вы будете молчать, если вы не станете признаваться во всех преступлениях, с вами будет то же самое! Ваши глаза съедят, ваши руки проедят черви, и вы признаетесь во всем. И вы уйдете от Дырявой Салли, от нее все уходят, проводи меня до пристани, посади меня в ладью...

Смотреть и слушать это было выше моих сил. Я встряхнула руками, словно запуская вокруг себя сполохи космической энергии. Я почувствовала, как в точке солнечного сплетения собираются силовые линии, которыми можно исцелять или губить.

Я положила ладони на плечи Салли:

– Я провожу тебя до пристани, вот, видишь, мы уже идем туда. Доски настила мягко пружинят у нас под ногами. Пахнет рекой, травой, цветами. Солнце садится, птицы умолкают. Платья у нас длинные, их шлейфы мягко шуршат. А вот и твоя ладья. Смотри, как красиво она расписана, а парус на ней из изумрудного с золотом шелка. Мы садимся в ладью и вместе медленно плывем по реке, погружая весла в ее золотые воды. И с каждой минутой сил в тебе прибавляется, душа твоя успокаивается, ты засыпаешь крепким, целительным сном... Спишь. Спишь.

Я отпустила Салли, аккуратно уложила ее на топчан и укрыла истертым одеялом. Я сейчас смотрела на нее иным взглядом и видела, как повреждено ее тело, но – самое страшное – был поврежден ее разум. Я могу ее вылечить. И вылечу. Но делать это надо незаметно, чтобы тюремщики не догадались и чтобы сделать это за минимальное время до побега. Вы слышали слово «побег»? Вы сомневались в том, что я его произнесу?

У меня все еще жгло в центре солнечного сплетения. Я опустила руку за корсаж и ощутила свой кинжал!!! Его не вытащили! Видимо, платяные вши не сочли его серьезной уликой, когда меня обыскивали. Мозги-то увшей соответствующие.

А вот бумаги с последним письмом Альбино Монтессори не было. Значит, важная улика. Значит, об этом будет разговор.

И словно подтверждая мои догадки, заскрипела дверь:

– Заключенная Монтессори, на допрос!

Я поправила платье (порядком обтрепанное) и вышла. Мне завели руки за спину, защелкнули наручники и повели по коридору, подталкивая в

спину тяжелой дубиной. Видимо, для пущего унижения.

В этот раз я оказалась в комнате с весьма скромной обстановкой, но представители Святой Юстиции были прежние. Люди, сухощавые, высокие, с высоко зачесанными волосами, в темных камзолах, штанах и ботфортах, каждый при шпаге. Раньше я этих деталей не заметила.

– Приветствую вас, досточтимые мессеры, – я сделала глубокий реверанс и послала Законникам самую ядовитую из своих улыбок.

– Мило, мило, Люция, – закивал головой старший Законник. – Как вижу, пребывание в обществе Дырявой Салли не умалило твоего природного оптимизма.

– Ну что вы, мессер, – я элегантно развела руками – какое счастье, когда снимают наручники! – Мне приходилось бывать и в менее пристойных обществах. Чего и ждать от жалкого подкидыша, выросшего в трактире?

– Оставим в стороне ваше темное прошлое, сейчас меня интересует одно.

И Законник положил перед собой на стол хорошо знакомый мне листок со стихотворением Альбино Монтессори.

Я молчала.

– Ну? – обратился ко мне Законник. – Что молчим? Чего ждем?

– А что надо говорить? – изображать дурочку я умею как никто.

– Заключение плохо понимает, что от нее требуется, – обратился к одному из охранников Законник. – Объясните ей, сломайте левую руку.

Мои руки, еще болевшие от паутины госпожи Раджины, и так настрадались. И не успела я крикнуть, что буду сотрудничать и все такое, моя левая рука оказалась в лапах охранника. Он сломал мне запястье с легкостью, будто сломал веточку дерева. Я упала на пол и скорчилась от боли, стискивая зубы, чтобы не завопить.

– Теперь вы будете более сговорчивы, Люция.

Я зарычала и встала:

– Вот это вы напрасно сделали, сударь. С приличными людьми я разговариваю и без костоломства. А вы в прошлом месяце путем приписок присвоили себе кругленькую сумму, выделенную на новые модели наручников. А с коллегами не поделились. А ведь это преступление, *государственненькое*. Особо тяжкое. И кто тут у нас теперича преступник?

– Мессер Готлиб, это правда? – вскричал главный Законник.

Мессер Готлиб позеленел и пал на колени:

– Это ложь, ложь, ведьма на меня клеветает!

– А если вы обыщете кабинет мессера Готлиба, то в его шкафу найдете

сундук с двадцатью тремя золотыми слитками и коробку с женским бельем, в которое он любит облачаться и вертеться перед зеркалом! – торжествующе заорала я. Трудно, что ли, здешние кабинеты просканировать. Клоповник, право слово, клоповник.

– Стража! Обыскать кабинет мессера Готлиба!

– Ох, и веселые штучки они там найдут!

– Заткнись, ведьма!

Я чуть наклонилась к столу с оставшимися Законниками и изящно повертела своим недавно сломанным запястьем перед их полиловевшими лицами.

– Вы уж повежливее со мною, господа. У меня-то все срастается, как видите, а вот если я вам что-нибудь сломаю или оторву – не факт. Вежливость и терпение – вот два фактора, необходимые при допросе заключенного. Так что поставьте-ка мне кресло покинувшего нас мессера Готлиба, и мы деликатно поведем наше с вами общение. С чего начнем? Да хоть с той бумаги, коею вы потрясали перед моим носом. Да, я знаю, что это за бумага. На ней написано последнее стихотворение Альбино Монтессори. Оно не окончено. Последние слова: «Ты найди меня» – и кровавый отпечаток пальца. Я не знаю, кому писал это стихотворение мессер Альбино – мне или своей дочери, но понимаю одно – он писал его под пристальным взглядом убийцы. И вы должны поверить – убийца не я. Я сама пострадала от ее нечеловеческих способностей, и я погибла бы, будь я всего лишь человеком.

– Постойте! Вы не человек?

– А что так плохо заметно? Я *гуманоид*. Существуют же на планете инсектоиды. А я гуманоид, между прочим, Ай-Кеаль, звездная принцесса планеты Нимб, галактический кластер не помню какой. А вы мне сразу вшей, запястья ломать... А у меня, между прочим, способности, которые бы весьма и весьма повысили экономический статус Старой Литании. И военный тоже. Я владею пятьюдесятью тремя различными способами массового поражения противника при полной безопасности собственной армии. Еще кое-что по мелочи могу: вот этот молоточек у вас оловянный?

– Д-да...

– Дайте-ка.

Я взяла в руки молоточек, мысленно перестроила атомную структуру (на это ушло у меня минуты три) и изящным жестом вручила Законникам вещицу из абсолютного золота. Она сияла, конечно, впечатляюще, что и говорить!

– Ва-ва-ва... ше высочество! – Законники аж камзолы

порасстегивали. – Да как же вы! И у нас! Честь-то, честь-то какая! Теперь-то мы уж видим, что вы не ведьма, какому болвану только это в голову пришло! Вы уж нас, дуболомов, простите, все с поганым народишком работаем, гуманоида разве когда встретишь?

– Само собой. Я не в обиде. Просто мои способности пугают как инсектоидов, так и людей. Касательно же смерти моего бедного мужа. Я знаю, кто его убийца. Это тоже, можно сказать, гуманоид. Обладающий силами планетарного масштаба. И только я могу ее остановить и предотвратить гибель вселенной. Вам ведь не нужна гибель вселенной? Тогда уже не до богатств будет, не до чинов, все вмиг пыф! – и схлопнется.

– Ох!!!

– А я могу это остановить, держать под контролем равновесие мира, о как! Хотя в условиях вашей тюрьмы делать это, прямо скажу, нерелевантно.

– Поняли, поняли, ваше высочество, сделаем соответствующий доклад его величеству о досадной ошибке и оговоре, вам полная амнистия, немедленно лучшие сани до вашего замка, сухой паек соответственно!

– Еще вот что. Я хочу взять с собой Дырявую Салли. Отведите меня в камеру.

– Что вы! Мы вас в лучшие покои.

– Нет. В камеру Дырявой Салли.

Мне повиновались, как древней богине. Заодно в камеру принесли нарезанную на тарелке копченую говядину, сыр и плюс бутылку какого-то пойла.

– Салли, – ласково сказала я. – Я вернулась.

– Люция, твое имя означает светоносная. Ты греешь меня.

– Салли, – я села на ее топчан, – положи голову мне на колени, а я спою тебе песенку...

Я говорю напрасные слова,
Одни слова, и что быть может хуже
Того, что в этой жизни я вдова,
Вдова несуществующего мужа.
Листва стихов на каменном полу
Мне не напоминает в одночасье
О том, что я всю жизнь храню золу
Костра несуществующего счастья.
И к сердцу подступающая грусть
Мне вновь и вновь дает напоминанье,
Что я еще во власти нахожусь

Придуманного детского страдания.

Это в общем-то была не песенка. Эти строчки просто крутились у меня в голове с тех пор, как я вошла под своды тюрьмы. Возможно, так мой организм реагировал на шок. Возможно, ко всем моим способностям прибавилось еще и рифмоплетство...

Я положила руку на глазницы Салли. Соотнесла свое дыхание с ее собственным, объединила мысленно кровотоки и наполовину стала Салли. А потом отпустила свой разум, свое воображение, и передо мной затанцевали, словно в калейдоскопе, яркие пятнышки-шарики. И среди них образовались два солнышка-одуванчика, два зеркальца, две искорки.

Их я и опустила в глазницы Салли. Пропустила сквозь ладонь пучок космической энергии и поняла, что у Салли теперь есть глаза. Да не простые, а легко отличающие правду от лжи.

Она продолжала спать, и я занялась ее руками. Я залечила каверны, испещряющие их, влила в руки новую силу, да и вообще я поделилась с Салли своими возможностями и силами. После такого я чувствовала себя опустошенной, и мне нужно было выпить воды. Чистой, кристальной, ледяной воды.

Но ее не было – такой. В кувшине оставалась грязноватая, затхлая вода. Ладно, ничего. Я провела над нею ладонью, очищая, и выпила.

И сразу меня потянуло в сон. Все-таки, когда ты занимаешься исцелением, то тратишь силы. И я так и заснула – сидя, с Салли, положившей голову мне на колени.

Мне снился мир Люция. Мальчика с Собакой. Люций ушел от родителей, покинул защитную зону и сейчас буквально шагал навстречу своей смерти. Вокруг него клубились полчища червей, ядовитых сороконожек, жуков и прочих тварей, но они не смели его коснуться. Я поняла почему – Люций раскалил себя, как мартеновский металл. Собака бежала в отдалении от него, и глаза ее слезились.

– Собака, – он повернулся к ней. – Тебя не тронут.

Над Люцием навис червь.

– Я посланник его величества, – просипел червь. – Что вы хотите?

– Я хочу видеть вашего короля.

– Вы слишком опасны.

– Тогда я испепелю вас всех и так или иначе доберусь до вашего короля.

– Хорошо, мы проводим вас.

Люция привели в развалины, там стояло нечто вроде трона с балдахином. На троне сидел огромный жук.

– Кто осмелился побеспокоить меня? – взревел жук.

– Я, – сказал Люций. – Я пришел мстить за мир, который вы уничтожили.

– Месть припоздала. Этот мир не возродить.

– Да я знаю, как и не вернуть к жизни мою сестру Оливию. Но сделать хоть что-то – лучше, чем ничего не сделать.

Люций моргает – и жук разлетается на куски. Золотистый червячок, укрытый в этих бутафорских доспехах, пытается сбежать, но Люций давит его:

– Прощайте, ваше величество.

И тут же все насекомые начинают умирать. Они рассыпаются в прах и пыль, расползаются по швам. Поднимается сильный ветер и сгоняет прочь эту пыль, а когда ветер утихает, планета чиста от захватчиков, искорежена, изуродована, но чиста.

– Люди! – машет рукой Люций, прижимая к себе Собаку. – Их больше нет! Совсем нет!

Видно, как силовые купола над последними прибежищами людей исчезают, и люди выходят на свою, теперь уже точно свою планету.

– Люций! – мама и папа бегут к своему невероятному сыну, но обнять его боятся – он все еще раскален, как металлическая плашка. Вместо этого они обнимают Собаку: – Смотри, Собака, какой он удивительный.

Поздним вечером этого дня на планете все еще светло. Люди празднуют свое освобождение, танцуя и сидя у многочисленных костров, поглощая консервированные продукты и вина.

– Люций, – мама ласково гладит сына по спине. – Ты герой. А у героев своя дорога. Куда ты хочешь уйти от нас? Я ведь это чувствую.

– Я пойду по параллельным мирам, – говорит Люций. – Я буду искать девушку, похожую на мою сестру, и уничтожать инсектоидов, если они где-то захватили мир. Мне будет очень одиноко без вас, но остаться я не могу. Словно у меня крылья, и они зовут меня в путь.

– В путь, – повторяю я и просыпаюсь.

Салли тоже не спит и смотрит на меня чудесными глазами цвета крепкого чая с искорками-золотинками.

– Люция, – говорит она. – На свете нет столько благодарности, сколько в моем сердце.

– Да ладно тебе. Скоро нас здесь уже не будет, и ты увидишь мир, в котором есть место прекрасным вещам. Например, салату оливье. Кстати, я

ужасно голодна.

– Эй, – кричу я. – Кормить нас собираются?

– А как же – входит толстопузый охранник, – вот, пожалуйста, суп-пюре из курицы, жюльен, окорок...

– Неплохо. Мы тут поедим.

– А когда изволите осмотреть нашу обитель скорби?

– После обеда.

– Ах! А это Дырявая Салли? Вы ее исцелили! Матушка-вседержительница, у меня жена к постели двадцать лет прикована, что хотите отдам, только исцелите.

– Хорошо. Но ведь это надо ехать в город?

– Да, это мы организуем.

– Голубчик, мы только пообедаем. Энергия восполнения требует.

– Как же, как же. – Но при этом толстопузик не ушел. Прислуживал при обеде и просто ел меня глазами.

Потом нас представили коменданту, он тоже был потрясен видом Салли, быстро соорудили баркас, комендант поехал с нами, и мы договорились, что пока я буду жить в семье охранника.

Конечно, я исцелила его жену. Там со спинномозговой жидкостью были проблемы. Она так плакала от радости, что я еле ее успокоила. Заодно я вылечила коменданта крепости: у этого симпатичного мужчины было уродство – огромное багровое родимое пятно. Я свела его за секунду, и комендант – звали его Маттео Пострео – стал ходить за мной как привязанный.

А ходить приходилось много. И принимать у себя больных. Прошел месяц, прежде чем я смогла собраться домой. Со мной ехали Салли и комендант, сложивший полномочия и безумно в меня влюбленный. Помню, как это было:

– Госпожа моя! – отбросив зеркало и рыдая, он пал к моим ногам. – Я твой раб до последнего вздоха и твой верный пес. Не гони, позволь служить тебе!

Он так рыдал, что мне стало неудобно:

– Мессер Маттео, полно вам. А кто же комендантом будет?

– Король назначит! А я увольняюсь. Все! Отныне я ваш телохранитель и не позволю волосу упасть с вашей головы!

– Я лысая.

– Все равно. Донна Люция, повелевайте мной!

Тогда же он провел для меня экскурсию по камерам.

– Дражайшая донна, – начал свою экскурсию мессер Маттео. –

Кастелло ди Долороза был возведен на этом крошечном каменном островке триста лет назад. Его строителями были первые заключенные, чьи кости перемешались с цементом и проклятиями. Каждый год замок рос, каждый год в нем прибавлялось камер и осужденных. Как видите, он представляет собой спиральную конструкцию, и на каждом витке спирали располагается несколько камер. Те, что ближе к уровню моря, уже давно никто не занимает – холод и сырость в них такие, что человек может прожить в них лишь час.

– Откуда вы знаете, что час?

– Король так казнит самых опасных государственных преступников. Вопли их страданий таковы, что мы иногда до того, как поместить преступника в камеру, даем ему отвар ядовитой травы, сокращающий его муки.

– Мне что-то страшно, – прошептала я.

– Не бойтесь, моя дражайшая донна, – пылко прошептал мессер Маттео. – С вами ваш верный пес.

– Просто я раздумала насчет экскурсии. Я возьму с собой Дырявую Салли и...

– Может быть, тогда, Мальчика с Собакой?

– Кого?!

– Рядом с вашей камерой есть глубокая ниша в стене. Обычно мы ставим туда гробы для заключенных. И вот однажды...

– Это было с полгода назад, команданте...

– Да, в это примерно время ниша осветилась ослепительным голубым светом. Когда же свет погас, мы увидели, что в нише лежит мальчик лет двенадцати, обнимая собаку. Они словно вырезаны из камня, но иногда кажется, что они дышат.

– Покажите мне их!

Когда я подошла к нише, то увидела Мальчика и Собаку из своих снов.

– Люций! – коснулась я холодной головы мальчика.

– Собака! – потрепала я холку пса.

И вспышка света ударила меня в лицо так, что я отлетела к стене, прикрывая собою толпящихся людей. В ушах у меня выло, тело едва не обуглилось, как тогда, при встрече с Хеленой. Это был пространственно-временной взрыв, по-другому сказать не могу.

Когда я пришла в себя, то оказалось, что крепко сжимаю в объятиях мессера Маттео. Или наоборот. Наши спутники стонали, стискивая головы.

– Что это было, донна? – Маттео не выпускал меня из объятий и лишь крепче прижимал к себе.

– Если я скажу, что межпространственный взрыв, тебя это успокоит?

– Да, моя госпожа!

Как быстро я стала с ним на ты! Но даже не это важно! Важно, что мальчик Люций и его Собака ожили!

Собака неистово залаяла, словно чуя в нас угрозу, но Люций шикнул:

– Тихо, пес! – И перевел на меня полные счастья глаза: – У меня получилось! Значит, я найду ее!

– Ты кого-то ищешь, Люций? – я погладила его по плечам. Малыш ужасно замерз, словно осколочком льда летел в хвосте какой-нибудь кометы сквозь звездное пространство.

– Да, – сказал он. – Свою сестру. Ее зовут Оливия.

Зачем я об этом спрашиваю? Я ведь видела это в своих снах!

– Мы будем искать ее вместе. А пока я приглашаю тебя жить в моем замке. Сейчас мы уезжаем отсюда. Незачем терять время.

Мой отъезд мэр города обставил как торжество, хотя вообще-то многие плакали и просили не уезжать. Был дан пир в самой богатой гостинице: мы наедались мясными пирогами, копченой рыбой, сидром и острой томатной похлебкой впрок, и крытые сани для нас уже были готовы.

Возвращение домой казалось мне неким сказочным путешествием: месяц с лишним назад меня увезли, чтобы судить как ведьму, а сейчас все обвинения сняты, а я еще и друзей новых обрела: Маттео, Салли и Люция с его Собакой. Мы сидели в санях друг против друга и разговаривали, знакомясь.

Я спросила Люция:

– Как зовут твою собаку?

Люций улыбнулся:

– Я зову ее просто Собакой. Она прибилась ко мне, голодная и грязная. Она жила в болоте, ела червей и лягушек. Она тосковала. Она плакала. Я услышал, как она плачет, и побежал к ней. Она рассказала, что, когда инсектоиды стали создавать для людей резервации, она и попала в одну из таких резерваций. И она не хотела жить, потому что у нее не было Близкого Сердца.

– Ты понимаешь язык зверей? – удивленно спросила я Люция.

– Конечно, – удивился он. – И моя Собака понимает язык людей.

– Всех людей, – раздался тихий голос. Собака говорила, словно нечто пушистое и одновременно сильное. – Я понимаю всех людей, но Люция я понимаю полностью, потому что он – мое Близкое Сердце.

– А мое Близкое Сердце – подруга Оливия, – вдруг отчего-то сказала я, и голос пресекся.

– Так же зовут мою сестру!

– Да. Хотя живем мы на разных планетах в разных мирах, вдруг происходят какие-то пересечения, словно нитки в узоре, и в этих пересечениях возникают бусины бытия, где мы встречаемся, понимаем друг друга, хотя все говорим на разных языках, узнаем друг друга.

– Это нужно Всему Сущему, – вдруг подала голос Салли. Укутанная в три слоя теплых одеял, она совсем была не видна. – Все Сущее – это великая Премудрость, которая продолжает плести Струны Бытия, чтобы была Полнота Всего во Всем.

– Удивительно, – прошептала я. – Какие вещи ты знаешь, Салли.

– Это потому, что я ведьма, – вздохнула она. – Иначе бы я не сидела в Замке страданий. Когда-то я была дочерью вельможи, меня обучали лучшие педагоги Литании, – не те, которые врут, что мы должны быть вечно благодарны Исцелителю и инсектоидам. Правильные ученые и историки. От них я узнала, что наша Планета когда-то была огромной, цветущей и плодородной. Ее населяли люди-исполины, создававшие прекрасные произведения искусства, техники и науки. Они знали сокровенные тайны Всего Сущего, им подчинялась природа, это была Эпоха Великой Гармонии, длившаяся очень долго. Но потом что-то произошло. Во многих местах Планеты из-под земли начали вырываться струйки газа. Поначалу на это никто не обращал внимания, но со временем этого газа становилось все больше, от него гибли зелень и животные, и еще становилось все больше странных, непонятных насекомых, которые губили человеческие посевы. Люди стали много болеть и мало жить. Они решили, что враждебны друг другу, стали ставить друг против друга границы, изобретать оружие, и, когда был убит первый человек, Планета, по сути, погибла, материки разламывались, ядовитый газ практически заполнил всю атмосферу, люди одичали, стали малорослыми, слабыми и очень жестокими, поэтому они только радовались, когда случилось, что насекомые обрели разум, превратились в гигантов и стали пожирать все живое. Людей не осталось бы на нашей Планете вовсе, если бы не Сигнал.

– Какой Сигнал?

– На Планете все время случались землетрясения, цунами, извержения вулканов и страшные ураганы. Какой-то остров от сильного давления раскололся пополам, и одна его часть рухнула в информационную шахту – их создавали давным-давно. Шахты подавали сигналы разной частоты, чтобы найти в космосе другую жизнь. Батареи в них давно уже сели, но кусок острова, видимо, привел в рабочее состояние сигнальную систему. И непрерывный сигнал пошел в космос. Через какое-то время стандартный

беспилотный медицинский лайнер-дроид поймал сигнал и спустился, чтобы оказать стандартную помощь. Ему пришлось остаться на Планете на очень долгий срок. Он очистил наш мир от ядовитого газа, постепенно восстановил животный и растительный мир, исцелил людей, которые мутировали так, что больше не могли быть всемогущими исполинами. Но самой сложной проблемой оставались инсектоиды, им понравилось быть властелинами и пожирать жалких людишек. Но дроиды ведь не пальцем деланы, говорят, их производит какой-то Вселенский Разум. И этот дроид методом длительных генетических операций сделал инсектоидов гуманными, заботливыми и разумными. Инсектоиды привыкли к новой роли, стали занимать важные посты, чтобы облегчить жизнь людям. Следили за людьми, чтобы они всегда вели себя спокойно и послушно. Для этого один инсектоид-химик создал особое химическое соединение, которое, соединяясь с атомами азота или кислорода, создавало особую дыхательную смесь. Люди дышали ею год за годом, век за веком и становились спокойными, послушными, внушаемыми и доверчивыми. Им было приятно подчиняться инсектоидам, которые мудры, сильны и лучше знают, как жить, какую носить одежду, в какой банк нести свои деньги, даже за кого выходить замуж... А дрoида и его инструменты объявили Исцелителем, вознесшимся вновь на небеса, правда, до этого Исцелитель создал Святую Юстицию, наблюдающую за порядком в новом, удивительном мире.

– И...

– Есть люди, которые обладают иммунитетом к воздуху покорности. Они видят все в истинном свете. И еще у них есть способности, которых нет у других. Я умею читать мысли инсектоидов, а еще парализовать их нервные центры – за это меня объявили ведьмой и долго пытали и гноили в Замке страданий.

– То есть ведьма – это...

– Не обычный человек. Гуманоид. Может превращаться. Может летать. Может убивать силой мысли или взгляда. Обладает тем, что для инсектоидов опасно, может быть, смертельно. Я не понимаю, почему выпустили вас, внутренним зрением я вижу, что вы как шаровая молния с пляшущими протуберанцами – чудо! В вас великие силы!

– Я превратила оловянный молоток в золото. И намекнула, что могу быть очень полезной королю, ежели случится война. А Литанию, оказывается, многие не любят... Кстати, ты тоже светишься, Салли. И Люций. И даже его Собака.

– Потому что в нас есть сила, которую инсектоиды называют

ведьмовской. Пугают этой силой простых людей. А сами боятся до ужаса. Но я знаю, что среди людей есть тайное общество, которое имеет своей целью уничтожить поработителей-инсектоидов и отдать власть людям.

– Да, я знаю, – кивнула я.

А потом я ничего уже не помнила, ибо заснула на плече у Маттео от ужасной усталости.

Он разбудил меня, казалось, через пять минут:

– Госпожа, мы подъехали к Кастелло ди ла Перла.

– Ох, – я потерла слипшиеся после сна глаза. – Сигнальте, чтоб опустили мост.

– Мост опущен, моя донна, – сказал Маттео и, спрыгнув с саней, пошел рядом, всматриваясь в метельную мглу. – И ворота в замок открыты. И я не вижу ни одного стражника!

Мы проехали по подъемному мосту, въехали в замок, и я тихо ахнула – он был разорен! Все замковые постройки – кузня, конюшни, сеновалы – были пусты. По двору катились клочья мусора. Но сильнее всего меня резануло по сердцу, что флаги и герб Монтессори пропали – какой враг их сорвал, не знаю.

Все мы вышли из саней.

– Какой здесь черный воздух, – поежилась Салли. – Здесь было очень много зла...

– Здесь была битва, – сказал Маттео. – Кто-то напал на замок, и, похоже, здешние бойцы не победили.

У меня закружилась голова от горя. Перед глазами мгновенно вспыхнули лица самых драгоценных людей. Я принялась колотить кулаками в парадные двери:

– Откройте! Откройте немедленно! Я герцогиня Люция Монтессори, я сюзерен замка и требую...

Двери медленно отворились. На меня смотрела старшая кухарка Розалия, держа в руках подсвечник со свечой.

– Розалия, не вздумай падать в обморок, это я, Люция. Я вернулась. Дай пройти мне и моим друзьям и сообщи всем, кто есть в замке, что вернулась герцогиня Люция Монтессори, а вместе с нею – жизнь в эти горестные стены.

– Госпожа-а-а-а! – Розалия завопила так, что стало ясно – ее услышали все.

Вот так я и вернулась в свой единственный дом.

Глава седьмая

Общество Близких Сердец

Из дневника Люции Веронезе:

Я стала бояться. Страх окутывает меня, как пеленки – новорожденного. Я никогда бы не могла подумать, что стану такой трусихой.

В тюрьме мне не было страшно. Даже наоборот, был какой-то кураж, мол, а вот возьмите-ка, справьтесь со мной такой! А какой такой?

Я никогда не знала за собой способностей воевать. Ну, способность к целительству – это понятно, это мне досталось от звездной моей крови. Но знать, что я могу взглядом выжечь половину планеты – это уже никуда не годится. А я знаю, что могу. И если мой гнев окажется столь смертоносен – кто остановит меня?

И потом. Золото. Я толком не умела этого раньше. Требовались труды будь здоров. А теперь я могу сделать золотом даже содержимое отхожего места.

Я поняла. Это все кинжал. Он дарит мне сверхъестественную силу. Бабулька дала мне его, но не научила пользоваться – исчезла, спряталась, была ли вообще...

А я теперь мучаюсь от страха. Я почти не сплю. Сюзанна окуривает меня благовониями и поит сонными травами, но это не помогает.

Кто я? Что я? Помогите мне кто-нибудь! Я хочу понять себя!

– Люция...

– А? Ах да.

– Не суди их, моя милая Люция. Каждый выбрал путь по себе. Так и жители нашего замка.

– Я не сужу, Сюзанна. А нельзя положить еще полено в камин? Мне кажется, Оливия мерзнет. Я понимаю, что приходится экономить, но...

– Давай положим.

Сосновое полено начинает свистеть и лить смолу. Хорошо, что при

разграблении замка никто не позарился на дровяной сарай. А может, все-таки совесть пробудилась, пожалели.

А дело было так. Едва меня, арестованную, увезли казенные дроги, среди жителей и слуг замка начались разброд и шатание. Одни твердо решили остаться, дожидаться решения по моему делу и работать как всегда, другие же – их было больше – очень обрадовались, что я ведьма. Ведь имущество ведьмы отходит королю, а значит, пока сюда не нагрянули судебные приставы, надо, прежде чем рвать когти, прихватить себе на память столового серебра, картин старинных мастеров, украшений, гобеленов, белья, тканей, ковров и прочего, что только могло влезть в сани и кареты. Даже рыцари разграбили винные и оружейные погреба и предали своего господина.

Когда все закончилось, оставшиеся жители Кастелло ди ла Перла собрались в парадной зале. Словно вокруг стола, на котором стоит гроб с покойником.

Фигаро первым подал голос:

– Поскольку я являюсь домоправителем замка и никто не лишил меня этой должности, я беру на себя полное управление им и все хозяйственные вопросы прошу согласовывать со мной.

– Как же вам не стыдно! – яростно крикнула горничная Полетта. – Вы же предатель, вы же... Это из-за вашего доноса умрет донна Люция, лживый, подлый старик! Я не буду вам подчиняться!

– Вы уволены, – невозмутимо ответил Фигаро.

– Никто не будет тебе подчиняться, подлец! – с галереи в зал спускалась Сюзанна. – И пусть свершат надо мной суд, но я открою сердце: Люция – твоя и моя дочь, Фигаро. И пусть даже демоны в аду плюют тебе в лицо!

Прозвучало тихое всеобщее «ах». Фигаро покачнулся, коснулся рукой груди.

– Но почему раньше ты мне этого не говорила, Сюзанна?

– Ты был женат. А потом я боялась, а ну как меня насмерть забьют камнями на площади за прелюбодеяние! Но судьба послала мне милость – моя девочка, моя Люция появилась в замке, и сердце мое пело, как малиновка поутру! Она была удивительная, моя Люция, она обладала великими способностями, ибо ей звезды дали свою силу. А ты за это решил, что она ведьма!

– Я всегда думал, – тихо сказал Фигаро, – я был уверен, что все убеждения инсектоидов – правда... А теперь у меня есть дочь, и я сам послал ее на смерть. Сюзанна!

– Что?

– Я слагаю с себя все обязанности. Я буду под домашним арестом.

– Не волнуйся, кусок хлеба и стакан воды тебе всегда подадут.

– Спасибо. Я пойду.

Его молча проводили взглядами.

– Как мы теперь будем жить, Сюзанна? – спросила одна из поварих.

– По мере сил делать свое дело. Молиться о судьбе донны Люции. И надеяться, что она вернется оправданной.

На том и порешили. Самое интересное, что доктор Гренуаль и художник Рафачелли не сбежали, прихватив что плохо лежит! Наоборот! Они так же, как и все, скудно питались, скромно жили. Доктор Гренуаль следил за жизненными показателями Оливии, ухаживал за ней, а маэстро, запершись в своей импровизированной мастерской, дописывал парадный портрет Оливии. Мало того. Он выпросил у меня разрешение написать портрет спящей Оливии. И получилось прекрасно: на возвышении, в меховых одеялах спит красавица, профиль ее безупречен, руки в богатых парче и шелке протянуты вдоль тела и унизаны перстнями. Словом, к реальной Оливии это не имело никакого отношения. Ладно, он так видит. Маэстро назвал портрет «Спящая красавица».

А Оливия... Милая моя подруга все так же лежала в своем летаргическом сне. Доктор Гренуаль ухаживал за ней со всей возможной тщательностью, Сюзанна готовила целебные настои, жидкие супы – чтобы больная не умерла от истощения, меняла пеленки, обрабатывала кожу, чтобы не было пролежней.

Вот что рассказали мне, плача и смеясь, наперебой целуя руки, подсовывая пирожки и чай, мои дорогие челядинцы. Я тоже была счастлива до невозможности – я в дальнем уголке своего сердца вообще таила печаль, что замок снесен или сожжен дотла.

Наконец все немного утомонились, накрыли стол (спешно зажарили трех цыплят, разогрели картофельный суп и нарубили оливье), и я стала знакомить домочадцев с друзьями, которых обрела в заточении.

– Вот это Салли. Мне не нравится это имя, и мне хотелось, чтобы...

– Меня зовут Селестия, – кротко улыбнулась Селестия.

– Вы видите, моя милая подруга истощена. Сюзанна, ты ведь сможешь ей избавиться от худобы и болезней?

– Само собой, и тебе помогу, доченька.

– Это Люций. Его планета носит название Одинокой Розы, находится неизвестно в какой вселенной, и он не знает, как вернуться туда. Но сначала он хотел бы найти свою сестру. Собака – это его Близкое Сердце, и, кстати,

она умеет разговаривать. Маттео, простите, что представляю вас последним. Это бывший комендант тюрьмы, но после одного чудесного случая...

– Госпожа исцелила меня, – вставил Маттео.

– Мы решили, что нам веселей вместе. И мы стали вот таким вот Обществом Близких Сердец.

– А можно вступить в ваше Общество?

– Конечно.

– Только давайте мы все как следует попируем и отдохнем.

И вот теперь я сидела в покоях Оливии напротив камина. В замке было холодно – нежилые комнаты словно вымораживали все остальное; голые, без ковров, стены превращались в ледяные глыбы; моя подруга лежала под меховым одеялом, Сюзанна только что немного попоила ее травяным чаем.

– Оливия, – я коснулась губами ее холодных пальцев, словно вырезанных из мрамора. – Как мне тебя не хватает! Что бы только не согласилась я отдать, лишь бы ты стала здоровой! Без тебя моя душа постарела на сто лет...

– Ну-ну, – похлопала меня по плечу мама. – Будем надеяться.

А знаете, надеяться – это очень здорово. Равно как и верить. И тем более любить.

Конец февраля прошел с традиционными Тестяными рожами – праздником, когда из жирного теста лепят круглые, носатые рожи, пекут, вешают на дерево, и тот, кто надкусил больше всего рож, может поцеловать самую красивую девушку в замке. Самое смешное, что в этот раз победил доктор Гренуаль и со смаком расцеловал Сюзанну.

А вечером, на закатном солнце, мы сожгли чучело зимы, чтобы уже с утра весна вступила в свои права.

Утром первого дня весны я проснулась с удивительным чувством. Словно внутри меня – купол прекрасного храма и певчие поют в нем славу Всему Сущему.

Я откинула одеяло, встала и подошла к окну. Небо было синим, как кобальт. Именно таким небо бывает над Старой Литанией в самую раннюю весну.

– Слава тебе, Все Сущее, за то, что мы видим и не видим, что имеем и не имеем, за кого ждем и кого помним, – я не отличалась особым благочестием, но эту молитву я всегда произносила.

И, произнеся ее, я поняла, что должна наконец сделать то, чего так боялась и стыдилась. Я должна поговорить с Фигаро.

Умывшись и одевшись, я спустилась в кухню. Все мы теперь жили

попросту, и то, что хозяйка замка сама сервирует чай на две персоны, никого не удивляло.

Я подошла к его комнате и постучалась.

– Кто там?

– Фигаро, это Люция. Я принесла чай, ваш любимый, со зверобоем. Впустите меня, пожалуйста.

Мой отец открыл дверь. Не могу сказать, что за все это время он как-то изменился в худшую сторону.

– Мне хочется выпить чаю в вашей компании, Фигаро.

– У меня не прибрано, ваша светлость.

– Никогда не поверю. Позвольте пройти.

Я решительно вкатилась за сервировочным столиком в комнату Фигаро. Нужно ли говорить, что порядок в ней был идеальный. Створка окна была приоткрыта, и бодрящий свежий весенний ветер славно оведал лицо.

– Где я могу сесть, Фигаро?

– Прошу вас.

– Присаживайтесь рядом. Я старалась, заваривая вам чай. Я знаю, вы такой любите.

– Благодарю вас.

Я налила чай в его чашку.

– Мне также удалось обнаружить песочное печенье, что по нынешним временам – невероятный подвиг. Прошу вас, угощайтесь, не будем чиниться, я вот тоже себе налью.

Некоторое время в комнате царила тишина. Фигаро пил чай, как будто был бесплотным существом, а я не церемонилась и наслаждалась печеньем, не без изящных манер, конечно.

– Ваша светлость, вас пытали? – вдруг спросил Фигаро, отставив чашку.

– Да, по мелочам. Сломали запястье, но я его тут же срастила.

Фигаро побледнел.

– Фигаро, поймите, те, кого инсектоиды именуют ведьмами и колдунами, то, что инсектоиды называют колдовством, – люди, но обладающие особыми способностями. Мы не проводим каких-то ритуалов, не поклоняемся силам зла, мы просто чувствуем, какие в мире есть законы природы и можем их себе подчинять. Ну, помните историю со стихами про тыквы-брюквы. Их создал анапестон – совершенно не волшебный прибор, который придумал изобретатель в другое время в другом измерении. Да, там теперь анапестона не будет. Но зато он есть у нас и мы смогли спасти

герцога от позора.

– Недолгой оказалась его жизнь.

– Фигаро, не думаете же вы, что всякие несчастья стали совершаться с герцогом после того, как я стала его женой?

– Нет. Я так не думаю. Наоборот. Я заметил, что ваша дружба с госпожой Оливией не только исцелила ее, но и словно исцелила сам замок. Камни стали будто моложе и прочнее. Исчез запах плесени и затхлости...

– Ну вот видите, какая от меня польза, я еще и ароматизировать пространство могу!

– Госпожа, как вы можете...

– Ароматизировать?

– Вот это все. Чаепитие, разговоры... Я предал вас. Написал донос. Я поступил как было положено, но с тех пор проклинал себя тысячу раз.

– Всем свойственно ошибаться. Теперь все обошлось, вам пора приступить к своим обязанностям и заняться замком, ибо я чувствую, что скоро к нам нагрянет его величество. Есть у меня такое ощущение.

– Так вы прощаете меня?

– Если вам нужно официально – да.

Лицо его, однако, не прояснилось.

– Я всегда хотел детей, – медленно заговорил он. – Я очень любил детей. А жена была против. Мол, мы слуги и никаким господам не понравится младенческий писк, пеленки и горшки. Я не знал, что Сюзанна была беременна, клянусь всем святым! Я не оставил бы ни ее, ни вас!

И он разрыдался, как только могут плакать мужчины, снедаемые стыдом и горем.

– Именно поэтому вы так привязаны были к Оливии?

– Да. Малышка родилась убогой, но я поклялся, что буду лелеять ее как собственную дочь.

– Да. У вас получилось.

– А теперь...

– А теперь у вас есть я. Горшки-пеленки можно оставить в прошлом, а вот бутылочку мальвазии в самый раз.

– Раз уж вы моя дочь, ваша светлость, пить вы теперь будете только компот, а вина – на официальных приемах. Эти бандюки столько наворовали, и я ничего не мог сделать!

– Переживем. Обожаю вас, Фигаро Стальной характер! Так что давайте за работу, напридумывали каких-то домашних арестов, тоже мне.

– Но могу я обнять свою дочь?

– Да сколько угодно.

Мы обнялись, и вдруг... С Сюзанной я этого не чувствовала, а тут... Словно наши вены и артерии соединились и кровь ринулась прокладывать себе дорогу по единому кровотоку. Да, он воистину мой отец, и я даровала ему звездную силу: вот интересно будет, если он вдруг летать начнет!

– Теперь мне есть для кого жить, – прошептал Фигаро.

– Ну, глупости... А Оливия... И вообще нас много. И давайте пить чай!

Мы скоренько допили чай, я рассказала отцу о Мальчике с Собакой, Селестии и Маттео, намекая, что все они прекрасно вступят в наш коллектив. И договорились быть на ты, а то от «вашей светлости» меня прямо мутило.

После этого Фигаро вместе со мной отправился давать указания персоналу: все заросло пылью и паутиной, а вдруг и впрямь нагрянет король? Ведь ему наверняка доложили, что я умею делать из любого металла чистое золото, а также обладаю исцеляющими способностями. Ну и вообще. Мне, как местной подданной, давно пора познакомиться со своим королем.

В малой столовой я обнаружила Маттео, бывшего тюремного коменданта. Он как-то маялся и жался над полной тарелкой оливье.

– Маттео! – приветствовала я его. – С первым днем весны! Фигаро повел народ приводить замок в порядок.

– Я немедленно присоединюсь!

– Лучше присоединитесь ко мне, и я покажу вам замок. Ну и поболтаем. А что не так с оливье?

– С чем?

– С салатом. Это гениальное изобретение нашего шеф-повара: салат, названный в честь герцогини Оливии! Все его просто обожают, рецепт содержится в строжайшей тайне, а шеф-повара у нас двенадцать раз пытались подкупить и шесть раз выкрасть!

– Может быть. Но для меня это месиво со странным запахом, на которое я даже смотреть не могу.

– Гм, может что испорчено. Дайте-ка вилку.

Я попробовала салат. Все нормально, как положено, и соли в меру, и перцу, и огурцов. Незаметно я умяла весь салат под восхищенным взглядом Маттео.

– Ну вот, а вы боялись. Маттео, чем же вас тогда кормить?

– Я привык есть перловую кашу и ржаные сухари.

– Понятно, тюремный рацион. Подумайте, может, перейти на гуляш, супы, хотя, конечно, мы разорены и кухня будет скромной, но все-таки. Я

не могу позволить своему другу питаться, как дворовая собака.

Маттео посмотрел на меня так... Так...

– Я готов есть хоть гвозди за то, что вы назвали меня своим другом.

– Нет! – коварно воскликнула я. – За это я приучу вас пить чай с печеньем!

И я чмокнула его в щеку. Ту самую, на которой было раньше родимое пятно. Секунд двадцать мне казалось, что Маттео от этого поцелуя умрет на месте. Он так посмотрел на меня... Можете сами решить как.

– Идемте, я покажу вам наш замок. Конечно, раньше он был пороскошней, но и сейчас годится для житья.

И мы пошли.

– Вот это – малая столовая, Маттео. Здесь в основном питались мы с Оливией, ибо герцог будними днями всегда заказывал еду в свой кабинет на галерее.

– А почему он не хотел есть вместе с вами?

– Вы полагаете, покойничек был сама любовь и приятность? Вы ошибаетесь. Может, конечно, на официальных приемах он и блистал человеколюбием, остроумием, элегантностью и всем, о чем можно подумать, читая его стихи. На самом же деле это был хмырь из хмырей, который никого терпеть не мог, особенно свою дочь.

– Как же вы вышли за него замуж? Он принудил вас?

Я рассмеялась:

– Скорее уж я его. Герцогству грозила серьезная опасность, и для того, чтобы ликвидировать ее, мне пришлось силком затащить герцога в венчальную часовню. А он и внимания не обратил! Правда, иногда бормотал что-то типа «вы герцогиня, вам и выбирать обивку кресел» или «не мешайте мне творить». Так что вряд ли я страдаю любовью к старине. Тем более к старине, коего звали Альбино Монтессори.

Произнеся его имя, я поежилась, потому что меня словно холодом обдали.

– Как странно, – сказал Маттео. – Будто открыли двери в погреб.

– Дух покойного летает, наверно, – беспечно молвила я. – Не бойтесь, Маттео, я сумею за всех нас постоять!

– Мне бы хотелось, – медленно молвил Маттео, – самому произнести эти слова.

Ой, ой, ой, вот она, пресловутая мужская гордость! То, что писюлина шестнадцати лет может из грязи золото лепить в буквальном смысле – это все, как говорится, бабкина стряпня, а вот если б он сам золото лепил, и мечом махал, и галактики взрывал – вот это дело, это правильная

постановка вопроса! Конечно, его задевает: я – писюлина и вон какая крутая, а он пожилой уже...

– Маттео, сколько вам лет?

– Двадцать девять.

Конечно, пожилой. Какие там могут быть силы. Будем считать, что в Кастелло ди ла Перла он вышел на пенсию.

– Почему вас вдруг заинтересовал мой возраст, Люция?

– Да так. Выглядите молодо, подтянуто.

– Я занимаюсь упражнениями с мечом и протазаном с восьми лет.

– Вы что же, рыцарь?

– Нет, я не посвящен. Я простолудин, сирота. В пять лет меня, голодного и оборванного, нашли в доках Бердаунского порта. Я даже говорить не мог, ну вот и отдали меня в сиротский приют, где я очень скоро превратился в истощенного, но злобного и не дающего себя в обиду волчонка. Однажды в приют пришел старик рыцарь, который был смертельно болен, но при этом он хотел передать кому-то достойному все свое мастерство. А тут как раз завязалась драка, и он выбрал меня в ученики. Сначала я осваивал кинжал, подрастая – меч, протазан, алебарду, лук, метательные ножи. Умирая, учитель сказал, что самое главное в его учебе – мастерство понять и не убить. Я очень долго скорбел после его смерти, я не хотел быть среди людей и устроился комендантом тюрьмы. У меня там было два любимых занятия – снова и снова упражняться в технике боя, доводя ее до совершенства...

– А... второе?

– Молиться Всему Сущему о душах всех заключенных.

– Маттео, невеселая была у вас жизнь.

– Жизнь не обязательно должна быть веселой. Главное – понимать, что ты в этой жизни нужен. Я был нужен заключенным, я молюсь за них и сейчас.

У меня встал ком в горле, я взяла Маттео за руку и сказала:

– Тогда помолитесь за Оливию и меня.

– Да.

Мы некоторое время стояли так, не разнимая рук, и это было удивительно приятное ощущение, и молчание, повисшее меж нами, почему-то пахло одуванчиками. Словно Маттео обрызгали особыми одуванчиковыми духами.

– Ну, что мы все стоим и стоим, – засмеялась я, не выпуская его руки, – Идемте дальше осматривать замок.

Сильно поредевшая коллекция картин не произвела на Маттео какого-

то впечатления, а вот в музыкальной комнате он залюбовался старинным малым домашним органом, и я решила, что надо будет как-нибудь пригласить органиста и устроить концерт. Хотя нет. Орган – инструмент с тяжелыми, мрачными регистрами, пусть лучше приедут скрипачи или арфисты...

– А сейчас я покажу вам наш арсенал, заодно и сама проверю, что там осталось после массового бегства крыс с корабля.

Мы спустились в арсенал и попросили дежурного открыть нам его. Дежурный вздохнул и повиновался.

– Да, – осмотревшись, сказала я. – Взяли все, что к полу не приколочено.

– Не совсем, моя госпожа, – Маттео с видимым сожалением выпустил мою руку и взял два довольно неприглядных меча. Вот эти – отличной старойковки! Я поработаю над ними, и они засияют, как солнце. Арбалеты хорошие.

– Всего два.

– Луков наделаем. Я умею.

– Извиняюсь, – дрожащим голосом спросил дежурный, – а мы с кем-то воевать собираемся?

– Кто знает, дорогой, – ласково сказала я. – Жизнь – штука непредсказуемая.

Пока Маттео договаривался с дежурным, я поняла, что лучшее место, которое наверняка понравится Маттео помимо арсенала, – это замковая библиотека.

Так оно и было. Вид высоченных шкафов с книгами, ряды стеллажей, столы, заваленные манускриптами и пергаменами, – он прямо ахнул.

– Вы любите читать, Маттео?

– Да! Даже больше, чем драться на мечах.

– Ой, досада, а я уж хотела попросить вас стать моим учителем фехтования.

– О, это почту за честь!

– Не переживайте, у нас на все хватит времени...

Я уже сказала «у нас»?!

Странно это как-то.

– Мы с Оливией почти все время проводили здесь. Если, конечно, не лазили в винный погреб. Вы не подумайте, мы не пьяницы там какие-нибудь! Просто мессер Софус, открывая нам ту или иную бутылку... то есть истину Мироздания, так иногда все сложно закручивал, что наши бедные девичьи мозги просто не справлялись. Все эти наночастицы,

кванты, фракталы, теория струн... Разве такое на трезвую голову поймешь?

– А кто такой мессер Софус?

– О, это великий ученый и хранитель самых-рассамых основ Мироздания! Он такой мудрый, он гений! И он спас мне жизнь. Я его просто обожаю.

– Как же это было?

– Я училась в пансионе благородных девиц и очень от этого страдала. Там мы и встретились с мессером Софусом, и он изменил мою жизнь – я стала компаньонкой дочери герцога Альбино...

...Опять неприятный холодок.

– Потом мы с Оливией вообще подружились и решили стать сестрами. Только сейчас моя сестра в беде.

И я рассказала Маттео, как прозвучала в нашем замке гибельная песня, как Оливия впала в летаргический сон, и у меня не получается разбудить ее, как погиб сам герцог Альбино и почему меня объявили ведьмой...

– Такие дела, – завершила я. – Я вам еще не надоела своей экскурсией?

– Люция, что вы, я в восторге от вас, в смысле, от всего, что вы рассказываете!

Оговорочка, а приятно. И не такой уж он пожилой. Морщин нет, седины нет, стройный, подтянутый. Мою руку держит так, будто она из хрусталя, прямо королевой себя чувствуешь.

– Маттео, я хочу показать вам нашу с Оливией бочку.

– Бочку? В библиотеке?

– В этом весь стиль. Сейчас у вас будут плавиться мозги.

Я подвела Маттео к бочке, торчащей из стены.

– Как учат нас физика, законы природы и собственные наблюдения, измерений всего три. На самом деле, все это бабкина стряпня. Все Сущее имеет девяносто девять в девяносто девятой степени измерений. Представлены они, как заявляет мессер Софус, в виде постоянно вибрирующих струн. Струны могут быть параллельными, могут быть пересекающимися, и по ним постоянно скользят Информационные Начала – неоформленное нечто, что в силу каких-то обстоятельств может стать чем-то. Вселенной, галактикой, солнцем, планетами, травами и людьми. Этот процесс бесконечен – вибрация струн, их возникновение и исчезновение, пересечение, сплетение. Мессер Софус научил меня кое-чему, я сейчас покажу.

Я взяла ладонь Маттео, положила на нее свою. Закрыла глаза и представила купол Всего Сущего, где дрожали на струнах Начала, словно капельки росы, готовые упасть на ладонь. Я начала медленно

структурировать время и пространство, формировать материю и энергию. Затылок ощутимо побаливал – я же силу для своего эксперимента черпала не из себя, а из ближайшей экzogалактики, вот она и «возмущалась».

– Вот и все, – прошептала я и открыла глаза.

Отвела ладонь.

– Что это? – изумился Маттео.

На его ладони лежал кекс.

– Елкин дрын, опять я что-то в исходниках напутала! – отчаянно воскликнула я. Я хотела галактику сделать. Микромир. Для вас. А опять получился кекс! У Оливии получается, а у меня нет. Мессер Софус только посмеивается – мол, учебе нет конца!

– Давайте попробуем этот кекс, – предложил Маттео. – На вид он вкусный.

– Я вам щаз попробую, – крутнулся на ладони Маттео кекс.

У него появилось шесть ручек, пара ножек и два злобных глазика на стебельках, как у крабов.

– А ну выпусти меня, небоскреб! – кекс шустро прыгнул на пол и оттуда погрозил шестью кулачками: – Я разумный. Требую соблюдать мои права на жизнь. Попробуете тронуть – огребете по полной, у меня внутри изюм, обогащенный плутонием!

И созданное мною чудище поднырнуло под портьеру и затерялось в недрах замка.

– Маттео, надеюсь, вы не думаете после этого, что я ведьма?

– Нет. Кекс был потрясающий. А готовите вы...

– Мне запрещают. Под страхом смертной казни. Seriously. Но вернемся к бочке. Как видите, она торчит из стены. Но на самом деле, в стене она не находится, мессер Софус подсчитал, что одновременно она находится в четырнадцати измерениях, и не факт, что там она тоже выглядит как бочка. Возможно, где-нибудь она является вполне развитой цивилизацией. Но здесь она просто торчит с этой стороны стены. Мессер Софус расчертил нам ее и вручил волновые дротик – чтобы упражняться не только в меткости, но и в квантовой физике. Хотите попробовать бросить дротик-другой?

– Почему бы нет, – улыбнулся Маттео, – надеюсь, вы меня научите как.

Я взяла дротик, объяснила, как могла, принципы волн, полей, погрешностей на ветер, и Маттео метнул.

Дротик впился в восьмерку, и из ниоткуда появился флакон с духами и облил этим приторно-сладким ароматом Маттео.

– Я забыла предупредить, – притворно вздохнула я. – Игра с

сюрпризом. В зависимости от меткости...

– Тебя обливают духами?

– Духами – это еще полбеда. Моя очередь метать.

Я старательно метнула. Двойка. Меня ничем не облило, но при этом мерзкий, противный голос произнес:

– Ах ты стыдоба!

Примерно так.

– А давайте еще по разику, – расхохотался Маттео.

У него вышли девятка и небольшой кошелек с фальшивыми золотыми монетами, а у меня шестерка и позолоченная (и при этом живая) жаба.

Маттео вошел в азарт, но тут в библиотеке оказался Петруччо – бледный и с круглыми глазами.

– Что нужно, Петруччо? Почему у тебя такие круглые глаза?

– Вас – одну – ожидает – в парадной гостиной – высоко – поставленное – лицо.

– Вот только расслабишься...

– Ваша светлость, вам лучше поторопиться!

– Тогда я не буду переодеваться.

– А-а-а!

– Да кто там...

И я пошла. Едва войдя в парадную гостиную, я увидела двух мужчин примерно одного возраста, характеризуемого как «старые сморчки». Но я, как и все в Старой Литании, знала этих сморчков в лицо.

Это были король и его бессменный дворецкий Фипс.

Я склонилась в реверансе.

– Сударыня, король здесь инкогнито. Вы должны называть его дядюшка Уолтер.

– Да.

– Меня вы можете называть Фипс. Дядюшка разрешает вам сесть.

– Благодарю.

Я села и стала ждать, когда дядюшка Уолтер озвучит цель своего приезда. И он не стал медлить.

– Герцогиня, до меня дошли о вас странные слухи. И сейчас, когда королевство в опасности, а сам я на грани нервного срыва, мне срочно требуются ваши способности, если, конечно, слухи – не ложь.

– Какие мои способности нужны вам, дядюшка?

Король поманил меня к себе и прошептал на ухо:

– Сколько золота вы можете сделать?

Глава восьмая

Королевство на грани нервного срыва

– Литания разорена. Хранилища с золотом, которое нам доверяли другие страны, пусты. А все словно сговорились и требуют с нас свои золотовалютные резервы! Мировой кризис, так сказать! Будет война, если не вернуть кредиторам их кредиты и не набить хранилища золотом под самый потолок. А у нас дефолт! Мне даже компот перестали к обеду подавать.

– Компотом мы вас обеспечим, дядюшка, как, впрочем, и тем, о чем вы изволите говорить. Я могу легко набить вам целые подвалы золотом, – молвила я. – Но мне нужен исходный материал – мрамор, гранит, известняк, ну вы меня поняли. О! У нас на территории герцогства есть огромный заброшенный мусорный курган – чем не источник? Вот там я это и буду делать. Мне понадобится несколько дней; чтобы не мотаться туда-сюда, мои люди поставят палатки, возьмут еды и дров. Вы же можете быть желанными гостями в замке... И вот еще что. Золото – самый тяжелый металл, если вывозить его крытыми подводами, нужны тягловые лошади. А я, к сожалению, таковыми не располагаю.

– Сегодня же к вечеру здесь будет дюжина лучших тяжеловозов королевства.

– Хорошо. Конечно, не мне вам говорить, дядюшка, что все должно происходить в строжайшей тайне, поэтому две сотни ярдов брезента, чтобы накрыть рабочее место, тоже просто необходимы.

– Без вопросов. Но нам хотелось бы доказательств ваших слов...

– Хорошо.

Я взяла глиняную вазу, прикрыла глаза. Молекулы и атомы заплясали перед глазами, словно пузырьки воздуха.

– Ох, – услышала я стон восторга.

Ваза стала абсолютно золотой. До последнего атома.

Дядюшка схватил ее, как малое дитя – новую игрушку.

– Великолепно, великолепно, – шептал он. – Это невероятно! Как вы это делаете, дитя?

– Дядюшка, не думаю, что вам будут интересны технические подробности. Но золото чистейшее.

– Когда вы приступите?

– Первый месяц весны у нас жаркий. Сойдут снега, немного оттаает земля, и я отправлюсь к террикону. Пока же стоит подумать о том, как охранять золото. Может быть, задействовать каких-нибудь боевых инсектоидов...

– Ах! – воскликнул дядюшка. – Об этих тварях ни слова! Разве вы еще не поняли? Они же оккупанты! Это они взяли себе всю власть! Проникли во все отрасли государственной системы. Это из-за них пусты подвалы золотохранилища – банковские воротилы из древних семейств тараканов Репеллер и Жутьшильд пустили все на сомнительные финансовые операции. Они финансировали запрещенные в нашей стране группировки дрозofil-смертников и саранчи Усамы! Я в своем дворце окружен этими тварями и лишен возможности даже нормально питаться! Боги, какое это мучение – сталкиваться с этими уродами! И выносить их деспотию только потому, что числом их больше, размером они громаднее и видом страшнее. Я прямо болен от них!

– А сейчас они вас не слышат? На вас нет жучков?

– Слава Всему Сущему, нет. Фипс имеет редкий аппарат, тайно полученный нами от представителей движения Сопротивления. Этот аппарат настроен так, что в радиусе трех метров от меня все насекомые убегают.

– Подождите... Ваше... Дядюшка, вы разве поддерживаете Сопротивление?

– Конечно! Мы – люди! И мы – высшая раса. Да, когда-то человечество совершило ошибку! Но это не повод делать нас рабами жуков, гусениц и мух! Смена всех!

– Даешь молодежь! – кивнула я. – Будем надеяться, что снега скоро растают, и я внесу свой вклад в дело спасения нашей страны.

И словно Небеса услышали мои пожелания, сразу после того, как дядюшка комфортно разместился в моем замке, начались такая теплынь и такие жаркие ветра, что вполне можно было приступить к работе. Фигаро с самыми верными слугами самолично сделал мне шатер для проживания, оснастив его самым необходимым. Повар от себя передал три бочки замороженных продуктов, которые достаточно было только разогреть на маленькой удобной печке и есть. Была и питьевая вода, и одеяла, и все, что только нужно мне как золотодобытчице.

Лично меня взялись охранять Маттео и Люций с Собакой – они никому меня не хотели доверять. Для охраны же крытого брезентом террикона по периметру и снаружи были вызваны два особых подразделения королевской гвардии – здоровенные мужики, обвешанные

оружием со всех сторон. У них была своя полевая кухня, лазарет и какие-то жуткие на вид боевые комплексы, являющиеся военной тайной.

Перед тем как покинуть замок, я пришла к Оливии. Все так же безгласной, спящей, почти бездыханной.

– Я тебя люблю, – прошептала я, целуя ей руку. – Ты обязательно проснешься, ты будешь жить, ты познакомишься с нашими новыми друзьями, и все будет замечательно!

Тут кто-то постучал в дверь.

– Войдите, – сказала я.

Вошел маэстро Рафачелли.

– Маэстро? Вот уж кого меньше всего ожидала увидеть, так это вас! Как ваше вдохновение?

– Я закончил работу над картиной «Спящая красавица». И прошу вас уделить мне время и посмотреть ее.

– Оливия, я сейчас, – шепнула я.

Мы поднялись в мастерскую художника. Здесь было удивительно светло. Поначалу я не могла понять, откуда исходит такой свет. А потом поняла – от картины.

Она была божественна. На простом ложе, застеленном мехами, почивала девушка такой красоты и непорочности, что сама собой излучала свет. Фата покрывала ее голову, цветы вереска окружили лицо...

– Она даже лучше, чем живая. Она бессмертная.

– Благодарю вас, донна.

– Маэстро, все слова о вашем таланте будут лишь пустой шелухой. Вы превзошли самого себя. И я полагаю, что картина должна быть выставлена в Главной королевской галерее.

– Вы правда так думаете?

– Несомненно. Готовьте картину к переезду, мы с вами едем в столицу.

Когда я сказала о своих планах дядюшке Уолтеру, он аж затрясся:

– Как вы можете! Страна в кризисе, я у вас тут весь издергался, а вы хотите драпануть в столицу с какой-то картиной.

– Дядюшка, – веско сказала я. – То, что мы задумали, от нас не уйдет. Тому вы были свидетелем. А картину выставить надо. Она... словно излучает покой, мир и добро. Нация на нервах, потому что у нас нет национальной идеи, только золото, чистоган! Эти жуки приучили нас хотеть потреблять, покупать, гнаться за модой, за очередным фетишем. А эта картина заставляет очнуться и думать. Идемте, я покажу вам ее.

Эффект был потрясающий. Король плакал как ребенок, вспоминал маму и всех загубленных родных. Тут же дал слово вести примерный образ

жизни.

И вот, оставив замок и все остальное на короля (толку от него, если честно, как от тарелки с творогом), мы с маэстро Рафачелли поехали в столицу.

Столица выглядела нервной и лишенной лоска. Видимо, кризис действительно добрался даже до элиты. Брусчатка стала щербатой, за фонтанами никто не следил, и в них плавал мусор, мраморные статуи в парке дворца были все в серых дождевых потеках.

Мы обратились к принцу-консорту, дабы нам было даровано право выставить картину в Главной галерее. Разрешение было легко получено, мы выбрали день и сами с маэстро Рафачелли повесили картину в одном из залов.

Мы стояли и любовались ею.

– И что, – спросил маэстро. – Ее прямо так сейчас все увидят и ахнут?

– А вы погодите.

Мы продолжали стоять. По галерее в основном фланировала публика, которой некуда было себя деть, да студенты академии живописи и ваяния.

За нашими спинами кто-то остановился. Ага. Послышалось восторженное «О-о-о!» и обращение к нам:

– Простите, не могли бы вы отойти подальше? Вы загораживаете обзор.

– Пожалуйста, – сказал маэстро.

– Боже, какое полотно! Какие краски, какой воздух, какой свет! – все это изрекала ненятного возраста дама в бархатном платье. – Как прекрасно выписаны руки и это легкое кольцо на пальце... Когда здесь появилась эта картина?

– Да мы вот сейчас ее повесили.

– Полно шутить!

– Мы не шутим. Вот автор картины, а я его меценат.

– Чудеса! Дамы и господа! Дамы и господа! Прошу вас, все сюда!

Народ собрался, и восторженное «О!» снова зазвучало.

– Дамы и господа, – лицо нашей визави сияло. – Вы видите перед собою чудо живописи. Но кроме того, вот автор дивного полотна... Маэстро Рафачелли, а это его меценатка...

– Оставим в тайне мое имя.

– Я прожила долгую жизнь, – сказала дама. – Я была во многих галереях и залах. Я писала стихи о картинах, которые казались мне прекрасными...

– Это же Роза Рочестер, великая поэтесса, – зашептались в народе.

– Эта картина перевернула мою душу. Стихи больше не нужны. Отныне я посвящу себя уходу за больными и страждущими.

Поэтесса преклонила колени перед картиной, и все мы сделали тоже. И из картины словно излилось сияние и почило на нас. Мы встали полными сил творить добро.

За неделю, что мы прожили в столице, к картине не иссякала очередь жаждущих просветления. Картина исцеляла недуги, утешала, радовала. И наверное, именно поэтому особая коллегия жуков-искусствоведов решила с нею разобраться.

Поскольку мы неотлучно дежурили у картины, то стали свидетелями сего процесса.

Явились три жука-пожарника в красных мундирах (на это время посетителей выгнали) и стали смотреть на картину.

– Ничего здесь такого не вижу, – сказал первый жук. – Шероховатости и мазочки. Скипидаром пахнет.

– Да, что-то невнятное, – согласился второй.

– Но если народ так к ней тянется, значит в ней что-то есть? Может, все же стоит запретить?

– Милейшие господа, – молвила я, кланяясь. – Вы же сами видите, что в картине нет ничего особенного. Так зачем запрещать? Посмотрят и уйдут. А галерею опять-таки прибыль в кассу. Постепенно все забудется.

– Мудрое решение, – сказал жук. – Ну пусть смотрят. Пару охранников еще поставим и компот-машину. Также заработок.

Когда жуки ушли, маэстро в обмороке осел мне на руки:

– Я думал, они запретят!

– Ничего, пролетели, улыбнулись и помахали. Картина остается.

Да, картина оставалась, но нам-то надо было возвращаться! И нужны были верные люди в столице, которые бы охраняли картину, и такие люди нашлись.

Не знаю почему, но картина стала знаменем Сопротивления. Говорили, что это спящая Свобода, но она проснется, встретит нас и поведет против врагов.

Сопротивленцы были суровые и надежные люди, и я поняла, что им могу доверить картину со спокойной душой. А когда мы покидали столицу, то видели толпы паломников всех возрастов и сословий – они шли поклониться картине и получить исцеление и утешение.

Когда мы вернулись в замок, его величество дядюшка Уолтер хотел отрубить мне голову. Но Фипс его остановил – кто золото делать будет? Меня ждала впереди сложная работа, я даже толком не поговорила ни с кем

в замке, а уезжая, плакала. Не знаю почему. Вроде жизнь не так уж и страшна и я достигла в ней таких высот, что и поверить страшно, а вот поди ж ты... Маттео заметил, что я реву, и молча протянул мне носовой платок. Какой же он замечательный! Маттео, в смысле, а не платок.

Марсий – самый жаркий месяц литанийской весны. Я увидела, что повсюду уже сошел снег и на полях появилась первая зелень. Над ней кружилась невинная мошкара – комарики, поденки, но я испытывала отвращение даже к ним – потому что любой из них может быть шпионом Святой Юстиции, которая, оказывается, планирует свергнуть короля и установить собственную диктатуру инсектоидов. Это сказал мне дядюшка Уолтер. А Фипс рассказал, сколько раз короля пытались ужалить ядовитые насекомые, сколько раз травили ему питье и пищу... В общем, не все так просто в нашем королевстве. Оно действительно на грани нервного срыва, если можно так выразиться.

Я так легко согласилась в буквальном смысле озолотить королевство, потому что это было самое простое, что я пока научилась делать. Спасибо мессеру Софусу, это все его уроки. Кстати, как давно мы не виделись! Наверное, мой покровитель потребовался другим мирам, но я знаю – случись со мной беда, он придет и надает пенделей за то, что не умею сама справляться с ситуацией.

И вот мы на месте, все уже приготовлено, и ждут только меня. В своей палатке я переодеваюсь в теплый костюм, который обыкновенно носят мужчины в пору зимней охоты. Маттео остается снаружи, а Люций и Собака идут со мной.

Охранник откинул брезентовую дверь, и мы пошли по небольшому коридору – деревянный настил и арки, крытые брезентом. Чем ближе подходили к куче, тем сильнее становились ее ароматы – весеннее тепло позволило и куче оттаять.

– Как же ты вынесешь эту вонь? – ахнул Люций.

– Прекрасно вынесем. Вот, смотри, тряпичные маски, пропитанные мятной мазью и камфарным маслом.

Куча была здоровенная. Мы надели маски, я похлопала Люция по плечу, выдохнула и возложила руки на слежавшийся мусор. Закрыла глаза и вошла в переплетение окружавших меня струн. Да, вот уже готовые молекулы, а вот Информационные Начала. Разворот струны, смещение, переплетение. Готово. И снова: разворот струны, смещение, переплетение. Будто я тку гобелен на станке, только вместо нитей – молекулы... Через некоторое время я почувствовала, что все мое тело раздирает невыносимая боль. Оно и понятно – энергию я брала из ближайшей «подчинившейся»

мне галактики, эта энергия была колоссальна: представьте, что из огромной бочки через крохотную воронку льют масло во флакон духов. Я была той самой воронкой, и боль, корежившая меня, говорила, что пора отдохнуть.

Я взмахнула руками и упала. Точнее, упала бы, если б не плечо Люция. Он сильный мальчишка, молодец.

Собака немедленно облизала мне лицо. От этого я открыла глаза и посмотрела на дело рук своих.

Вся мусорная куча сверкала чистейшим золотом. Ничего себе. Я рассчитывала в первый раз фунт-другой создать...

– Люций, выходим.

Мы вышли. Возле дежурившего рядом с входом солдата стоял командор охраны.

– На сегодня я закончила. Мне нужно отдохнуть. Возьмите кирку и лично проверьте, получилось ли у меня то, зачем я здесь.

Командор кивнул. Люций дотащил меня до моей палатки, там я рухнула на руки Маттео, а дальше – провал.

Я упала лицом в мокрую траву. К щеке прилип подорожник, пахло аптечной ромашкой. Я восприняла это как данность и потихоньку встала. Я была апогеем боли, но это меня не волновало, словно боль – это тоже лист подорожника, прилипший к щеке.

Я огляделась. Было сумрачно, но я поняла, что нахожусь в саду среди странных низкорослых деревьев, словно подстриженных под гребенку. Подойдя ближе и вглядевшись, я выяснила, что это каменные постаменты с изваянными человеческими бюстами.

– Да, так проходит слава мира, – проговорил ближайший ко мне бюст. – А ведь когда-то меня причисляли к богам.

Я вгляделась в надпись – это был очень древний поэт. И я пошла от монумента к монументу, всматриваясь в лица и надписи, ожидая найти своего почившего мужа.

Он не был монументом. Просто сидел на мокрой траве, закутавшись в плащ, и глаза на его гордом лице были пусты и жалки.

– Герцог Альбино, – прошептала я.

Он поднял на меня глаза.

– Как хорошо, – прошептал он. – Как хорошо, что ты догадалась прийти.

– Что я должна сделать для вас?

– Развей меня по ветру, как глиняную пыль. Я не заслуживаю монумента. Я лгал всю жизнь. Только ты была правдой. Ты нашла меня, чтоб спасти. Для забвения и покоя. Прикоснись ко мне легкой рукою.

Отпусти, отпусти, отпусти.

Я так и сделала. И некоторое время смотрела, как великий поэт становится прахом, и прах этот улетает в бурое небо.

– Прощайте! – прошептала я.

– Я тебе дам «прощайте»! – рыкнул какой-то очень знакомый голос. – Ишь, химик-практик, дрын еловый! Я тебе покажу...

– Оливия, уймись, вы сами еще слабы.

Оливия?

Я открыла глаза. Надо мной склонялась моя милая подруга, и лицо у нее было таким суровым, что просто жуть. А еще... Еще на груди у меня сидел мессер Софус и смачивал носовой платок в каком-то душистом растворе.

– Оливия, ты проснулась, какое счастье!

– Не то слово. Это счастье тебе сейчас прилетит и в нос, и в ухо! Ой, ну не реви, а то я тоже.

И мы обе победно разревелись. Победно – потому что снова живы и снова вместе!

– Так, объятия оставим на потом, – строго объявил мессер Софус. – Пока примочка.

И мне на лоб лег компресс.

– Оливия, брысь в свою кровать. Тебе тоже компресс, а то глаза какие-то бешеные.

– Они у меня по жизни такие.

– Значит, будем исправлять. У девушки из общества должны быть глаза-небеса, а не два пистолетных дула!

– Мессер Софус, я вам так рада! Если вы позволите вас обнять...

– Люция, не стоит.

– Почему?

Софус спрыгнул с моей груди и медленно отвернул одеяло.

Я подняла руки к лицу и пискнула, как придавленный мышонок.

Моих рук ниже локтей просто не было. Две малосимпатичные культи – вот что теперь было моими руками.

Все молчали.

– Ну, – сказала я. – Попробую восстановить. Сейчас я слаба, но... Сколько времени я проспала?

– Три с половиной года.

– Сколько?! Правда, что ли? Ой, кошмар.

– Да, но именно в тот момент, когда заснула ты, проснулась Оливия. Так что у мессера Гренуаля работы даже в некотором смысле прибавилось.

А Оливия решала все вопросы с королем.

– Какие вопросы?

– Знаешь, сколько чистого золота, *абсолютного* золота ты сделала? *Четыреста тысяч тонн*. Король чуть с ума не сошел. Но быстро оклемался и в рекордно короткие сроки создал Златоград. Так называемый. Город обнесен огромной стеной с разными ловушками и степенями защиты, там ведется разработка золота. Там работают шахтеры, которые никогда не выйдут за стену живыми, но зато здесь их семьи сыты и богаты. Построен перерабатывающий завод – золото требуется обеднять примесями, как полагается, до определенной пробы, плавить, формовать, ставить государственные клейма. Вот, три года прошло, а работы не убавляется, еще и на треть не убавилось.

– Ты вырастишь свои руки, как с полпинка, – быстро сказала Оливия. – А если нет...

– Я еще не знаю. Я хочу спать.

Я была слишком напугана происшедшим со мной и ушла в сон, как в убежище, где меня никто не обидит.

И все ушли в темноту, а я снова ощутила под щекой прохладу мокрой травы. Я поняла, что хочу стать такой травой, чтобы по мне шли босые ноги влюбленных...

– Люци, Люци, проснись!

– Господи, я так боюсь, что она опять надолго заснет.

– Отпустите меня, – заплакала я. – Что вы пристали, я больше не хочу жить. Я устала. Я очень хочу спать...

– Я знаю, что делать...

– О, нарисовался, тюремный комендант.

– А вы нахалка, хоть и герцогиня.

Снова проваливаясь в долгий сон, я почувствовала, как остатки моей руки осыпают нежнейшими поцелуями, и шепот, как аромат одуванчика, окутывал меня: «Я не дам тебе пострадать. Я исцелю тебя, милая». Во сне теперь не было страшно. Я шла по полю огромных, пушистых, нежнейших одуванчиков, падала в них, целовала, утыкалась лицом, вся перемазалась в желтой пыли, но чувствовала, что возвращаюсь к жизни, что сердце мое оттаивает, страха и скорби в нем больше нет... И я открыла глаза.

И подумала, что снова сплю.

Моя комната была уставлена вазами и даже ведрами с сиренью, одуванчиками, ирисами, вишневыми ветками, гиацинтами, медуницей, вербой.

– Небеса, как это прекрасно!

Помогая себе культями, я села в кровати и огляделась. Цветы были вокруг, даже на одеяле, словно боевое оцепление, не дающее мне уйти в пустоту.

За огромным окном синело совершенно безмятежное небо. А в оконной нише спал, свесив руку, Маттео. На полу валялся раскрытый том «Начал астрофизики».

– Маттео, – одними губами произнесла я.

Он тут же открыл глаза, и они засияли.

– Вы очнулись Люция!

– Маттео, мы договорились быть на ты. Это ты устроил тут оранжерею?

– Ну, еще Сюзанна и мессер Софус. Они считают, что подходящие ароматы тоже могут исцелить болезнь.

– Да, это помогло, я чувствую себя такой... счастливой. Хотя и...

Маттео тут же подскочил ко мне и поцеловал культю.

– Я твои руки, герцогиня Люция. Я буду кормить тебя и ухаживать за тобой, пока мессер Софус не найдет возможность исцелить тебя.

– Как? А разве я сама не смогу?...

– Когда ты творила золото, как сказал мессер Софус, ты забрала энергию огромной галактики при помощи своего кинжала, который служил как проводник. Она просто исчезла. А там было как минимум пятьдесят обитаемых солнечных систем. Появившееся на месте галактики Ничто забрало твои руки – как образцы материи, из которой можно строить галактику заново. Ты же знаешь, природа не терпит пустоты. И силы у тебя тоже забрали, но в этом случае вмешалось Все Сущее.

– То есть?

– Нельзя злоупотреблять своей силой, да еще в такой ситуации. Поэтому Все Сущее временно приостановило действие твоих сил. Мессер Софус приказал тебе отдыхать. А для этого у тебя подобралась такая славная компания. Кстати, ты знаешь, Люций говорит, что Оливия его родная сестра, просто в другом измерении.

– Все может быть. А где они сейчас?

– Полагаю, играют в вакуумное домино. Эту новую и модную во вселенной игру подсунил им мессер Софус.

– Кто бы сомневался.

Они в картинной галерее играют. Там свободно, просторно, туда вакуум и закачали. Мессер Софус сказал, что именно так в домино играют в космосе, только там плитки могут на парсеки разлетаться.

– Пожалуй, я пока пас. Слушай, Маттео, я так проголодалась! И я не

хочу есть в постели, пойдем в зал, посмотрим на всех. Только мне надо переодеться, а помочь...

– Я помогу. Меня ты можешь не стыдиться. Я уже старик для тебя.

– Да ладно, не ерунди. Я вот и сама постарела не заметила как.

Маттео помог мне подняться с кровати, слегка приобнимая за талию. Мог бы и покрепче обнять!

– Так, посмотрим на себя в зеркало!

Я выглядела не настолько жутко, насколько представляла себе. Ну бледная, ну синяки под глазами. Так ведь не замуж идти...

Сама того не осознавая, я оперлась спиной о грудь Маттео, словно это был щит, отгораживающий меня от всяких бурь. А Маттео, кажется, от волнения перестал дышать.

– Маттео, ты удивительный. Когда ты рядом, я чувствую себя словно в венчике цветка.

– Герцогиня... Вы еще не отошли от шока.

– Наверно, я просто полюбила тебя, Маттео. Еще в Замке страданий.

Наступила долгая тишина. Со слезами, которые быстро-быстро катились по щекам.

– Люция, я знаю, что не наверно, а точно люблю тебя с той минуты, как увидел.

– Правда?

– Да.

– И тебя не пугает мое уродство?

– В тебе нет никакого уродства. Ты самая прекрасная девушка на земле. Одна беда – я простолюдин, а ты...

– Герцогиня крови – Оливия. Я отрекись от всего. И если Оливия не выгонит нас из замка, мы будем потихоньку жить здесь, разводить мяту и рукколу... Я, конечно, еще принцесса из далекой звездной системы, но это здесь не считается и годится только брошки прикалывать. А мяту я люблю...

– А мелких негодников, которые станут носиться по всему замку, как банда котят?

– Давай уже решимся на это.

– Да.

– Поцелуй меня. Я ведь не умею целоваться.

– Так я тоже.

– Погоди... У тебя не было женщины, потому что ты вырос в каземате, а у меня мужчины – потому что герцогу было на меня наплевать, и вообще...

– Ничего. Будем учиться вместе.

– Ага. И если что, в библиотеке есть любовные романы...

Как нежно и испуганно его губы прикоснулись к моим! А потом мы словно помешались, мы не могли нацеловаться, и счастье наполняло меня как драгоценное вино!

– Люци, ты же голодная! Одними поцелуями ты у меня сыта не будешь. Идем. Знаешь, твой любимый салат готовят ежедневно, ждут, когда ты очнешься и вернешься к нормальной жизни.

– Тогда скорей!

И мы ринулись в столовую. Правда, я забыла, что так и не переоделась и на мне только ночная сорочка и розовый пеньюар с безобразным количеством кружев.

Все, кто попадался нам на пути, истошно вопили: «Ее светлость очнулась!» – так что, когда мы оказались в столовой, там был сервирован роскошный обед и Сюзанна только и ждала, как меня обнять и расцеловать.

– Над тобой словно сияние, моя милая!

– Пустите меня к оливье, я не ела его три года!

Сюзанна рассмеялась.

Мы втроем принялись за обед, и Сюзанна только и скармливала мне лучшие куски.

– Маттео, ты прямо оживил мою доченьку, просто волшебник.

– Да, мама, я сама не ожидала, что между нами случится это волшебство.

– В смысле?

– Мы любим друг друга, – сказала я.

– И собираемся пожениться, – добавил Маттео.

Ай молодец!

– И когда же вы только успели все это сообразить? – изумилась Сюзанна.

– Любовь... Она пронзает мгновенно, как кинжал...

– Ага. Кстати, о кинжале. Люция, откуда у тебя вот это?

Сюзанна достала из недр своего платья сверток бархатной ткани. Она развернула его, и сияние моего кинжала легло на наши лица.

– Это мой кинжал, – сказала я. – Закорсажный кинжал. Это подарок на мой день рождения.

– От кого? – быстро спросила Сюзанна.

– Ну как же... Прабабка Полетты, горничной. Она ухаживала за мной, просила звать ее Бабушкой и была главой Сопротивления. Она подарила мне этот кинжал...

– Так. Кажется, тут опять что-то напутано с этими вашими измерениями. Не было в замке никакой прабабки Полетты, потому что у Полетты точно нет никаких близких. Опять-таки, если только она ее из другого измерения притащила. А вот почему она подарила тебе кинжал Один-из-Пяти, непонятно. Ты, разумеется, знаешь, что если соединить все кинжалы и их хозяев, то возникнет Симфония Сущего.

– Нет, а что это значит?

– Симфония Сущего изменит все миры. Любое зло, любая дисгармония исчезнут навсегда.

– Сюзанна, откуда ты это знаешь? – изумилась я.

– Я прапрапраправнучка Микелино Падуаре, история о нем в нашем роду передается из уст в уста, как священный секрет.

– Но почему Симфония Сущего – это так страшно? – удивилась я.

– Потому что ей будет предшествовать Закат Всего Сущего, и вот это время станет поистине страшным. Ты помнишь историю людей-исполинов, мутации, войны – это все было не только на нашей планете. Все зло, какое только можно собрать, выйдет из своих гнойных пещер. И если ты назначена хранительницей кинжала, то действительно храни его. И я надеюсь, Маттео поможет тебе в этом.

– Люция будет охранять кинжал, а я буду охранять Люцию.

Я решила сменить тему, хотя отсутствие Бабульки меня несколько озадачило. Хотя что уж тут такого удивительного? Приходит человек из другой вселенной, вручает тебе артефакт на хранение и исчезает. Проще простого.

– Доволен ли король, что у него теперь такая прорва золота?

– Он, как говорят, рехнулся. И за него все государственные вопросы решает Фипс. Уж этот своего не упустит. Литания выплатила свой внешний долг золотом, на это ушло совсем немного, а теперь Фипс строит хранилища для того золота, что будет принадлежать только Литании. Но это еще не самое интересное. Страны, которым Литания вдруг выплатила многолетний долг, интересуются: откуда это у Литании столько золота? А может, у нее еще есть и получится его отвоевать? Так что Литания сейчас спешно покупает оружие, наращивает военный потенциал, разработки какие-то жуткие ведет. Говорят, придумали воздушные шары, которые будут сами, без людей подниматься в небо и сбрасывать на противника капсулы с жидким огнем. А еще ядовитый газ и скорострельные пушки. Мы внесены в списки самых агрессивных стран.

– Мы что, собираемся воевать?

– И не только мы. Обстановка в мире сейчас очень напряженная. А тут

еще это золото. Когда человек только произносит это слово, у него башню сносит, а тут есть реальная возможность добыть столько золота, что им можно дороги мостить.

– Я беспокоюсь за Люцию, – Маттео обнял меня за плечи. – А если, прознав о ее силе, ее похитят? Будут требовать, чтобы она снова и снова делала золото...

– А я этого уже не могу, и потому меня убьют после изощренных пыток.

– Нет! – вскричали в один голос Сюзанна и Маттео.

– Мне что-то расхотелось есть, – сказала я. – Маттео, пойдем побродим по замку.

– Лучше идем в сад. Яблони распустились, такая красота!

– Ты прав, идем.

Я переоделась (не без деликатной помощи Маттео), и мы вместе пошли гулять в сад.

Как же цвели яблони! Но у меня щемило сердце, предчувствуя большую беду. А если и вправду война оскалит свою бешеную пасть? А если Маттео заберут от меня в солдаты?

Я почти без сил опустилась на скамейку, Маттео рядом, вот он обнимает меня, прижимает к себе, как величайшую драгоценность.

– Что с тобой, Люция?

– Я боюсь. Я раньше почти ничего не боялась, потому что была одна, а теперь у меня есть ты, родители, Оливия, да хоть этот сад! И это отнимут? Зачем мне тогда жить? А ведь я бессмертная! Я буду вечно захлебываться в этом киселе бессмертия и мучиться, мучиться, мучиться! Я бы что угодно отдала, чтоб спасти нас всех от беды.

– Ну, ты погоди, возможно, еще ничего такого плохого не случится.

Как ты наивен, возлюбленный мой.

Глава девятая

Хвост мессера Софуса

Маттео попал в десятку. В нашей «бочечной игре». Это еще никому не удавалось. Поэтому мы даже не знали, чего от бочки ждать в награду. А она вдруг раскинулась, распахнулась, как книга, и говорит:

– Просите, чего хотите. При условии, что это должен быть исключительно материальный объект.

«Чего хотите»? Ага!

И Маттео выпалил:

– Самое красивое во вселенной обручальное кольцо для моей Люции!

– Хорошо, – произнес загадочный голос.

Бочка снова закрылась, и Маттео едва успел подставить руку – в его ладонь упало блестящее колечко.

– А коробочку? – нагло потребовала я, но бочка молчала.

Мы принялись рассматривать дар Всего Сущего. Оно напоминало кольцо из черного стекла, только иногда по нему пробегали радужные сполохи.

– Из чего оно? – удивился Маттео

А я поняла.

– Оно не из чего. Оно – *что*. Похоже, что это галактика. Микроскопическая, но галактика. Обалдеть.

И тут Маттео встал на одно колено и попросил моей руки.

Разумеется, я согласилась, и он надел мне на палец галактику.

Вот такие чудеса.

Но до этого важно рассказать, как у меня появились пальцы и вообще вполне достойные руки.

И конечно, вы понимаете, что без мессера Софуса тут просто не могло обойтись.

Мессер Софус, да будут благословенны его хвостик, усики, ушки, лапки и прочие не менее важные части тела, как всегда, появился в моей жизни очень вовремя. Я только-только впала в «золотую» кому, как он, фигурально выражаясь, постучал в ворота замка. На самом деле он явился из некоей квазиреальности, где размышлял о Вечном. А тут я. Надо же спасти заблудшее чадо!

– Так-так, – молвил мессер Софус, разглядывая мои культы. –

Хорошего мало, но не отчаивайся. Есть у меня на примете один изобретатель всяких штучек-дрючек...

– Вроде того, который анапестон сочинил?

– Практически. Планета Березка-М, солнечной системы УБ-1, галактика Трын-да-Брын. Техническое развитие выше всяких похвал. Наверно потому, что закисью азота дышат и пьют этиловый спирт. Постоянно.

Мессер Софус аккуратно устроил мои жалкие культы на столе. Из ничего извлек два листа бумаги, положил по одному перед каждой рукой. Возвел глазки к небесам, словно что-то подсчитывая в уме, потом хлопнул лапками, и бумага зашевелилась... От нее стали отделяться бесчисленные белесые нити и присоединяться к обрубкам моих рук. Я почувствовала их мгновенно – это были нервы, сосуды, капилляры, вены, кости, суставы, я перечисляю все сумбурно, но видеть этот акт творения было просто чудом.

– Мессер Софус, что это? – прошептала я.

– Не углубляйся, – сказал он. – Лучше давайте все вместе подумаем, как Литании избежать масштабной войны с Восточным союзом.

– А будет война? – ахнула я. – И с самим Восточным союзом?! Они же нас расплющат! Попой сядут и расплющат!

– Рыбка, ты плохо думаешь о родине. Во-первых, у нас золото – благодаря тебе. Во-вторых, у нас передовое вооружение, купленное за золото, – опять же благодаря тебе. Ну и конечно, нас теперь считают сверхдержавой и почитают хорошим тоном устроить войнушку. Да за то же золото порвут всех нас. Люди гибнут за металл, где-то я это читал. Как избежать войны, я пока не придумал...

– А что, если, – робко протянул Маттео – он побаивался мессера Софуса, – что, если устроить какое-нибудь всемирное состязание под девизом дружбы, любви и красоты. Ну, помните, еще в древние времена проходили турниры, конкурсы.

– Люция, ты выбрала себе отличного мужа.

Маттео зарделся.

– Ведь это прекрасная идея! Объявляем всемирный фестиваль! Ну, чего-нибудь...

– Да поэзии!

– Вот! В память и в честь великого Альбино Монтеessori!

– Маэстро Рафачелли изваяет главный приз – Золотую Бабочку, и символ вдохновения, и инсектоидам польстим лишний раз. Поэтический фестиваль. Всемирный поэтический фестиваль. Золота у нас навалом на то, чтобы такой конкурс подготовить, обеспечить всякими прибабасами,

провести и показать, что мы мирная страна, но на военный парад в честь великих поэтов у нас и армии, и техники наберется. И всем грамоты, медали, дипломы и благодарственные письма.

– Но в честь чего вдруг такая масштабная акция? И на грани войны?

– Люция, ты мысли не ловишь. Помер твой муж, великий поэт. Вот в его память и проведем. Тебе ногти какой формы делать?

– А? – мои руки! У меня *были* руки с изящными пальцами и элегантными запястьями! Только ногтей еще не было; мы обсудили эту тему и решили, что подойдут овальные с легким закруглением.

– Ну вот, – удовлетворенно молвил мессер Софус. – Поработай новыми руками, милая, как они тебе?

Это было необъяснимо. Только что некая материя стала частью меня и подчинялась мне. Я вытянула руки вперед, подняла вверх, повертела запястьями... Мои старые руки, в смысле, прошлые, они были... не такими сильными, легкими, хватистыми и звонкими – если вы понимаете, о чем я. Я радостно пробарабанила ладонями по столешнице, а потом в низком поклоне склонилась перед своим учителем:

– Мессер Софус, вы, как всегда, являете мне чудо, и я даже не знаю, чем отблагодарить вас за это.

– Поэтический фестиваль, дорогая, вот что мы должны сделать! Свадьбу с Маттео ты всегда успеешь отпраздновать, а поэзия ждать не может. Она прямо-таки прет из всех щелей!

– Ну так это хорошо!

– Не совсем. Будем учитывать все компоненты нашего замысла. Не забывай, что в собственной стране мы все находимся под колпаком незримого присутствия инсектоидов. Ведь они являются настоящими хозяевами положения. Все институты власти – у них. И только поэзию они почему-то не воспринимают. Их мутировавшие мозги не поспевают за ямбом и анапестом. Сколько раз замечал – читаешь инсектоиду стихотворение, а он как в ступор впадает, в заморозку. Лапки слабеют, голова набок.

– Ну тогда вряд ли они разрешат нам проводить такой фестиваль. Даже королю не разрешат.

– А тут мы пойдем хитро. Слыхали ль вы?...

– Львы?!

– Тьфу! Короче, все знают о существовании полуострова Ахерим.

– О, Ахерим! – благоговейно свела ручки я. – Место вечной весны, красоты и персиков!

– Когда-то он исторически принадлежал Старой Литании, с самого

начала своего возникновения как государственной единицы. Потом пошли войны, переделы территории, контрибуции, откупы, подкупы, подлоги, тупые правители... В результате Ахерим сейчас находится под властью военного диктатора Леденчика. Он почти погубил Ахерим. Люди там живут едва сводя концы с концами, они каждый день борются за свое существование и вообще там все плохо. Но там есть оппозиция, которая собирает силы, чтобы свергнуть Леденчика и провести голосование за присоединение Ахерима к Старой Литании, как это было исторически. И мы проведем поэтический фестиваль, а потом сразу референдум среди жителей Ахерима. Ведь у них тоже есть свои великие поэты, они поведут народ за собой. И если убедить наших инсектоидов, что в результате чтения ямбов к нам присоединится Ахерим, они согласно махнут лапками. Так что не будем терять время. Ты, Люция, сейчас иди к королю, проси аудиенции и сверли ему уши насчет фестиваля. Да, и не забудь сказать, что все обойдется казне и налогоплательщикам в сущие гроши. Но сначала переоденься. Ты стала ужасно одеваться – куда только смотрит твой жених?! Он тебя бросит...

– Не брошу!

– Но согласишься, Маттео, Люци в красивом платье, со стоячим кружевным воротом, с алмазными подвесками выглядит презентабельнее, нежели то, что она нацепила сейчас.

– Хорошо, мессер. Подчиняться вам – честь для меня.

И мы с Маттео пошли в мою гардеробную.

Я уже давно не пользовалась помощью служанок – одеваться мне помогал Маттео. Это было катастрофически нескромно, но разве могла я отказаться от его поцелуев и ласк? А он становился просто сумасшедшим, я тоже теряла разум, и мы уже несколько раз едва не преступили запретную черту... Но сегодня я просто решила, что если мы так любим друг друга, не будет большого греха в том, что мы предадимся любви, еще не будучи супругами.

– Маттео, иди сюда, – втащила я его в гардеробную и заперла дверь.

– Что ты задумала, кроме переодевания?

– Я тебе сейчас покажу.

И я показала. Маттео сначала крепился и что-то лепетал насчет свадьбы, но благополучно рухнул в мои объятия. Софа, стоявшая в гардеробной, приняла наши кипящие от страсти тела (кстати, я действительно стала горячее и пару раз обожгла кожу Маттео, пришлось лечить). Исцелитель, это было неопишимо! Не знаю, как это происходит у инсектоидов (разве что у богомоллов), что в эти моменты творится в иных

мирах, но мы просто создали свой. В момент наивысшего блаженства мое обручальное кольцо распахнулось и окружило нас обоих неким коконом, в котором мы слились в единое всемогущее существо...

Мы долго приходили в себя. Софа сгорела до угольков, было дымно, а мы расслабленно лежали на полу в сердце любовного костра, обнимая друг друга. А в дверь гардеробной колотили слуги с воплями:

– Ваша светлость, все в порядке? Ваша светлость, пожар?!

– Все хорошо, – крикнула я. – Проваливайте. Я выбираю платье для королевской аудиенции. Позор! Герцогине надеть нечего!

Маттео перекатился на спину и расхохотался.

– Ты смеешься надо мной, охальник?

– Нет, я просто снова провоцирую тебя. Я не могу перестать целовать тебя и гладить.

– И не переставай.

– Только обещай, что пожара не будет.

Я постараюсь.

И мы постарались.

Но в конце концов пора и честь знать. Правда, платья пропахли дымом, но, думаю, на это никто не обратит внимания.

Я выбрала платье темно-лилового бархата с золотой оторочкой и ножнами для кинжала. Сзади к платью крепился стоячий воротник из роскошных кружев.

– Любимая?

– Да?

– Ты великолепна.

– Повторяй мне это почаще, я и впрямь поверю.

– Нет, правда! Конечно, я бы предпочел косы на твоей милой головке, но целовать тебя в гладкий затылок тоже такое сладкое ощущение!

– Мы сейчас не об этом. – Я убрала кинжал за корсаж, почувствовала, как он слился с кожей.

– Да уж, – усмехнулся Маттео. – Лишний раз к тебе в вырез руку не сунешь.

– На это способны только глупые мальчишки, а ты благоразумен и прекрасен, супруг мой, и будем надеяться, что это поможет нам в беседе с королем.

Мы отправились в королевскую резиденцию, но, как я и была уверена, нас принял не король, а его дворецкий господин Фипс.

– Чрезвычайно рад видеть вас в добром здравии, герцогиня, – поклонился мне Фипс. – Что привело вас сегодня в нашу скромную

обитель?

– Ваша милость, – начала я. – Я хочу почтить память своего великого мужа действительно великим, даже можно сказать, всемирным событием.

– И каким образом? Очень интересно.

– Я прошу у короля разрешения на проведение Всемирного поэтического фестиваля в память Альбино Монтеessori. Пусть к нам приедут поэты разных стран, пусть арфы и лютни наполнят эту местность словами любви и нежности.

– И вы полагаете, что благодаря этим самым словам меж странами воцарятся мир, благодать и прочие радости?

– А почему нет?

– Логично. Когда испробованы все разумные шансы, подходит самый абсурдный. Я заручусь поддержкой короля. И, разумеется, необходимо создать организационный комитет фестиваля, который сделает мероприятие прекрасным деянием, а не жалкой пародией. Еще скажут, что Литании даже не под силу поэтический фестиваль провести.

– Мы им покажем! – пристукнула кулачком по столу я.

Можно считать, что аудиенция прошла успешно, и мы с Маттео отправились в библиотеку – среди книжных богатств поразмыслить над задуманной авантюрой, а заодно поглядеть, кто сейчас ходит в современных любимых поэтах.

Маттео взял записную книжку.

– Так, – сказала я. – Мелочиться не будем. И об осторожности тоже не станем забывать. Нельзя допустить, чтобы случайные, а также неслучайные люди узнали о Златограде. Его надо спрятать, возможно, в другое измерение. Надо об этом поговорить с мессером Софусом. Поэтов у нас много, еще покойный Альбино говорил об этом, и, чтобы выявить действительно достойных, надо проводить конкурс в три этапа. Первый – патриотическое стихотворение, второй – элегия со всякими ивами-прудами, ну а третий – любовь как негасимое пламя. И если ты не очень устал, давай пороемся в книжках, посмотрим, кого можно не звать вообще, а кто будет в списке почетный гостей. Ой да! Ведь еще надо жюри выбрать. Понятно, что главный – его величество, но всякие там маститые и профессиональные нахоятся, если им не прислать приглашений. Далее. Оформление. Кормежка, культурная программа типа королевской охоты. Ой, Маттео, у меня голова кругом.

– А ты немного отдохни, – сказал мой ласковый Маттео и принялся нежно целовать меня.

И надо ж такому было случиться, что в этот момент в библиотеке

появилась Оливия.

Мы заметили ее после сердитого «кхм» и отпрянули друг от друга.

– Целуются они, значит, – скорбным тоном молвила моя подруга. – У них, значит, любовь. А откуда в парадной гостиной появилась эта чертова красная рыбина – и выяснить некому, одна Оливия мотается, ищет.

Я подошла к ней:

– Не зуди, ревнивица. Какая рыба? Живая?

– Конечно. Она плавает в здоровенном аквариуме, косо на всех смотрит и плямкает.

– Что делает?

– Плямкает. Пойдем, сами увидите. Может, это вражеский шпион.

– Вряд ли нам так повезет.

В гостиной действительно посреди мраморного стола стоял большущий круглый аквариум и в нем плавала красная рыбина с выпученными глазами и длинным роскошным хвостом.

– Велики твои дела, Все Сущее, – сказала я. – Откуда ее принесло на мою лысую голову?

И тут мы услышали деликатное покашливание. Издавал его сухопарый сморщенный типчик с безумно горящими глазами. Больше всего он напоминал высохший лист веерной пальмы, только позолоченный. Ну теперь понятно, поэт привез свою любимую рыбку.

– Я бы попросил вас, – молвило существо суровым тоном. – поприветствовать великого поэта Вуалехвоста и оставить недостойные шутки относительно происхождения его вида и так далее. Поэзия Вуалехвоста известна и любима во всех обитаемых мирах.

– А вы сами-то откуда будете?

– Галактика Мелона, кластер 787.

– А как вы там узнали про конкурс?!

– У нас время идет по-другому. Господин Вуалехвост предвидел фестиваль и решил почтить его своим присутствием. Он даже знает, кто победит.

– О, не раскрывайте интригу. А почему у него такие большие губы и он ими плямкает?

– Как вы бестактны! Он сейчас слагает стихи. Я переведу их и запишу. Ступайте, не мешайте мастеру творить. И принесите свежего опарыша для маэстро и кофе с плюшками для меня.

Вот так вот.

Мы вышли из гостиной в некотором обалдении.

– Опарыша ему! – воскликнула я. – Поэт он! Мы к такому еще и не

готовились...

– Да справимся, – махнула рукой Оливия. – Ты можешь дальше целоваться, а я буду оргайзером.

– Еще чего! – вскинулась я. – Предлагаю оргкомитет: мессер Софус, мессер Фипс, Фигаро, и мы.

Долго ли умеючи. Через полчаса комитет сидел в библиотеке и проводил свое первое совещание.

– Как я понимаю, – начал Фипс, – сначала мы думали, что в конкурсе примут участие только жители нашей Планеты. Однако появление поэта Вуалехвоста сняло границы с мироздания. К нам присоединяются поэты многочисленных вселенных. Поэтому, первое, что мы должны объявить, – это поэтическое перемирие. То есть на время фестиваля никаких звездных войн, никаких конфликтов, только поэзия и благородство. Может, на какой-нибудь планете одни особи питаются другими, но среди тех и других есть поэты. Так вот, на время фестиваля мы должны обеспечить универсальным питанием обе стороны. Это я беру на себя. Также я делаю всемирное официальное оповещение, что наша Планета проводит фестиваль под лозунгом «Мир, добро, любовь».

– И жвачка, – хихикнула Оливия.

– Напрасно вы хихикаете, герцогиня, – посмотрел на нее Фипс. – В кластере 756н есть газопылевое скопление, куда попадают все использованные в мире жвачки. И они там даже создали нечто вроде цивилизации.

– Цивилизация жвачек! Ужас! Может, у них и поэты есть?

– Напрасно вы хихикаете, герцогиня, во Всем Сущем возможно все.

– Ладно, с этим понятно. Ждем обвала поэтов. Но где мы их разместим? Замок никак не подходит, Златоград перенесем в n -измерение, придется затевать стройку.

– Это не столь сложно, – сказал милый мессер Софус. – Есть у меня одна задумка. Не волнуйтесь.

– А жюри?

– Почетный председатель – его величество. От его лица – Фипс и вы, девочки: дочь поэта, вдова поэта. Кстати, Люция, на время проведения фестиваля прошу вас с Маттео не обжиматься по углам. Вы вдова, вот и ходите со скорбным видом.

– У-у-у, – проныла я. На два голоса.

Оливия позлорадствовала с видом победительницы. Ладно, ничего, мы потерпим.

На следующий день мессер Софус собрал всех нас на конную

прогулку. Кстати, опарышей мы достали – у повара были, что странно. Итак, мы поехали в поля, легкий почти летний ветерок овеивал наши лица, я любовалась бескрайними полями лаванды, и вдруг мессер Софус остановился:

– Здесь.

Мы спешили. Мессер Софус достал круглую металлическую пластину и стал что-то по ней вычислять.

– Угу, – довольно бормотал он. – Угу. Вот тут и закрепимся.

Откуда-то из-за уха он достал крошечный белый кусочек незнамо чего и положил его на землю.

– Разбегайтесь! – не своим голосом крикнул он. – Он растет с дикой скоростью.

Мы вскочили на коней и помчались, мессера Софуса слушались все. И тут по нам прошелся странный удар, словно нечто гигантское втянуло в себя очень много воздуха.

– Скачите, скачите! – вопил, махая крылышками, мессер Софус (о, у него и крылья есть!).

Мы старательно повиновались, да и кони неслись будто оглашенные.

– Стойте! – вдруг рявкнул мессер Софус. – Готово. Можете смотреть.

Мы оглянулись. Посреди доселе пустого поля стоял огромный прекрасный город. Он весь был словно из сверкающих кусков драгоценных камней.

– Не обманул продавец, – шмыгнул носиком мессер Софус. – Ну, поехали, осмотрим Поэтополис.

Поэтополис выглядел восхитительно. В нем были роскошные дома и водоемы, уже наполненные водой и жидкостью, которая может понадобиться нашим гостям. Домики были и великанские, и крохотные – на улитку. Значит, разные у нас будут гости.

– Мессер Софус, как вам это удалось? – восхищенно воскликнула Оливия.

– Дротики, волновые дротики, дорогая. Выиграл с их помощью Матрицу Города Будущего у одного царька в туманности Андромеды.

– Да вы азартны!

– Азарт – это младенческие шалости. Главное – включить мозги!

– Вашим мозгам позавидуешь, мессер Софус, они у вас никогда не выключаются.

– Именно поэтому я достиг того, чего достиг. Но продолжим тему Поэтополиса. Понятное дело, поэтам все-таки приятнее будет гулять среди всяческой экзотической и в то же время безопасной растительности. Так,

что у нас подходит больше всего?...

Мессер Софус потер своими изящными лапками, достал из воздуха крошечные перчаточки, оттуда же извлек некий сундучок и сказал нам:

– Отойдите на безопасное расстояние.

Мы обезопасили себя как могли, а мессер Софус скрылся за высокими стенами Поэтополиса.

И вдруг! Это было невероятно! Над стенами заколыхались огромные листья веерных пальм, лиловых магнолий, гигантских гербер из дальней галактики... Это было как фейерверк!

Мессер Софус позвал нас смотреть, и мы были потрясены его талантом, а также умением доставать из разных пространств полезные предметы.

Поэтополис был прекрасен. Шесть улиц лучами сходились в центре, где было особое возвышение. Предполагалось, что именно с него поэты будут провозглашать зрителям свои нетленные шедевры.

– Что ж, один вопрос решен.

– И весьма важный.

– Другой вопрос, как поэты узнают о нашем фестивале. Нам нужна реклама. Нам нужен слоган, девиз!

– «Мир, добро и красота – все, что надо для тебя!» – прочавкала апельсиновой жвачкой Оливия.

– А что, – задумчиво кивнул мессер Софус. – Мне нравится. Простенько и со вкусом. Опять же на общегалактический переводить будет просто.

– Вы чего? – вжалась в кресло Оливия. – Я прикалывалась.

– А получилось то что нужно. Люция, далеко у тебя анапестон?

– Нет, сейчас принесу.

Пока я бегала за анапестоном, в нашей команде возникли еще замечательные идеи. Для развлечения публики предполагалось пригласить хор «Нано-Сопрано» и оркестр «Виртуозы Вселенной»! Из местного творческого бомонда я предложила баттл хрип-хипарей Росомахи и Саблезуба, а также выступление нашего знаменитого балета гигантских москитов.

– Это будет шоу! – восхитилась я.

– Казаки обидятся, – сказал мессер Софус.

– Какие еще казаки?

– Да галактические. У них куреня по всей Вселенной и Образцово-показательный казачий хор песни и пляски! Их надо обязательно пригласить в качестве особого музыкального подарка для гостей. На этом

пока остановимся. О'кей, анапестон, – сказал мессер Софус прибору.

– О'кей, мессер Софус. Рад снова быть активированным. Какое у вас задание?

– Во-первых, мне необходимо, чтобы в радиусе определенной местности ты создал имитацию протоязыка. Чтобы все, кто находится в этой местности, понимали друг друга без переводчика.

– Задание понял, выполняю. Выполнено.

– Далее. Необходимо разослать в космосе сигнал, который я тебе закодирую и передам. Мы собираемся провести всемирный поэтический фестиваль.

– Прекрасно. Обожаю поэзию.

Сказано – сделано.

Поэт Вуалехвост первым поселился в одном из больших аквариумов Поэтополиса, плавал и плямкал губами. Мы готовили парадные платья и, благодаря тому же анапестону, разные виды еды для гостей.

Гости с нашей Планеты прибыли незамедлительно – сами понимаете – ехать недалеко, герцога многие знали, да и возможности покрасоваться лишний раз ни один поэт не упустит.

Как вы думаете, кто явился первым после Вуалехвоста? Смиранный брат Юлиус, который в церкви Святой Юстиции достиг солидных должностей и как поэт, воспевающий истинную веру, и как главный ревнитель этой веры.

– Герцогиня, мои соболезнования, – почтительно склонился он передо мной.

– Благодарю вас, – скорбным тоном молвила я из-под траурной вуали. – Я никогда не смирюсь с утратой. И этот фестиваль созван в память моего гениального мужа, в знак того, что поэзия и мир должны снизойти на людей и закончить все распри, ссоры, обиды. Пусть имя Альбино Монтеessori станет символом мира и благородства.

– Вы совсем не знали своего мужа, герцогиня.

– У меня для этого было слишком мало времени.

Я откланялась. Наверняка Юлиус явился шпионить. Мало того, а если он провез с собой жучков?

Впрочем, мы же не делаем ничего предосудительного! Фестиваль проводится с разрешения и под покровительством его величества, так что тут все в порядке. Ну а как на фестиваль смотрит Святая Юстиция, мне дела нет.

В этой суете мне мало удавалось побыть с Маттео, в основном мы с Оливией принимали у входа в Поэтополис гостей, а Маттео был в замке

герцога – мало ли, времена такие, чуть отвернешься, целый замок экспроприируют!

Постепенно поток гостей нарастал. Сначала мы принимали Ближний Космос, обитателей нашей Галактики. Потом стали подтягиваться ребята из параллельных вселенных и антисингулярностей. Чудны были – не передать. Но наш славный анапестон очень хорошо решал языковую проблему, так что никто ни на кого не кидался, даже если в обычной жизни один поэт был пищей другого.

К торжественному открытию сцена Поэтополиса была украшена лентами и растительностью всех спектральных оттенков. Все утопало в цветах. Поэты заняли целиком площадь Поэтополиса (а это немаленький размер) и ждали, когда на сцену взойду я.

Вдова великого поэта.

– Ахынг тхаэнг’нгумоно шо, – старательно выговорила я фразу общемирового благословения Всего Сущего. Дальше уже старался анапестон. – В жизни каждого мыслящего существа есть радость и есть скорбь, обретение и потеря. Так я обрела и потеряла своего супруга, талантливейшего поэта, герцога Альбино Монтессори. Оливия, моя падчерица, осталась без отца. Но наш дух не сломить, ибо все здесь отдано во славу великой поэзии. Во славу таких поэтов, как вы.

– У-лю-лю! – засвистели поэты. Это была общекосмическая формула приветствия.

Дождавшись тишины, я продолжила:

– Поэзия совершенствует Все Сущее, а Все Сущее совершенствует поэзию. И охватить всю поэзию невозможно, так же, как и необъятно Все Сущее. Слава поэтам!

– Слава!

– А сейчас я хочу предоставить слово для приветствия старейшему поэту нашей Галактики, двухсотпятидесятилетнему Амброзиусу Сладкогласому.

Под бурные аплодисменты на сцену вынесли гигантский гриб. О небо, где его только раскопал мессер Софус? Но оказалось, что суть не в том.

Дама, довольно крепкая в плечах и форме Святой Юстиции, вынесла на сцену... ту самую гигантскую гусеницу, которая допрашивала меня и все волновалась насчет того, не Алиса ли я. Дама усадила гусеницу на гриб, и склизкий поэт немедленно принялся жаловаться, что гриб жесткий, где кальян с каннабисом, и вообще тут наверняка полно Алис.

– Алис здесь нет, мой господин, – поклонилась я. – Прошу вас приветствовать поэтов, собравшихся на фестиваль. Да, сейчас вы отдаете

силы Святой Юстиции, но было время...

– Никогда нельзя быть уверенным, что рядом не прячется Алиса. Где мой кальян?

Подали кальян. Амброзиус глубоко затаился, выпустил ровные колечки дыма и молвил:

– Когда мы были молодыми и деньги были золотыми, был у нас, поэтов, свой гимн. Позволю себе процитировать из него несколько строк, подходящих к моменту:

Игитур Гаудеамус!
Пульхрум девас обжимаемус.
Трактирус часто навещаемус,
Убо напиваемус и нажираемус.
Все это жизнь поэта называемус!

Все опять заплодировали. Анапестон, умничка, мягко перевел этот старый похабный гимн.

– Пишите, дети мои, – благословил кальяном поэтов Амброзиус. – Поэзия смягчает кирпичи бытия, что сыплются нам на голову. Все. Ерго, я кончил. Унесите меня и проверьте, нет ли на дороге Алис.

Прекрасного Амброзиуса унесли, вместо него на подиум вошел мессер Софус. Он объяснил сугубо бытовые вопросы, обратил внимание на волонтеров, которые станут помогать поэтам в обживании Поэтополиса, и добавил также, что темы для стихов каждый день будут определяться при помощи подбора случайных чисел в лазерной рулетке. Некоторые возроптали, а некоторые даже и приободрились. Итак, добро пожаловать, поэзия!

Глава десятая

Поэзия как точная наука

Из дневника участника фестиваля:

Я – Кубус. Планета Кубикус в галактике Грань 1004. Для кого-то из представителей миров я просто не существую, потому что они не могут в силу своего строения осознать наличие моего места проживания. Тем не менее я Куб, и я поэт.

Конечно, на нашей планете поэзией много трудодней не заработаешь, поэтому, как все кубатоны, я вынужден ежедневно отправляться на службу в свое бюро по учету, статистике, логистике и трейдингу. День на Кубикусе длится сорок земных, статистика – вещь скучная, поэтому вы понимаете, отчего я начал потихоньку наговаривать на свой личный кристалл стихи. Однажды, в момент особой лирической близости со своей Кубочкой, прочел ей, и она пришла в неистовый восторг. Она своими маленькими нежными псевдоподиями до блеска натерла два моих синих кристалла жизни, восклицая, что я необычайно талантлив и меня ждет слава. Именно она отправила мои стихи в инфосеть Кубикуса. Ответ пришел незамедлительно, и Кубочка ждала, когда я вернусь домой, чтобы сообщить мне его.

Едва я влетел в дом, как ощутил некий аромат торжественности. Потом понял – Кубочка замесила свой фирменный салат, что бывает только по праздникам. Двое наших отпрысков Кубик и Кубик-2 стояли навтыжку в гостиной и восторженно глядели на меня.

– Здравствуй, папочка! – хором крикнули они.

– Здравствуйте. Кубочка, что случилось? Какой-то общегосударственный праздник?

– Да, милый, – лукаво коснулась она моего синего кристалла, так, чтоб дети не заметили. – Я отправила твои стихи в инфосеть.

– О!

– И вот ответ:

Почтеннейший Куб! Ваши стихи чрезвычайно понравились нам, особенно руководству. У вас явный дар поэта, а такой дар надо продвигать в массы. Поэтому в ближайшее время с вами

свяжется наш литературный агент и заключит договор о приобретении прав на ваши стихи. Нужно ковать железо, пока горячо, и вы станете первым поэтом нашей Галактики!

Тут же прозвонил сигнал нашей инфопочты, и на стене высветилось сообщение:

Господину Кубу, конфиденциально. Вы приглашаетесь сегодня на беседу с литературным агентом в Куби-холл, 35-й этаж, кабинет № 202, время местное. Пожалуйста, не опаздывайте.

Кубочка ахнула:

– Ты и поужинать не успеешь, милый!

– Ничего, – я нежно пощекотал ее псевдоподией. – У нас все впереди! Надо ковать железо, пока горячо, хотя я не понимаю, какое отношение к поэзии имеет железо, что значит его ковать и до какого градуса нагревать.

– Ай, они там тебе разъяснят. Возвращайся скорей, а салат я пока законсервирую.

Мы ласково-ласково пожали друг другу псевдоподии, и я подумал, что давненько не протирал кристаллы своей милой женушки. Когда дети войдут в режим сна, можно будет позволить себе вспомнить молодость.

Я сел в транспортную капсулу, назвал адрес и был незамедлительно доставлен куда нужно. Отсюда было видно небо нашей планеты, страдающей от перенаселения и застроенной домами в огромном количестве. Небо было прекрасно. Сиреневое и розовое, оно напоминало мне кристалл Кубочки, когда я впервые прикоснулся к нему. Скажу ей об этом, когда вернусь.

Меня уже ждали на стоянке капсул и незамедлительно проводили в кабинет литературного агента. Это был весьма почтенный Куб с шестью псевдоподиями и тремя синими кристаллами. Я почтительно поклонился.

– Мы разыскиваем таланты на нашей планете и делаем это непрестанно, – сказал Куб. – Весть о ваших стихах прошла инфосеть подобно молнии и была как нельзя кстати: в одной далекой галактике проводится поэтический фестиваль всех обитаемых миров. Мы решили, что вы отправитесь на этот фестиваль, достойно покажете себя как поэт и соберете много путевых заметок и характеристик – ведь впервые наш Куб отправляется в такое путешествие. Информация о тамошних порядках особо ценна, вы же понимаете, поэтому вот вам особый дневник, который

будет зашифровывать все, что вы в него занесете, и это должны быть серьезные сведения. Желаю удачи!

И вот я уже участник поэтического фестиваля! На отправленный моей планетой запрос пришел положительный ответ и спецкапсула для субпространственного перемещения в галактику, где находится планета Планета. Попрощавшись с Кубочкой и детьми, я влился в капсулу, и она на сверхсветовой скорости отнесла меня к славе.

Через некоторое время я осознал, что уже нахожусь в своем нормальном состоянии, вокруг сверкали зеленые стены, значит, я прибыл на Планету!

– Добрый день, господин Куб, – прозвучал приятный женский голос. – Добро пожаловать на Планету. Сейчас к вам подойдет волонтер вашей расы и введет в курс дела.

И правда – ко мне уже спешил, семена псевдоподиями, небольшой Кубик, еще не имеющий кристаллов – не выросли. Ах, молодость, молодость!

– Приветствую вас, господин Куб! – воскликнул он. – Мне выпала огромная честь быть здесь вашим волонтером. Я буду помогать вам ориентироваться в огромных пространствах Поэтополиса, успевать на самые интересные мероприятия, выступать перед поклонниками, вовремя питаться и отдыхать.

– И что же мы будем делать прямо сейчас? – с улыбкой спросил расторопного юношу я.

– Вот наш флаер, в Поэтополисе на них летают все, мы отправляемся в ваше жилище, вам надо осмотреться, привести себя в порядок и отдохнуть.

Честно сказать, я был так потрясен всем, что творилось вокруг, что и впрямь нуждался в легкой передышке.

Флаер остановился перед уютным кубом – чудесным домом, в который я с удовольствием бы перевез свое семейство. Мы вышли, и я ощутил приятную мягкость зеленого покрова.

– Это трава, – объяснил волонтер. – Ой, я забыл представиться – меня зовут Пит.

– Очень приятно, Пит.

– Зайдем в дом, господин Куб.

И мы так и поступили. Внутри все было великолепно, как в дорогом типовом кубическом доме. Я повесил свои хитоны в дезинфицирующий шкаф, сам принял озоново-азотную ванну, а когда оделся в домашнее, Пит уже доставал из окошка пневмодоставки типовой обед на двоих.

– Если вы позволите, – приятно порозовел он, – можно мне пообедать

с вами? Я весь день на ногах, нарушаю режим...

– Конечно, Пит, заодно расскажешь о своих впечатлениях.

– Это уникально, господин Куб! Зал, где будут выступать перед зрителями поэты, просто огромен, его почему-то называют Красной Поляной, видимо для красоты. Здешние жители – устроители фестиваля – очень красивые и очень хрупкие, у них нет такой крепкой осанки, как у нас. Зато они так забавно одеваются, особенно девушки. И разрез глаз у них не вертикальный, как в нашей Галактике принято, а горизонтальный.

– Ох! Велико ты Все Сущее. И я это увижу?

– Конечно! Ведь вы сегодня вечером будете представлены основательнице фестиваля – герцогине Люции Монтессори. У нее очень пронзительные глаза.

Мы принялись за обед, так что я пока прерву свои записи...

– Оливия?! Что это значит?

Моя дорогая подруга ходила по библиотеке, взбешенная как никогда, и отшвыривала томики стихов разных поэтов.

– Провались ты! – рявкнула она.

– Не провалюсь. – До меня дошло. – Ты завидуешь, злишься, что мессер Софус... Нет. Я. Я уже несколько дней не успевала советоваться и разговаривать с тобой. Прости. И пойми меня – это все фестиваль. Я даже Маттео не помню сколько времени не видела. Ох, ну что мне делать?!

– Да ладно, – шмыгнула носом Оливия. – Это у меня так, воображение разыгралось. Хотя я правда по тебе скучала. Слушай, не слишком ли уж роскошно мы все это затеяли?

– Обратной дороги нет. И чтоб ты не очень расслаблялась, я хочу попросить тебя об одной весьма важной для меня и всей Планеты услуге: смотри во все глаза.

– То есть?

– Оливия, – сказала я, – ты всегда была наблюдательнее меня, зорче меня. Жизнь с болью научила тебя понимать, кто друг, а кто враг. С этим фестивалем к нам могут прилететь и не очень-то славные личности. Кстати! Раз уж я встречаю гостей, возьми на себя встречу творческих коллективов, которые будут выступать перед поэтами. А ты не знаешь, правда существуют космические казаки?

– А кто это?

– Мессер Софус сказал, что у них есть курени. Или куреня... Господи, как мы с этим справимся?...

Продолжение дневника поэта Куба

После обеда я немного отдохнул, а потом в сопровождении своего волонтера гулял по Поэтополису, рассматривал потенциальных соперников. Конечно, слава, да еще всегалактическая – стать грантом фестиваля – это здорово, но к этому еще даются золото, платина и иридий. А мы с Кубочкой, что уж тут таить, небогаты, и как нам платить за жилье и содержание детей, непонятно. Эти мысли пробудили во мне грусть... Я хотел было записать стихотворение, но тут Пит повлек меня за собою:

– Давайте поспешим на Красную Поляну, я выяснил, что там будет выступать казачий хор из куреня Альфа Центавра. Это будет очень интересно.

Мы отправились на Красную Поляну, там уже было полно зрителей. И тут на сцену вышли казаки. Это было незабываемое зрелище. Гиганты с сине-зеленой чешуйчатой кожей, алыми бровями и золотыми глазами были незабываемы. С затылков у них тянулись косы, а над губами свисали соединительные усы, видимо, чтобы хор пел синхронно.

Они встали, выдохнули, их усы и косы соединились. Возник звук, а потом наивысший из казаков сказал:

– Здоровеньки булы, мы до вашего куреня. Оченно нам ндравятся здешние обитатели. Пропоем мы вам песню народную, древнюю, казачью, от всего казачьего сердца.

Гудение усилилось, и казаки запели:

Ой, да не вечер, да не утро,
Ох, был да солнечный денек.
Шел казак до мамки в гости
Да споткнулся о пенек.
Разложил свои портянки,
Расчесал свои усы.
Был казак невероятной,
Ослепительной красы:
Ликом синь, а бровью красен,
Оком темно-золотист.
Был героем многих басен
Сердцеед и стрекулист.
Но беда случилась разом:
Шла тут девица-краса,
И казак утратил разум

И златые волоса.
«Будь моею ты женою! —
Он воскликнул, весь горя, —
Куреня у нас с тобою
Все воюют почем зря».
Горько плакала казачка,
Но казак весь сразу в пыл.
Он схватил свою девицу
И портянки позабыл.
С той поры сплошные войны
Две галактики ведут.
Вот трагедия какая,
Что еще расскажешь тут.

Хор выглядел импозантно, особенно красные брови на сине-зеленой коже. Мне думается, это особая боевая раскраска казаков, ибо, насколько я понял, они воины, раз у них есть холодное оружие.

Тут на сцене вышла некоторая заминка, казаки что-то нервно задержали усами, потом один достал шашку, серебряную стопку и фляжку с чем-то завлекательно плеснувшим. На сцену вышла дочь герцога Оливия, и казаки запели:

Кому чару пить,
Кому здраву быть,
Девице Оливии да свет Альбиновне!

Они поставили чару на шашку и в таком виде вручили даме. Но госпожа Оливия отличалась великолепной выдержкой и тактом. Она, не дрогнув, взяла шашку и выпила инородное зелье. Крякнула, занюхала рукавом и сказала:

— Ай, спасибо, казаки, порадовали! Располагайтесь со всем удобством, как дома. Песни ваши слушать не устанем.

— Да мы еще кой-чего можем, — молвил самый синий, и казаки захохотали, тряся усами.

— Не сомневаюсь, — очаровательно улыбнулась Оливия и потихоньку-полегоньку выперла казаков со сцены. А затем, взойдя на трибуну, почти будничным голосом сказала:

– Итак, фестиваль открыт, и мы приступаем к жеребьевке. Жеребьевку проводит высокоточный лазер, которого нельзя заподозрить ни в подкупе, ни в кумовстве и прочих делах. Вот он.

Оливия поставила на крышку трибуны анапестон.

– О’кей, анапестон, – строго молвила она.

И сразу во всем почувствовалась некая торжественность. А ведь так и есть! А вдруг я буду первым? Вот бы Кубочка удивилась!

– Жеребьевка начинается, – бесцветным голосом произнес прибор, и тысячи алых лазерных лучей завихрились по залу.

– Жеребьевка окончена. Первая тройка поэтов: Омния Винцит Амор, планета Джангла, галактика У-8у; Василий Петрович Полупуднев, планета Земля, галактика Млечный Путь; Куб Кубатон, планета Кубикус, галактика Грань 1004.

О небо! Это произошло!!! Я читаю стихи в первой тройке! Надо обязательно сонет, сонет – всегалактическая форма возвышенной поэзии. Я не должен посрамить своей планеты! Тем более что каждому дается право только на одно стихотворение!

Я был взволнован и дрожал. Только особыми медитационными упражнениями мне удалось восстановить спокойствие.

Первой вышла Омния Винцит Амор, высокая женщина с золотой кожей и в золотом платье. На голове у нее сияла диадема из каких-то очень роскошных камней. Она поклонилась всей аудитории, вознесла все четыре руки к небесам, видимо, благодаря их за свой талант, и начала читать:

Мои стихи – лишь трава под ногами Твоими, Все Сущее.

Я рассматриваю травинки и вижу красоту каждой.

Я рассматриваю звезды и вижу их прощальный свет.

Да будет любовь со всеми.

Да будет совесть со всеми.

Этого не так уж и мало.

Зал взорвался аплодисментами, а я так ничего и не понял. Это разве стихи? Про траву и звезды любой школьник написать может! Ладно, послушаем землянина.

Василий вышел и, если честно, выглядел забавно. Я слышал про расу землян, что она очень сильная, везде лезет, и уж если что, своего добивается любыми путями. Поэт поправил микрофон и заговорил:

Счастливым день наступит до срока,
Засияет в небе тысячей радуг.
Не будет больно и одиноко,
Будет так, как душе твоей надо.
По плечам рассыплются самоцветы,
С руками сплетутся алые розы.
В этот день даже лучшие из поэтов
Не смогут удержать счастливые слезы.
А ты пойдешь, и тебя не удержать боле,
Ты была рождена для любви и славы.
Главное в судьбе – не бояться боли
И простить себе маленькую слабость.

Какие странные стихи! Недаром говорят, что земляне на голову особенные. Но сейчас уже мне читать. Прочту сонет, который посвятил Кубочке!

Я вылетел к микрофону и ощутил, какое здесь мощное силовое поле. Поэтов защищали. А то мало ли, какой-нибудь критик найдется и пустит стрелу в чтеца.

Микрофон всплыл в воздухе перед моим ротовым отверстием, и я заговорил:

Ее глаза на звезды не похожи,
Они напоминают два яйца.
Но я влюблен, и эти очи тоже
Разбили целых два моих сердца.

Когда иду измученный тоскою
В отсек энергетический пустой,
Она мне даст заботы и покоя,
Она сама забота и покой.

Любви доступно всякое созданье,
Коль есть в нем разум и святая страсть.
Его невыносимое желанье
К ногами любимой призывает пасть.

Причем необязательно к ногам.

Надеюсь, что сие доступно вам.

Святое Небо! Я вовсе не ожидал, что зал так отреагирует на мое скромное стихотворение. Бегущая строка табло показывала число голосов: по сравнению с Омниа и Василием я набрал наполовину больше голосов.

– Подсчет окончен, в этом раунде победил Куб Кубус, – объявил мягкий женский голос. – Через десять минут новая жеребьевка. Можете пока релаксировать.

Полилась приятная музыка. Я растерянно стоял, не зная куда себя деть. И тут ко мне подошел землянин.

– Мое почтение, – поклонился он. – Сонет был прекрасен. Как приятно знать, что в мирах еще есть поэты, пишущие сонеты...

– Приятно знать, что поэты вообще есть, – подошла к нам Омниа. – Мальчики, пойдемте в буфет, выпьем за поэзию. Чисто символически, я угощаю.

Мы отправились в буфет, где угощались отличными напитками. Я уже раздавал автографы, как и Василий с Омниа. На этом завершаю день.

Глава одиннадцатая

Поэтический фуршет

– Видеть не могу эту гадость! – воскликнула мастер-повариха. – А ее еще надо приготовить!

Гадостью были роскошные медузы, лениво плавающие в баке с морской водой. Медузами питались ксантийцы – два этих поэта прибыли из галактики Ксанто. Они дышали гелием и ели глиняные тосты с медузами, в остальном проблем не доставляли.

– Госпожа Рипли, позвольте мне сделать тосты, – вмешалась юная бисквитчица. – Глину я уже сформовала и пропекла, теперь только выкладывать медуз...

– Слава небесам, что растет такое поколение кондитеров. Вперед, девочка, – сказала повариха. – Я лучше приготовлю винегрет – это для поэта с Земли, они раса, практически схожая с нами, даже удивительно!

Бисквитчица принялась споро вытаскивать медуз особой сеточкой и укладывать на еще теплые глиняные тосты. Медузы присыхали, и тогда девушка капала в серединку тоста капельку ртути – в этом был особый ксантийский шик.

Мясник разделял тушу альфа-центаврийского кролика – это было здоровенное существо, ростом с хорошего кабана. Стейки и бифштексы из него будут есть альфа-центаврийцы.

А вообще, все напрасно боялись сложностей с кухней – гости все привезли с собой, показали, как приготовить или даже приготовили сами. Землянин, правда, сказал, что прибыл на халяву и хочет винегрета и жареных кур. Куры в замке имелись в достаточном количестве, клетка с квохчущими затворницами стояла у стены. И тут младший поваренок увидал, что стена становится какой-то текучей, а в полу появилась крутящаяся воронка.

– Ой, – сказал поваренок.

Из дырки высунулась рука, смуглая, волосатая, в золотом браслете и с железной литровой кружкой:

– Нам только водички попить!

– Ой! – взвизгнули теперь уже все.

Из вихрящейся воронки в полу на кухне образовалась целая орава мужчин, женщин и детей разных возрастов. Все они были смуглы, одеты в

яркие наряды, пахли лошадьми и поддельными духами. Очи их сияли, как янтари, и, видимо, обладали особым гипнотическим действием.

– Вы кто? – грозно спросил шеф-повар, схватив мясницкий нож. – А ну возвращайтесь в свою дырку!

– Добрый человек, зачѐм ругаэсси, зачѐм нож! Мы бродячие артисты, кабаре «Черная жемчужина». Мы космические цыгане, кочуем, гадаем, мал-мало зарабатываем, старые звездолеты берем, на запчасти продаем. Покормите нас, а то два месяца не мывшись и переночевать негде.

– Мне такие типы незнакомы, – мрачно сказал шеф-повар.

– А вот наш ромалэ-барон Иванко Сокол.

– Барон Иванко Сокол, – гордо отрекомендовался высокий, чернобровый, черногривый и одетый во все черное красавец. Шляпа у него размером напоминала блюдо для канапе и по тулье была повязана алой лентой.

– Послушай, дарагой, – заговорил барон. – Нам много не надо. Мы по всем галактикам кочуем. Накормите нас, напоите, а мы вам за это споем-спляшем, на картах погадает наша старая Нэнэ.

– Хозяйку уже оповестили? – спросил шеф-повар.

– А вот и я! – ответила я ему. – У-у, какой у нас здесь контент образовался. Это вы знаменитые цыгане Иванко Сокола?

– Барона Иванко Сокола!

– А, барон, вот и вы, рада видеть. Вы, значит, через континуум шли... Давайте договоримся сразу: у нас тут поэтический фестиваль о мире и дружбе. Поэтому столовое серебро воровать не надо. Располагайте ваши шатры где хотите, еду выбирайте согласно рациону и развлекайте гостей. Будете хорошо себя вести – уйдете с честью и подарками, а нет – я вас достану, у меня руки длинные.

На что все сказали:

– Обижаешь, хозяйюшка, мы люди честные, нам чужого добра не надо!

Я увела компанию в малую столовую, приказав подать им отдельный обед и выпивку. Мне было сейчас не до них. Через десять минут закончится первый день выступления героев фестиваля, после чего я должна произнести соответствующую речь и объявить результаты жеребьевки. Назвать победителей и пригласить их в Хрустальный дворец на праздничный ужин. Хрустальный дворец охранялся, но в связи с цыганами охрану я удвоила.

Я вернулась в зал поэтов. На сцену как раз всходила хрупкая девушка-гуманоид в белом платье. Сопровождал ее тоже гуманоид, в черном костюме и с гитарой в руке. Значит, девушка будет петь – приятный аккорд

для завершения первого дня фестиваля.

И она запела:

Как легко закрываются веки,
Как из рук высыпается стих.
Я жила в термоядерном веке,
Я жила в умирающем веке
И не видела разницы в них.
Те же были дома и заборы,
Те же лужи и та же тоска.
И душа уезжала на «скорой»,
Белым пальцем крутя у виска.
Я не знала, зачем я и кто я,
Я умела совсем ерунду.
Я не знала любви и покоя,
Видно, их я совсем не найду.
Я не смею просить об отсрочке,
Если только на время письма.
Как легко рассыпаются строчки,
Как обрезанные ноготочки,
А за ними – забвенье и тьма.

Она допела, и все просто встали в благоговейном молчании, не потому что стихотворение было уж каким выдающимся, а потому что девушка эта была воплощенные страдание и скорбь. Она взмахнула руками, и под потолком замелькали белые бабочки.

– Прощайте, – сказала девушка.

Гитарист забросил гитару за спину и бережно поднял на руки невесомое создание.

– О Стелла Марис, молись о нас, бездарных, – услышала я рядом чей-то шепот.

Я повернулась. Это был рагноид – бледно-сиреневый, моего роста, с огромными глазами. Его галактика в противовесе – пришлось ему по мирам поболтаться.

– Вы знаете поэтессу? – спросила я.

– Стеллу Марис знают все поэты. Ведь она умершая звезда, но свет ее вместе со стихами все еще идет к нам. Она появляется внезапно и так же внезапно исчезает. Это хорошо, что здесь была Стелла Марис, она осенила

всех благословением и послала удачу.

– Мне приятно встретить такого знатока.

– О, что вы, это я должен выказать почтение...

– Люция Монтессори, владелица всей этой красоты.

– Орви эт Урби, кластер Рагноида...

– Я поняла. Как прошло смещение по граням?

– Благополучно, слава нашим богам. Наверное, мы единственная раса, которая так сильно ощущает равновесие Всего Сущего.

– Мне хочется угостить вас, у нас прекрасный бар, вы мне расскажете о жизни на Рагноиде...

– С удовольствием!

Мы прошли в пока еще пустой бар, я попросила налить себе яблочного сока с капелькой лайма, а рагноиду сернистую воду с окисью цинка.

Мы удобно устроились за стойкой и принялись болтать о том о сем. Рагноиды – прекрасные собеседники.

– Орви, прочтите мне ваше стихотворение.

Он прочел. Вздыхнул:

– К сожалению, оно не пришлось по душе зрителям.

– Ничего, не унывайте, крепитесь и совершенствуйте ваш талант. Это первый, но далеко не последний всемирный поэтический фестиваль.

И тут в бар влетела разъяренная Оливия:

– Она тут прохлаждается! А объявлять итоги кто будет, конь в пальто? А банкет? А концерт? Растерзаю!

Оливия, не чинясь, схватила меня за шиворот и поволокла прочь из бара. Бедный рагноид грустно смотрел мне вслед.

– Оливия, прекрати меня тащить, на нас люди смотрят.

– Пусть посмотрят, не одной же тебе жевать славу!

– Оливия!!! Ты что, завидуешь?

– Была нужда. Так, все, встряхнулись, плечи распрямили. Глубоко вдохни и резко выдохни.

– Блин, подвязка на чулке лопнула!

– Переживем.

Оливия распахнула двери и прорычала:

– Дамы и господа! Ее светлость Люция Монтессори!

Музыканты на галереях грянули приветственный гимн, я шла в проходе меж рядов кресел, боясь, что или шлейфом стул свалю, или каблук подломится.

Я взошла на подиум. Мне подали конверт.

– Дамы и господа! – улыбнулась я. – Настал волнующий момент. В

этом конверте имя того, кто стал фаворитом первого дня фестиваля... Это... Куб Кубус с планеты Кубатон.

Желтый кубик с двумя синими нашлепками радостно запрыгал в кругу единомышленников. Кому могут нравиться кубы? Они же ведь и размножаются, раз у них планета.

Я вручила желтому кубу диплом участника, а затем все тем же елеиным голосом объявила о начале банкета-фуршета (вот что-то такое получилось). Кто умел сидеть, ел сидя, остальные – в привычных расе позах.

Мы с Оливией сели в дальнем уголке и принялись жадно поглощать оливье и нагетсы.

– Еще концерт сегодня, и можно расслабиться, – сказала я.

– Ох, тебе бы только расслабляться, – каверзным тоном сказала Оливия. – То с Маттео, то уже с каким-то синюшным обсоском в баре обжимается.

– Я не обжималась. Просто немного расслабилась. А Маттео... Сама знаешь, у него спецзадача, он назначен временным хранителем ЗЗ.

– Чего?

– Золотого запаса.

Наконец нам стало очень хорошо от съеденного оливье, мы почти помирились и, пока гости собирались в зал на концерт «Нано-сопрано», решили просто посидеть в дамской комнате. Тем более что у меня оторвалась подвязка и мне пришлось ее пришивать.

Тут-то она и появилась. Цыганка, возраст которой можно мерять световыми годами. Она была скрюченная, с такой темной кожей, что и не опишешь. Яркие шали, платки, парео, пончо и еще незнамо что покрывали ее с головы до пят. Но глаза у нее были – лазеры позавидуют.

– Молодые красавицы, – сказала она. – Позолотите ручку, я вам карты раскину, всю правду скажу, что было, что будет, чем сердце успокоится.

– Я не верю в карточные гадания, – немедля заявила Оливия. – Но вы можете погадать мне, так и быть. Для развлечения.

Гадалка усмехнулась:

– Карты не развлечение. Они правду говорят, они будущее прогнозируют.

Неуловимым движением гадалка достала колоду карт из марева своих юбок. Перетасовала. Протянула Оливии:

– Сними одну карту направлением к себе.

Оливия сняла.

– Положи.

Оливия повиновалась. Поверхность карты была белой.

– Она белая? – удивилась Оливия.

– Задай ей вопрос.

– За кого я выйду замуж?

На карте отчетливо проступил кукиш.

– Ха, – сказала Оливия. – Я что, в девках останусь?

Карта показала восклицательный знак.

– Нет, ну вот что за подлость! – воскликнула Оливия. – Все люди как люди, замуж выходят, разводятся, имущество делят, а мне кукиш! И что тогда меня ждет в жизни?

На карте проступили золотая корона, держава и скипетр.

– Ты будешь королевой! – воскликнула я. – Не раскисай! Давай-ка учи дворцовый этикет.

– погоди. Я буду королевой Литании?

На карте проступил герб королевства, которого мы не знали.

– Это королевство находится на Планете?

Карта показала совсем другую планету. Очень знакомую мне. Мою родную планету Нимб.

Я сказала об этом Оливии. Она задумалась.

– Этого не изменить? – спросила она. А потом взяла и перевернула карту. – Все можно переменить. Люция, Нимб – твоя планета...

– Но я сбежала оттуда...

– Пусть гадалка теперь тебе погадает.

Оливия хмуро смотрела на карты.

Гадалка перетасовала их, протянула мне колоду:

– Сними верхнюю карту.

Я повиновалась.

На лежащей передо мной карте отчетливо проступила сломанная роза.

– Я же не задавала никакого вопроса! – воскликнула я.

– Сердце у тебя вопрос задало. Нет, Люция, не быть тебе с этим женихом. И ни с каким другим, пока ты не вымоешь туфли твоей подруги.

– Еще чего, – сказала Оливия. – Да кто ей даст.

А я сидела оглушенная. Мне не быть с Маттео вместе. Мне не быть с ним, с его глазами, утешающими руками, крепкими объятьями. Вот просто не быть, потому что какая-то бумажка...

Я потянулась к карте, но гадалка железным голосом сказала:

– Не трогать.

– Но хоть что-то у меня будет? – всхлипнула я.

И карта вспыхнула и рассыпалась невесомым пеплом.

– Плохо дело, девочка, – сказала мне гадалка.

– Ну я прямо и не сомневалась, – со злыми слезами сказала я. – Разве у какой-то сиротки-уродки с двумя личностями может быть все хорошо?

Раздался легкий звон, и перед нами предстал неподражаемый мессер Софус.

– О, Глоссария, рад тебя видеть, – воскликнул он. – Давненько мы не пересекались на задешних струнах.

– Ты же знаешь, Софус, мой дар никому не в радость. Кочую с галактическими цыганами, вместо истинных гаданий вру. Ведь скажи правду – на тебя будут смотреть, как смотрит вот эта девочка.

– Люция, не смей относиться к Глоссарии непочтительно, – строго сказал Софус. Она из Высших, она хранит три кинжала Симфонии Сущего.

– Спешу вас порадовать, я тоже, – и я выхватила свой кинжал.

Все отшатнулись.

– Люция, – строго сказал мессер Софус. – Как он попал к тебе?

– Некая Бабулька подарила его мне в день рождения. И исчезла. Видимо, побоялась моей горькой судьбы.

– Люция, ты должна отдать кинжал Глоссарии. Только она может сохранить кинжалы так, чтобы Все Сущее не исчезло.

– Я вам не верю. А кинжал мне самой пригодится! Я буду защищать Маттео и нашу с ним любовь.

– Нет у вас никакой любви, дурочка, – сурово сказала цыганка Глоссария. – Он женится на тебе, а потом, когда ты станешь скучна ему, убьет.

– Я вам не верю. Я сейчас пойду к нему и все расскажу. Он любит, любит.

– Как это скучно – наблюдать чье-то разочарование в любви.

– Идем выпьем, – сказала Глоссария.

Я села на лошадь и помчалась от Поэтополиса к хранилищу золота. Я знала, что туда не пускали никого, но я была особым случаем.

– Я хочу видеть мессера Маттео, – сказала я стражам. – У меня особый допуск.

– Его величество отменил все допуски.

– Тогда вызовите мессера Маттео сюда, я его невеста и желаю говорить с ним немедленно.

– Хорошо, – сказал стражник.

Маттео скоро вышел, его милое лицо было тревожно:

– Люция, что случилось?

– Маттео, мне пророчат, что я не выйду за тебя замуж! Что ты убьешь

меня.

– Ну разве ты сама не понимаешь, какие это глупости? Дай я поцелую тебя в лоб, и все плохие мысли пройдут.

Он поцеловал меня, и все ушло. Я смотрела на него и не узнавала. Осматривалась – не узнавала местность вокруг.

– Кто я? – прошептала я.

– Разве вы не видите, – услышала я голос, – это городская сумасшедшая. Ее надо немедленно отвести в дом умалишенных и крепко запереть. А донна Люция – вот она, она ваша госпожа и возвращается в Поэтополис.

Я села на коня. Скакать было легко, ведь Маттео посылал мне вслед воздушные поцелуи. Правда, неприятно было видеть, как хватают какую-то умалишенную и запикивают в больничную карету. Бедняжка. А меня ждут Оливия и фуршет с поэтами.

– Ну что? – встретила меня Оливия вопросом.

– А, все это болтовня, – улыбаясь, ответила я. – Маттео все так же влюблен в меня и по-прежнему выполняет свою работу. Который час? Хочется послушать вечерний цыганский концерт. Они обещали.

– Вроде не было такого.

– Вот только сейчас обещали. С этим фестивалем голова закружится.

Люция рассмеялась.

– А как же твой кинжал, о котором говорили Софус и Глоссария?

– Он так и останется моим. С ним ничего не случится. Ты вспомни, что я практически всесильна.

– У тебя зрачки другие. Горизонтальные.

– Это я модничаю. Сейчас сделаю обычные, оп-ля! Ну, идем на концерт.

Из дневника поэта Куба:

Я так счастлив, так улыбнулась мне удача! А вот сейчас ко мне входит удивительная гост...

Глава двенадцатая

Поговори со мною, Смерть

Смерть повадилась ходить ко мне с первого дня в Лечебнице. Смерть жила в соседней палате, ей выдавали мелки, чтоб она белила лицо, а иначе она есть отказывалась. Смерти было со мной интересно, потому что я не знала, кто я. Она называла меня Дурочка-с-переулочка и иногда съедала мою еду. Но мне было все равно. Во мне поселилась тоска, которую по-научному называли рекуррентной депрессией, и от этой тоски умерли во мне все чувства, все желания, все мысли. Я помнила, что когда-то была очень веселой, во мне словно оставалось это пятнышко былой радости – как искорка под напластованиями пепла, но тоска все побеждала.

Смерть, конечно, не была смертью. Она была обыкновенной девушкой, очень худой и большеглазой, а прозвище свое получила за то, что часто принималась говорить о смерти и пугать своим набеленным лицом.

Я, и Смерть, и другие девушки наподобие находились в Особой Лечебнице закрытого типа. Я попала сюда недавно, а старожилы называли Лечебницу «психушка» или «дурка». Мне здесь ужасно нравилось то, что можно было не есть и постоянно спать. Нянечки и медсестры были к нам добры и предупредительны, помогали дойти до кровати, если вдруг закружилась голова или отказали ноги, вовремя приносили лекарства и следили, чтобы ты их выпила. Завтракали и обедали мы в большой зале, где во всю стену были нарисованы небо, радуга и поле спелых колосьев. Мне очень нравилось. Картинка была старая – я видела, сколько проступило на ней трещин, но все равно смотреть было приятно.

Некоторые девочки, у которых с головой было полегче, читали или выходили гулять в Сад. Но я боялась выходить куда-либо, я сказала об этом врачу – мне кажется, я выйду куда-нибудь, а вернуться не смогу, и он успокоил меня и назначил маленькую зеленую таблетку на вечер. У нас здесь был кружок рукоделия – многие плели из ниток кружева или вязали. Мне понравилось рисовать, точнее, раскрашивать картинки. Я брала карандаши, лист с отпечатанной на нем картинкой и принималась раскрашивать как хотела. Смерти это не нравилось.

– Это неправдашная живопись, – говорила мне тогда она. – Правдашная – то, что я рисую у себя в комнате.

– А мне все равно, – отвечала я. – У меня рекуррентная депрессия и

мне нравится раскрашивать картинки. Оставь меня, пожалуйста, в покое.

Но она не отставала. Смерть была ужасно приставучей, особенно к новеньким, как я. А новенькие прибывали почти каждый день. Во второй половине дня начинался Обход. Мы все садились на скамейках в большой, украшенной картинами зале, и ждали Главного врача. Главного врача звали доктор Роксана Фролова, она была очень молодой и красивой, напоминала невесту в своем изящном белом халате.

– Здравствуйте, – приветливо обращалась она к каждому. – Как у вас сегодня дела?

И больной рассказывал, болела ли голова, или были мысли о смерти, или снились кошмары, и оттого намокла кровать.

Я всегда говорила одно и то же, потому что ничего не менялось: всю меня, как пустую бутылку, заполняла тяжелая желтая тоска, и от нее хотелось спрятаться в сон, в лекарственное забвение.

– Джейн, – так почему-то называли меня в Лечебнице. – Вы пережили тяжелую травму, поэтому какое-то время вам действительно нужно спать. У вас и с памятью проблемы. Постепенно, благодаря лекарствам, у вас нормализуется настроение, и тогда мы начнем вторую фазу лечения, будем возвращать вам память и желание жить.

– Да, доктор, – говорила я. Мне было приятно смотреть на нее, такую уверенную и красивую.

А сегодня наша нянечка, которая учит рукодельям, принесла особую красивую бумагу и сказала, что будет обучать желающих делать искусственные цветы. Она сделала розу – так просто, – колокольчик и одуванчик! Когда я увидела одуванчик, мне стало очень приятно, будто какое-то воспоминание прошлого, и больше ничего.

Я тоже стала делать бумажные цветы. Я наделала целую кучу одуванчиков и сплела из них венки. Я спросила разрешения у доктора, и мне позволили все время ходить в этом венке.

А еще у нас бывали концерты. Чтобы нам не было скучно, чтобы мы не предавались плохим мыслям, к нам приезжали певцы и музыканты, а еще поэты. К тому же сама доктор умела изумительно петь. Когда она пела, мы про все забывали и словно теплые волны качали тебя в колыбели.

Сегодня тоже должен быть концерт. Я очень радовалась, разгладила свою пижаму и надела венок из одуванчиков. И первой заняла место в зале. Потом туда пришел Олях.

Олях был хорошим, мирным парнем, но иногда он начинал считать себя деревом, закапывал ноги в землю и размахивал руками, как ветвями. Тогда его выкапывали, привозили в Лечебницу и делали спецкурс уколов и

капельниц.

Сейчас Оля чувствовал себя хорошо. Он был парадно одет, глаженные пижамные брюки, чистые тапочки, а главное – его любимый свитер. На коричневом фоне свитера были вывязаны зеленые листики, и Оля впрямь напоминал дерево.

– Джейн, здравствуй, – сказал Оля. – Рад тебя видеть. Можно я сяду рядом?

– Конечно.

Это у нас ритуал. Мы же больные люди, и может, кому-то хочется побыть в уединении, защитить свое личное пространство. Поэтому мы обязательно спрашиваем.

– Оля, ты сегодня очень красивый.

– Ты тоже, Джейн. Когда ты попала к нам, то была лысая, а теперь у тебя волосы до плеч, так красиво. И венок – удивительная красота. Тебе нравятся одуванчики?

– Да, очень-очень.

– Они сейчас цветут в саду, ведь сейчас весна.

– Я не хочу идти в сад.

– Да, Джейн, я знаю, ты только не волнуйся. Ты не волнуешься? Не нервничаешь? Может быть, пригласить нянечку?

– Что ты, Оля. Я совсем спокойна. Я очень хочу смотреть концерт. И мне нравится, что ты рядом.

– Давай возьмемся за руки и так будем чувствовать себя сильнее, как учила госпожа Глоссария.

– Давай.

Мы взяли за руки и стали ждать концерта.

Тут отворилась дверь, и стали приходить другие пациенты. Смерть намазалась так, что мел от нее летел, как облако. Из девушек еще пришли Анна, Наташа и Лиза – я их знала, но мало, мы почти не общались. Пришли нянечки, среди них самая моя любимая – Люсечка, светловолосая и похожая на солнышко. Или на одуванчик.

Все чинно расселись, и тогда в зал вошла дама в красивом платье.

– Добрый день, дорогие друзья! Сегодня перед вами выступим мы – группа «Экспромт». Среди нас музыканты, певцы и поэты. И сначала я бы хотела сыграть для вас произведение Людвига ван Бетховена «К Элизе».

Дама села за фортепьяно, и полились нежные звуки. Я никогда не знала, кто такой Бетховен, и этой музыки никогда не слышала, но она так утешала сердце!

Когда дама закончила, мы все захлопали в ладоши.

– А теперь я сыграю вам «Баркаролу» композитора Чайковского.

Это тоже было мне незнакомо, но от красоты мелодии защемило в глазах. Ольга как-то почувствовал это и легонько сжал мою руку.

Мы долго аплодировали музыкантше, а потом вышла ведущая и сказала, что сейчас свои стихи прочтет поэтесса Ники Перова.

При словах «стихи» и «поэтесса» что-то опять дрогнула в душе. Как будто я вспоминала давно ушедший сон.

Ники вышла вперед, поклонилась и сказала:

– Мои дорогие! Стихи у меня скромные, но я надеюсь, что вам они понравятся.

Мы предупредительно похлопали.

Подарите мне время счастливых билетов,
Чтоб сбывались мечты не рожденные в нем,
Ароматы багульника и бересклета,
И закат, полыхающий алым конем.
Подарите мне время, как барскую шубку,
Как великую роскошь с чужого плеча.
Я ведь знаю, что жизнь – это вовсе не шутка,
Просто я научилась об этом молчать.
Подарите мне... ах! Ну тот самый билетик,
Где все звезды сошлись роковой полосой,
Где обнимет за плечи и скажет «Приветик»
Вечно юная фея с седой косой.

Билетик... Перчатки. Длинные атласные перчатки... Опера. Я в опере. Огромное пространство бархата и позолоты. Смейся, паяц, над разбитой любовью...

Вот откуда это у меня в голове, а? Я что, бывала в опере?

Нас вывез туда... Кого нас? Кто вывез?

Ничего не вспоминается.

Поэтесса приготовилась читать другое стихотворение.

Одуванчики. Одуванчики.
Я сижу на белом диванчике
И смотрю на листья кленовые:
Слева – старые, справа – новые.

А в палате больничной – радуга.
И возможно, я здесь ненадолго,
И недуги смешными кажутся,
Коль орешник пыльцою мажется.
А медсестры все – сплошь березками.
Свет ползет по земле бороздками
И ложится на плечи крыльями,
Чтобы мы оставались сильными,
Чтобы оставались светлыми,
Одному лишь Богу приметными,
Чтобы встретить в райском туманчике
Одуванчики, одуванчики.

Во мне все словно взорвалось от этого стихотворения!
– Одуванчики! Я вспомнила, кто я! Любовь пахнет одуванчиками!
Маттео – мой возлюбленный!

Я бросилась к поэтессе и принялась ее трясти:

– Я Люция Веронезе, я Люция!

Немедленно подбежали две санитарки, одна аккуратно сделала мне успокоительный укол, и обе они помогли мне добрести до кровати и рухнуть на нее.

– Слава богу, – сказала одна из них. – Девочка вспомнила себя!

– Ну, сейчас пока отдыхает, а то это воспоминание слишком навалилось на нее.

Я спала безо всяких снов, как бывает после снотворного. Проснувшись, долго и бессмысленно глазела в потолок. А потом вспомнила.

Я – Люция Веронезе!

У меня есть имя и фамилия, а значит, дом, родственники, какие-то документы. Из больницы известят их, что нашлась, ведь меня наверняка ищут!

Тут я села, но все поплыло перед глазами, и мне опять пришлось лечь. Открылась дверь, и вошла доктор Фролова.

– Люция, – склонилась она надо мной. – Твое имя – это все, что ты пока помнишь?

– Да.

– Не волнуйся по этому поводу. Память к тебе вернется. А мы по общекомпьютерной земной базе будем искать твоих родственников.

– На какой я планете нахожусь?
– Земля, Солнечная система, галактика Млечный Путь. Ты подтруниваешь, Люция? Хочешь сказать, что не с этой планеты?
– Да!
– Но тогда как ты попала сюда?
– Это перемещение. Меня кто-то переместил, и я не знаю зачем.
– Люция, боюсь, ты немного не в себе. Сейчас тебе сделают еще один укол, ты согласишься, а потом поговоришь с психологом.
– Хорошо.

Я закуталась в одеяло и провалилась в сон.

Во сне мне виделась одуванчики, каждый размером с хорошего быка. Они божественно пахли, я гуляла среди этого одуванчикового леса и наслаждалась красотой и негой. И вдруг я увидела Маттео, потому что любимых узнаешь всегда, как бы они ни выглядели. И гигантский таракан, выползший передо мной на дорожку, был не кем иным, как Маттео.

– Здравствуй, Маттео, – сказала я. – Я все равно тебя люблю, даже такого!

– Это она сделала со мной!
– Кто?
– Злая сущность. Хелена. Она просто хотела отомстить тебе. Тебе надо вернуться!

– Но как?
– Там у вас есть девушка, которая рисует мелками. Попроси ее нарисовать для тебя белую дверь.

– Хорошо.
– А теперь спи.
– Но я и так сплю.
– Это не совсем сон...
– Понимаю.

Одуванчики растаяли.

Проснувшись на следующее утро, я еще до того, как нам стали делать уколы, сунулась в палату Смерти.

– Послушай!
– Ну.
– Я тебя никогда ни о чем не просила, но мне очень нужно, чтобы ты нарисовала мне белую дверь.

– Все просят нарисовать белую дверь, а ты возьми и купи слона, – ляпнула она, но глаза были острыми, все понимающими.

– Уходишь к себе?

- Да.
- Возьми меня с собой. Это условие.
- Хорошо.
- Кстати, меня зовут Людмила.
- Это то же, что и Люция.
- Так что мы тезки. А теперь надо спешить.

Людмила открыла новую коробку с мелками и на свободной стене принялась рисовать. И линии, которые она проводила, все больше и больше наливались светом. Когда она закончила, дверь сияла, как солнечный зайчик.

- Вперед, – воскликнула Людмила, и мы распахнули дверь...

Пространство шло сквозь нас словно воздушные стрелы, но мне было не страшно. У меня была тезка, а еще я знала, что куда бы ни шла, я найду свою Оливию.

- Память моя была остра как никогда.
- Путь наш окончился на голубятне. Пустой.

- Где мы? – спросила Людмила.
- Тезка, разберемся по дороге. Вот кого бы я сейчас хотела встретить, так это мессера Софуса!

- Дорогуша, я не очень люблю голубятни, да еще вас никто не ждет, так что приглашаю в мой дворец.

- Какого черта лысого вы умеете так вовремя появляться, мессер Софус?

- Люция, я отрежу твой ругаческий язык и вставлю пластиковый. У нас мало времени. Система охраны планеты уже зафиксировала вторжение.

- А...

- Люция, вы в моих лапах. Вперед!

Я люблю оказываться в лапах мессера. Обязательно потом будет жареная индейка и винишко.

Мы стояли в зале цвета бордо. Позолоченная мебель, роскошные портьеры при полном отсутствии окон.

- Мессер, это ваше жилище?

- Много чести, Люция. Это гостевой переходник. А теперь давайте с вами разбираться.

- Прежде всего он протянул лапку Людмиле:

- Вы великая художница в будущем, я его видел. Но заранее ничего не буду говорить.

- А я? – спросила я. – Кто я? У меня никогда не было родного дома, если только на планете Нимб. Но его я не помню. Куда мне теперь

деваться?

Мессер Софус расхохотался:

– Передо мной сидят две будущие звезды и распускают нюни!

– Какие же мы звезды?

– Сверхновые! Да, предвижу ваше удивление, но должен раскрыть секрет: вы не всегда были людьми. Вы были звездами. Потом вы погасли, но то, как вы вели себя в людском обличье, снова наполнило вас светом. Возьмите друг друга за руки. Я покажу вам, кто вы...

Мы повиновались.

И это была такая вспышка!

Мы сияли, как два алмаза на бархатной ткани! Свет от нас был так силен, что шел по Вселенной долгие миллиарды световых лет. Мало того. Этот свет исцелял Вселенную, уничтожал черные дыры, обитателям разных миров нес радость и благополучие.

– О-ох! – выдохнули мы, когда мессер Софус вернул нас в нормальное состояние. – Даже не верится.

– Поверится, – прозвучал веселый женский голос, и я увидела Бабульку. Она же цыганка Глоссария!

– Бабулька! – бросилась я в ее объятия. – Как я рада вас видеть! Где вы были все это время, я уже даже перестала верить в ваше многоликое существование!

– Теперь ты можешь звать меня Глоссарией, хранительницей пяти кинжалов. Кстати, вынуждена попросить у тебя свой подарок обратно. Я поняла, что ты, в случае чего, справишься и без кинжала.

Я с почтением вернула кинжал.

– Слушайте, это надо отметить! – сказал мессер Софус. – Раз здесь сама Глоссария...

Я похлопала в ладоши.

– Да, мэм? – немедля раздался невидимый голос.

– Мы почетные гости мессера и очень голодны.

– Одну секунду.

И богатейший стол был сервирован. И три больших серебряных кувшина с вином были совсем нелишними.

– Ну, девочки, – поднял мессер Софус бокал. – За нас!

Люда закашлялась:

– Я впервые пью вино.

– Ничего, я тебя научу, – порадовала я девочку. – А пока ты Расскажи про себя. И ешь вон тот салат. Он вкусный.

Мы приналегли на закуски. Мы бабахнули столько энергии в космос!

Надо было наверстать упущенное.

В плане выпивки я донаверстывалась так, что мессер Софус стал двоиться.

– Так-так, – горестно вздохнул он. – Две сверхновые звезды упились в хлам. Теперь в вашей Галактике об этом пойдут сплетни.

– Как это?

– Звездочки мои, вы думаете, что все остальные – это метан, гелий, водород, пыль и лед? Они такие же разумные существа, пусть, может, и не люди. Все мы или звезды, или звездная пыль. Люци, а ты сверхмощная.

– И что это значит?

– Могла бы что-нибудь приятное сделать для наставника и друга.

– Коньяк три звездочки вас устроит? И лекция «Есть ли жизнь на Марсе»?

– Это-то ты откуда взяла?

– Только что подружилась с одной планетой в далекой галактике. Зовут Земля. Обитаема. Очень жалуется, что живет на ней много дураков. А давайте поможем термальной плазмой?

– Уймись. Коньяка достаточно.

Я повертела руками и создала бутылку «Старого Кенигсберга» (даже не знаю, что это за место). На серебряном подносе вместе с бокалом и нарезанным лимоном подала учителю.

– Сначала – за Все Сущее, – строго сказал мессир.

Он осушил бокал, погрыз лимончик, пробормотал: «Ох, портянки» – и закрыл глазки, наслаждаясь моментом.

– Неплохо, – оценил он. – Научишься и «Камю» делать со временем. Это ты просто необразованная. А теперь к делу, девочки. Помнишь поэтический фестиваль, Люция?

– Да.

– На него под видом тебя проникла Хелена со своим братом. Брата она обратила в Маттео, а твоего возлюбленного – в таракана.

И вот Хелена под видом Люции Монтессори проникает на фестиваль и устраивает настоящую бойню. И никто ничего не может понять. Имя Люции становится проклятьем. Хелена уничтожила потрясающих поэтов.

– Но может быть, у них есть двойники...

– Она же черная дыра и втянула в себя всех. И схлопнулась. Планета при этом просто исчезла, я успел спасти только людей, Кастелло ди ла Перла и всех, кто в нем, да короля с его золотом. Погрузил его в сон – пусть спит и думает, что жизнь прекрасна.

– Но где сейчас Кастелло?

Мессер Софус подошел к резному шкапу, открыл и достал сверкающий, переливающийся шар:

– Вот он. И его жители. Они тоже спят. Когда мы найдем или создадим подходящую планету, мы просто откроем шар и всех разбудим. Возродим Старую Литанию. Только инсектоидов теперь не будет – их проблема решилась сама собой, пока Планета взрывалась тысячью нейтронных взрывов.

– А Оливия?

– Она попыталась сразиться с Хеленой, но была побеждена. Хелена не стала ее убивать. Она сделала куда хуже: сознание Оливии изменено в негативную, разрушительную сторону. Оливия теперь – королева планеты Нимб. Твоей родной планеты, Люци. Она, так сказать, играет теперь за другую сторону.

– Я должна спасти ее, вернуть, сделать прежней.

– Как?

– Я сверхновая звезда, и у меня хватит света...

– Черная дыра тем и славится, что поглощает свет и не выпускает его обратно.

– Но увидеть-то я ее могу?

– Полагаю, что да. Для этого я напишу прошение о высочайшем приеме, отправлю его по почтовым струнам и буду ждать ответа. Девочки, без меня вы не пойдете.

– Хорошо. Но почему Оливия так изменилась?

– Хороший вопрос «почему?», – горько улыбнулся мессер Софус.

Глава тринадцатая

Высочайший прием

По локальному времени прошло не меньше трех недель, как от дворцовой службы ее величества королевы Оливии пришло разрешение посетить ее.

– Будьте очень осторожны, девочки, – не унимался мессер Софус. – Скромность, скромность и скромность. Она, конечно, что-то почует, но если вы будете больше думать о себе, как о людях, а не звездах, все пройдет спокойно. Черт ее знает, на что она будет способна, узнав о двух сверхновых звездах.

Мессер Софус проложил путь по вектору, и мы оказались на моей родной планете. Я и не помнила, какая она. Она была вся красная – небо, песок, вода. Но воздухом можно было дышать, а воду пить. Всюду были заросли удивительных растений, среди которых мелькали такие животные и птицы, что и представить трудно.

Мы остановились на единственном белом пятнышке среди этой красноты.

– Приемная точка. Должен прийти транспорт, чтобы перевезти нас во дворец.

Транспорт – красная ракета-сигара – не заставил себя ждать.

Мы сели.

До дворца мы домчались вмиг. Он был таким гигантским, что напоминал не дворец, а горную гряду.

Сигара зависла у первого поста охраны:

– Гости к ее величеству.

– Выйти всем. – Дверь отодвинулась.

– Нас обыщут четырнадцать раз, – сказал мессер Софус, – пока мы войдем в тронный зал.

– Мы бережем и любим свою королеву, – хором сказали охранники.

Чувствуется.

Последний обыск в дверях тронного зала – и вот мы снова в образце гигантомании новой Оливии. Зал такой, что чувствуешь себя вошью на зеркале. Кстати да, все вокруг зеркальное. Трон высоко, и ведут к нему ступени, покрытые острыми иглами. И на троне...

Оливия, это ты?

Моя Оливия? Моя сестра на крови?!

Она стала в три раза выше. Платиновые латы оковывали ее всю. Начиная от колен спускалась юбкой длинная золотая кольчуга. За спиной Оливии были крылья – тоже золотые! И только одно – бритая голова – осталось прежним.

Все мы преклонили колени.

– Софус, приятно тебя видеть, – голос Оливии был громовым. – Но что это за блохи с тобой?

– Позвольте мне представить их, ваше величество.

– Ну-ну.

– Это Люция Веронезе, ваше величество. Когда-то вы изволили...

– Достаточно, я помню, кто такая Люция. Вечно любила выпендриться. А у меня с такими разговор короткий. Чего ты хочешь, Люция? Я исполню это в знак прошлой дружбы.

И я вспомнила предсказание.

– Позвольте мне мыть ваши туфли, королева.

– Ха-ха-ха! У меня нет туфель. Я ношу латы. Но если вдруг туфли появятся, я предоставлю тебе такую возможность. А это кто?

– Моя сестра во вселенной, ваше величество, Людмила.

– Значит, тебе не будет скучно. А теперь подите прочь. У меня сеанс живописи.

Мы смылись так быстро, как только могли, и дух перевели только в зале мессера Софуса.

– Ну что? – спросил меня он.

– Я в ужасе. Как такое произошло?

– Это все Хелена и ее брат псевдо-Маттео. Если бы найти его и прикончить, все вернулось бы на круги своя. Но он же не человек, он комета.

– Ничего, – сказала я, – я справлюсь. Я найду эту тварь.

Мы вернулись в багровый зал мессера Софуса, и он сказал:

– Люция, если ты действительно хочешь победить брата Хелены, то его надо бить его же оружием.

– Каким?

– Он поэт.

– Ох-х-х. Из меня поэт, как из...

– Ничего. Мы тебе поможем.

– А пока ты будешь сочинять, я научу вас, девочки, искусству плетения и расплетения струн Всего Сущего. Всякая звезда, а уж тем более сверхновая, должна это знать.

Да, такая наука – это вам не кружевоплетение! В космосе мы потратили не одну пару световых лет, а локально – целый год, чтобы освоить этот талант. Но зато мессер Софус был доволен и знал теперь, что в космосе мы не новички.

– Вот теперь, – сказал он мне, ты можешь вызывать на поединок своего врага.

– Я не сочинила стихотворения...

– И это говорит вдова великого поэта! Экспромт, Люци, – это лучший удар в поединке.

– Так как мне его вызвать?

– Так и скажи: «Ты, принявший чужой облик, я вызываю тебя на поединок».

И я сказала.

Вокруг был свет, и я не сразу поняла, что этот свет излучаю я. А напротив была клубящаяся, искрящаяся тьма – замершая в изумлении комета.

– Люция? – удивился губитель моего возлюбленного. – А ты сияешь. Я-то уж думал, что ты так и сгинула в той дыре, в которую тебя сунула Хелена.

– Хелены больше нет.

– Ни о ком и ни о чем нельзя сказать, что его больше нет. Смотри, Хелена, сестра моя, кто пришел!

Словно бездонная глотка раскрылась передо мной. Но потом она решила скокетничать и принять человеческий облик. Красавица с бархатистой кожей, сияющие волосы едва удерживаются великолепной короной. Черное платье из кружев и драгоценных камней – просто не враг, а совершенство!

– Хорошо выглядишь, Хелена.

– Это благодаря твоей Планете. Жалко только, что люди спаслись. Человеческая кровь придает такой румянец коже...

– Ты подлая тварь, Хелена, и я с удовольствием уничтожу тебя и твоего братца.

– Не получится. Ничто не уничтожимо. А мы – ничто, ничто из того сущего, что тебе доступно. Это мы сейчас просто красуемся. А можем и ударить. Вот так.

Я закричала. Она опять жгла меня, жгла невещественным пламенем душевной боли, стыда, отчаяния – за Маттео, за Оливию, и я потускнела, как уголек.

– Ну вот. Уже ведь не так сияется?

- Хелена, что сделало тебя такой?!
 - О, тебе интересна моя биография? Меня такой сделало то, что вы, люди, называете любовью. Я полюбила и была отвергнута.
 - Знаешь, сотни людей страдают от несчастной любви, и никто из-за этого не убивает целые миры.
 - Кому какая судьба. Полно болтать. Сразись с моим братом. А потом, если сможешь, со мной.
- И я увидела спортивный зал, зрителей, фехтовальную дорожку и противника напротив меня: белый костюм, маска. Мои пальцы сжали рукоять рапиры. И бой начался. Только здесь уколы были настоящими.
- Он был хорошим бойцом. Трибуны ликовали. Но я тоже не сдавалась. С самого начала я старалась уйти в глухую защиту, чтобы сберечь силы, но вот я почувствовала, что он выдохся, и стала наступать. Укол, укол, еще укол. Псевдо-Маттео зашатался и вдруг упал на одно колено:
- Пощады!
 - Брат, стыдись! Она же насекомое!
 - Нет, я больше не могу, я устал. Деритесь все сами.
- Он бросил рапиру. Я удивленно крутнулась, открывая спину, и тут же его рапира вошла мне под левую лопатку.
- Я упала:
- Не перевоспитать вас.
 - Это точно. Послушай, ты был поэтом, и когда-то ты спел песню, сломавшую всю мою жизнь...
 - Ты не поэт.
 - Откуда тебе знать: Слушай и учись, мальчишка!

Время.

Ты думаешь, это все, что тебе нужно.

Ты считаешь, что можешь управлять им.

Ты веришь, что это лишь песок на твоей ладони.

Но время – лишь к одним судья без пощады.

Лишь одних оно делает злыми,

Лишь их лишает духа и сердца.

Есть время для любящих и любимых.

Есть время для творцов и творений.

Есть время для смерти и воскресения.

Ты скажешь: все это было.

Я скажу тебе: не с тобою.

Ты нес в себе черное пламя,

Черное пламя разрушенья и смерти.
И оно пожрало тебя, превратив в пыль и сажу.
Но еще я скажу тебе, милый:
Если ты захочешь вернуться,
Если ты откроешься свету,
Если вспомнишь, что у тебя есть сердце,
Я сделаю тебя светлее всех светлых.
Ты станешь утренней звездой,
Благословляющей уходящих и приходящих...
Самою яркою звездой
Самого чистого неба.

Я замолчала и увидела, как бушующий вихрь тает.
– Нет мне прощенья... Прощай и свети, звезда Люция.
И его не стало.

Не в окончательном смысле, ведь ни один атом не пропадает. Он стал частью меня, крохотным темным пятнышком. Что ж, говорят, на солнце должны быть пятна.

– Ты забрала у меня брата! – крикнула Хелена. – Нет тебе пощады!

Она набросилась на меня со всей силой своей концентрированной ненависти, она рвала и метала. И она теряла всю свою звездную силу в этой космической битве, и наступил миг, когда мы стояли друг против друга, как две обычные девчонки – Люция с разбитыми коленками и Хелена с синяком под глазом.

Хелена зарыдала, а я очень равнодушно отношусь к слезам.

– Ну что ты, – сказала я. – Давай помиримся. Что нам делить? Поэтов только жалко.

– Ты вправду предлагаешь мне мир?

– Да.

– Несмотря на то, что было?

– А что было? Пустота и суэта. Оливию я спасу. И будем жить, как звезды, и светить, как люди.

Я повернулась и пошла. Там, где я шла, появлялись трава и одуванчики. Через долгое-долгое мгновение Хелена взяла меня за руку. И вместе с одуванчиками стала расти медуница.

Когда мы пришли в багровый зал, мессер Софус молча подошел ко мне и протянул бокал вина.

– Ну вот, девочка, – сказал он. – А теперь пора творить.

– Что?

– Планету. Старой Литании где-то надо жить.

Глава четырнадцатая

Мессер Софус творит мир

– Галактика, в которой вы, девочки, являетесь солнцами, очень благоприятна для всяческой жизни. И вас я расположил под хорошими осями. Так что сейчас я займусь планетой, а вы смотрите и учитесь.

– Как займетесь?

– А вот так. Возьму у каждой из вас по волоску – Люция, ты ведь обросла, как боцман! И эти три волоска – Люции, Хелены и Людмилы – станут основной материальной базой нашей планеты. Но, конечно, сначала нужно сотворить время.

– Как?

– Как и всякое локальное время для всякой планеты. Возьмем за основу то, что было на погибшей Планете. Вот и система координат. Ну, пора!

И мы были свидетельницами того, как из наших вспыхнувших волосков постепенно сформировалось ядро планеты. Там, в ее измерении, проходили миллионы лет, а мессер Софус, напевая себе потихоньку, уже творил кору раскаленного шара.

– Ну вот, – удовлетворенно проворчал он, – а теперь ты у меня будешь остывать.

Потер руки – и бездны воды низринулись на сотворенную планету. Мгновенно становясь паром, они окутывали ее, становились тучами и снова изливались на планету. Даже по нашему времени это длилось сутки, так что мессер Софус предложил нам роскошный обед и книги из своей библиотеки. Наконец планета должным образом остыла, мессер Софус – своя рука владыка – устроил ей вообще ледниковый период, чтоб на полюсах появились ледники, потом отогрел, и мы увидели, как в океанах и морях начинают кишеть клеточки – это зарождалась жизнь. Я как раз смотрела книгу о древнейших ископаемых рептилиях и земноводных и предложила мессеру Софусу населить мир драконами, диплодоками, ящерами, птеродактилями и мелкими насекомыми (чтоб не повторять ошибки с инсектоидами).

– Только пусть они будут добрые, веселые и едят траву и плоды!

– Легко, – сказал мессер Софус.

Ну и еще сутки мы пиршествовали, наблюдая за эволюцией животного

мира.

– А люди?

– Из Кастелло ди ла Перла. Пора открыть эту жемчужину!

И мессер Софус сделал это. И на новой земле возник огромный замок – как горная гряда без края и конца, прозрачная, как самый чистый хрусталь. И мы увидели, что в этой хрустальной гробнице рядами, несчетными рядами спят люди – люди погибшей Планеты.

– Мессер Софус, а они будут добрыми? светлыми? честными?

– А вы на них *так* светите, девочки. Теперь пора в космос.

Там, почти посреди галактики, мы увидели, какая огромная эта планета, какая прекрасная.

– Планета Нуова, – торжественно сказал мессер Софус. – нарекаю тебя.

И мы почувствовали ее – живой организм. Хрустальные горы растаяли, и спящие люди лежали на траве, а меж них аккуратно передвигались бронтозавры.

– Поцелуйте каждого светом своим, пробудите каждого светом своим, – сказал мессер Софус. – И не забывайте – все зависит от вашего добра и света.

И всю любовь, нежность, кротость и чистоту, что были в наших сердцах, мы вложили в этих людей. И не удивились, что они, пробуждаясь, обретают крылья и поют так, как никто никогда не пел.

– Вот такими они мне нравятся, – улыбнулся мессер Софус. – Неплохо работаете.

А я вошла в старый, полуразвалившийся каменный Кастелло, знавший столько боли, лжи, слез.

– Быть тебе колодцем целебной воды, – тихо сказала я.

И услышала крик:

– Люция!

Я обернулась, немедленно обращаясь в человеческий облик. Ко мне бежали Сюзанна, Фигаро, Полетта, да все-все жители Кастелло. Даже брат Юлиус изменился – он был светел и чист, он сиял и летел, широко размахивая перистыми крыльями.

– Ну-ну, курятник, – рыдая, заговорила я. – Все живы?

– Да!

– Люция, ты стала солнцем!

– Но это не значит, что я не стану жить с вами и есть оливье.

– Ты знаешь, Оливия... Маттео...

– Я должна увидеть Маттео.

Все расступились перед огромным тараканом, медленно подползшим ко мне.

– Я все равно люблю тебя, Маттео. И даже если мне не удастся вернуть тебе прежний облик, я буду кормить тебя яблоками и целовать на ночь. Вот так.

И я поцеловала его в бугорок над надкрыльями.

Взрыв отбросил меня и всех на несколько метров. А в эпицентре стоял Маттео, и он был так красив, что у меня сердце закололо.

– Люция, – закричал он. – Я люблю тебя!

Мы стиснули друг друга в объятьях, рыдая, как герои романтических историй. Мы целовались и не могли нацеловаться.

– Подожди, любимый. Мы сможем навсегда быть вместе, только когда я перемою все туфли Оливии. И нам еще надо разобраться с ее королевским статусом... Я все исправлю.

– Ну вот, – улыбнулся мессер Софус. – А сейчас знакомьтесь с вашей новой землей – это планета Нуова, и на ней нет ни капли зла. Ой, ваше величество!

– Ура! – вопил престарелый король. – Наконец-то я умер, и мне больше не нужны корона и золото. Здесь драконы, ящеры! Лучший мир!!!

– Мой король, – засмеялась я. – Вы как раз воскресли для этого лучшего мира. Выбирайте любого ящера – он станет вам верным другом!

Король обнял первого же диплодока, и вместе они умчались срывать с деревьев плоды всем на ужин.

Ведь был вечер.

А потом утро.

День один на планете Нуова.

Оливье без мяса, конечно, был не тот, но папайя все исправила.

– А где наш старый замок, дочка?

– Вот, я превратила его в колодец с целебной водой.

– А не могла бы ты ненадолго сделать его таким, как он был?

– Конечно.

– Я заберу оттуда свои рукоделья. Не на ящерах же мне кататься. Ткацкие станки, посуду, гобелены, все пригодится.

– И верно! – воскликнула я.

Я перестроила структуру колодца, и перед нами стоял печальный, заброшенный Кастелло. Немедленно все бывшие слуги спохватились и стали вытаскивать все подряд: ткани, посуду, мебель, инструменты, белье, одежду. А что, еще кучу веков изобретать шкаф и вилки?

А я вошла в комнату Оливии. Здесь был идеальный порядок, видимо, с

тех пор, как Оливия стала королевой планеты Нимб. Но я знала, что мне нужно – под кроватью Оливия хранила огромную коробку со своей обувью, которая была у нее даже со времен инвалидности. Я взяла эту коробку и вышла на белый свет.

Все уже ждали меня.

– Донна Люция!

– Да, мои хорошие.

– Пожалуйста, не превращайте замок ни во что. Пусть он так и останется. На память. Мы его подреставрируем, подштукатурим, будет розой сиять.

– Конечно. Кстати, о строительстве. Именно те деревья созданы как прекрасный строительный материал. Тираннозавры с удовольствием помогут вам рыть котлован под фундамент. Здесь есть реки с отличным строительным песком и щебнем. Ну а кровля...

– Да у нас на нее куча золота!

– Так что скучать не придется!

– Э-ге-гей! – это летела на своих крыльях Полетта. – Доброе утро, планета.

И впрямь вставало солнце Людмила. А мне пора было на закат.

Интерлюдия

Ни одно приличное солнце не бездельничает никогда. Я это сразу поняла, как солнцем стала. Я для начала устроила себе простенькую хижину, рядом расколупала озерцо и поставила на бережок коробку с туфлями Оливии. Я помнила пророчество. Когда я перемою все ее туфли, она вернется ко мне. Снова. Неразлучной и драгоценной подругой.

И я взялась за дело. Я и раньше не раз мыла туфли Оливии, так что процесс пошел споро.

А пока я мыла туфли, в голове начали складываться строчки:

Мои милые девочки-мальчики,
Вы не бойтесь жестоких дорог.
Сколько будет весной одуванчиков,
Столько счастья пожалует Бог.
Жизни как будто бы мелом начерчены
На космической звездной доске,
И от утра до самого вечера
Поют птицы о каждом листке.
Я стою возле мира открытого,
Но еще не решаюсь войти,
Все распаханное и разрытое
В свое время должно прорасти.
И грядущее снова заманчиво,
И такая кругом благодать...
Все я рифму ищу к одуванчикам
И никак не могу отыскать.

– Кабанчик, – услышала я голос, драгоценнее которого не было на свете. – Одуванчик-кабанчик. Все перемыла?

– Все, раз ты тут.

Оливия стояла такая, как всегда, безо всякой позолоты и лат, без гигантского роста. Типа, я тут поглядеть зашла. А в глазах – нет, я не хочу, чтобы моя Оливия плакала!

– И думать не смей реветь! – рывкнула я. – У нас тут вечный праздник!

– Не гожусь я для праздников, – Оливия отступила на шаг, и я поняла,

что надо спасать положение – у горла она держала свой стилет.

– Брось его и иди ко мне.

– Нет. Я тебя недостойна.

– Ну тогда я приду к тебе.

И всем светом любви, что был во мне, я опалила ее, сожгла гордыню и неуверенность, сожгла злобу и отчаяние. Поцеловала ее в лоб, и там открылся третий глаз, сияющий как сапфир.

– О, вот этого я не ожидала, – приходя в себя, сказала я. – Третий глаз я не планировала.

– А что ты планировала?

– Очистить тебя от глупостей, оставив твоё прекрасное ехидство. Иначе будет всё слишком правильно.

– А крылья у меня есть?

– Смотри сама.

– Рыжие? Ах ты змея молочная! Почему у всех белые, а у меня рыжие?

– Потому что ты не человек. Как и я.

– А кто же я?

– Ты спутник. Спутник планеты Нуова. Я тебе потом объясню, что и как делать. А вообще мы за всё должны быть благодарны мессеру Софусу.

– О, я уж думал, обо мне и не вспомнят.

– Что вы, господин наш, мы ведь теперь поняли, кто вы.

– А кто я? – спросила Глоссария.

– Честно, не поняли.

– Ну, об этом будет наша следующая история, девочки.

– Первая история была большая и смешная, эта – маленькая и непонятная, какая же будет третья?

– Всё зависит от вас и только от вас...

И они ушли, напевая:

Надежда никогда не утонет,
Каким бы ни было горе.
Бог покачивает на ладони
Голубую жемчужину моря.

А в раю нежно пахнет лимоном
И лилиями Пресвятой Девы.
Нас, песчинок таких, миллионы,
И у каждой своё великое дело.

И каждую Бог услышит и заметит,
Потому что невозможно иначе.
В каждой галактике солнца светят —
Может быть, это к твоей удаче.

Бог подбрасывает на ладони звезды,
И миры взлетают, как водяные брызги,
Как святая роса и сладкие слезы...
И розами пахнет начало жизни.

Глава пятнадцатая

Особо романтическим особам посвящается

Меня вот уже вторую неделю грызла совесть. Даже светимость из-за этого понизилась. А дело было в моей родине – планете Нимб. И моей родной сестре – Ай-Серез. Мы внезапно встретились и внезапно разминулись, еще когда я была компаньонкой Оливии, но теперь ничто не мешало мне отправиться на родину и встретиться с сестрой, помочь ей, если она нуждается в помощи. Это было обыкновенное малодушие, которое недостойно звезды. И первым это малодушие заметил Люций:

– Люция, ты в последнее время сама не своя. Словно сделала какую-то пакость.

– Так и есть, милый мой Мальчик с Собакой. У меня есть родная планета. А на ней – родная сестра. Но я почему-то боюсь туда отправиться.

– Трусость – это ничего. Я отправлюсь с тобой. И Собака. Ты знаешь, мы легко умеем перемещаться.

Да уж, по струнам Вселенной эта парочка моталась, просто как маятники на часах, и открывала все новые миры и новых друзей.

Сказано – сделано. Я собрала походное снаряжение (аптечка, меч, лазерные веера и защитный костюм), а Люций взял футбольный мяч – погонять его с Собакой.

Перед уходом я со всеми попрощалась, надеясь на скорую встречу. Маттео при этом железным тоном сказал мне:

– Обратно ты должна вернуться вместе с сестрой.

– Это еще почему?

– Пока не скажу. Но...

– Ладно, милый.

Переместились мы мгновенно. Люций одной рукой держал Собаку, а другой кинул мяч в пространство, и за этим мячом нас на Нимб и утянуло.

Нимб – планета всего красного, и я, отвыкшая от подобного изобилия пурпура и киновари, передернулась, когда Люций попробовал здешнюю красную воду:

– Вода чистая, воздух чистый. Планета не отравлена. Но из живых существ на ней присутствуют только трое. Я их ощущаю, их биотоки.

– Как трое? Кто они? Как нам попасть к ним?

– Сейчас я проложу маршрут.

И через некоторое время мы оказались в нужной точке. В скале были вырублены три пещеры, перед скалой располагалось озеро и что-то вроде площадки для сборов, подготовки и так далее. Все три пещеры были занавешены плетенками из красного тростника.

– Тук-тук-тук! – прокричала я. – Есть тут кто живой?

На самом деле меня одновременно мучили страх и стыд. Страх – что сестра мертва, и стыд – что так долго не вспоминала о ней.

Залаяла Собака, и из средней пещеры вышла очаровательная девушка в минимуме одежды.

– Ай-Серез! – вскричала я, пораженная ее красотой. – Ты ли это?

Даже зависть царапнула сердце – я не была такой красивой.

– Ай-Кеаль, сестра моя звездная, – вскричала Ай-Серез. – Какой хвост кометы принес тебя к порогу моего жилища?

Мы обнялись.

– Ньянга ты все-таки, – с укором сказала мне сестра. – Столько времени не виделась!

Ньянга – неприличное слово. Переводить не стану.

– Впрочем, я и сама хороша, – вздохнула Ай-Серез. – Увлеклась Себастьяно и вместе с ним устроила романтический вояж.

– Себастьяно? Себастьяно Монтанья? Наш оболтус и пьяница Себастьяно?! Неужели он еще жив?

– Жив и проел мне всю печень. Себастьяно, выходи, посмотри, какие к нам прибыли гости!

– Вечно мне выспаться не дают, – послышался голосок давнего приятеля. Голосок был хриплый, вялый. – И что я забыл на этой планете?

Себастьяно, почесывая голое пузо, вышел из другой пещеры и уставился на меня.

– Чтоб меня красные муравьи сожрали, если это не Люция Веронезе с какими-то щенками.

– Но-но, – сказала строго я. – Люций – не щенок, а проводник меж мирами.

– Ой, тогда пусть он меня куда-нибудь отсюда заберет, в какой-нибудь тихий мирок, где можно нормально отоспаться. И куда эта баба не долезет.

– Баба?! – взвилась моя сестра. – А раньше была лучистая звезда на фоне сердца!

– Ты и сейчас лучистая, – огрызнулся Себастьяно. – Но очень стервозная.

– Ты же хотел на мне жениться?

– Это был поэтический порыв. Я же не знал, что ты все так всерьез

воспримешь. Ну вот зачем тебя я? Ну вот какой из меня муж?

– Обещал – исполняй! – твердо сказала Ай-Серез.

– Сестричка, – улыбнулась я. – Да отпусти ты его. Я предлагаю тебе отправиться вместе со мной на прекрасную молодую планету Нуова. Там восхитительно, а уж жениха найдешь самого наилучшего! Кстати, а кто у тебя в третьей пещерке?

– Жрец, – доложила Ай-Серез. – Чтобы соединить нас узами любви и верности.

– Уже пора? – промямлило из пещеры некое существо.

– Да, – решительно заявила я. – Люций, перемещай нас всех на Нуову.

– Эх, даже в футбол не успел поиграть, – вздохнул Люций.

...И вот мы снова на Нуове, где начался сезон цветения алой магнолии и круглогодичных одуванчиков.

– Смотри, сестра, – показала я ей всю эту красоту. – Разве не чудо?

– А кто правитель вашего города?

– Глоссария. Идем, я познакомлю всех вас с ней.

Глоссария как раз копалась на своей банановой плантации, когда мы подошли.

– Кого я вижу! – воскликнула она. – У Люции проснулась совесть, и она вспомнила о родной сестре и ее поклоннике. Но не суть. Трамба-дамба, великий жрец Окойи, вспомнил ли ты меня?

Старичок пошел пятнами, как хамелеон.

– Глоссария! Вечная звезда моих мыслей и огонь моих чресел. Ты еще жива и по-прежнему прекрасна! О, дай обнять...

– Это попозже.

Глоссария вышла из бананника и молвила:

– Извольте все пожаловать в мой дом.

– Я не пойду, – сказал Люций. – У вас там дела взрослые, а я хочу играть с Собакой.

И умчался.

Ну а мы пожаловали.

Дом у Глоссарии выстроен был добротнo и изящно. Мы сели на веранде в плетеные кресла, служанка Глоссарии принесла напитки и сладости, и начался такой разговор:

– Трамба, а ты помнишь, как мы добились квантовой теорией того черного мага из плоскости У? Ты тогда светился!

– Глоссария, а помнишь студентов курса нейролингвистики, который ты вела в галактике Трент? Они же волочились за тобой, как блохи за собакой, извиняюсь.

– Да, хорошо вспомнить старину. Но сейчас-то ты что приперся, старый распутник? У нас невинная планета, где все – свет и любовь...

– Я не себя ради, Глоссария. Вот эта девица хочет оженить на себе этого парня, а я должен совершить обряд.

Глоссария подняла бровь:

– Ай-Серез, – сказала она моей сестре, – не думала, что ты у нас такая неразборчивая.

– Он мне обещал!

– Вот этот старый хрыч обещал мне куда больше, поверь. Нет, я не благословляю вас на брак. Пока. Поживите здесь три месяца, осмотритесь, освойтесь в новых жилищах, найдите себе работу, друзей, и если после этого вы снова потребуете брака, мы подчинимся.

– Идем, – сказала я сестре. – Не ко времени, конечно, но я познакомлю тебя со своим... другом.

– Чего уж там, так и скажи, что женихом.

– Да, но мы не спешим. Очень много дел по освоению планеты. Вот давайте вместе через три месяца и поженимся, если еще будем этого хотеть.

Маттео я обнаружила на верфи, где он вместе с другими мужчинами крепил шпангоуты первого корабля Нуовы.

– Ты не одна, милая? – улыбнулся он. – Как я понимаю, это твоя сестра.

– Ай-Серез, – поклонилась сестра.

– Я – Маттео, и когда ловлю на себе взгляд вот этой девушки, то бываю счастлив весь день.

– Эй, Маттео! – послышался крик. – С кем это ты там прохлаждаешься?

К нам спешил высокий, статный юноша с волосами, в которых запутались стружки. Он был красив так, что хотелось вздохнуть, а моя сестра так и впилась в него взглядом.

– Знакомься, Рутбис, это сестра моей подруги. Ее зовут Ай-Серез.

– Очень польщен знакомством. – Да парень так и прилип взглядом к моей сестренке!

Мне тоже очень, очень приятно, – зарделась Ай-Серез. – Кстати, вы все можете называть меня Айви – для краткости.

Ах, кокетка!

– Мы строим первый парусник Нуовы, чтобы совершить кругосветное путешествие.

– Это замечательно, – улыбнулась моя сестра. – Но у вас в кудрях полно стружек. Позвольте я вытащу...

Рутбис позволил, а я поволокла своего Маттео прочь.

– Ты чего? – удивился он.

– Дай им пообщаться наедине. Разве ты не понимаешь, что тут дело сердечное?

– А-а, – Маттео покачал головой. – С этим кораблем все мозги вымело. Ты думаешь, они друг другу понравились?

– И думать нечего. Сегодня вечером на большой площади танцы. Наверняка оба будут там. Мы их увидим.

– Дорогая, я бы не хотел сегодня на танцы, вымотался...

Я сникла и вспомнила, что целовались мы два месяца назад. Ах! Ах!

– Ну ты отдыхай, – голосом голубки проворковала я. – А я пойду потанцую, поглазею на молодежь, посплетничаю... Ну все, пока.

Разворот и полный вперед! А он, по-моему, так и не понял, что я с ним впервые поссорилась!

Пентюх!

Сегодня от злости я светила ярче обычного.

Ну и куда мне было идти в столь расстроенных чувствах? Естественно, в библиотеку, где моя дорогая Оливия занималась разбором архива отца – все-таки великий поэт, что ни говори. И его стихи не виноваты в его преступлениях.

– Оливия! – прямо с порога закричала я. – Он подлец!

И рухнула в кресло, не забывая истерически рыдать.

– А я тебе всегда это говорила, – задумчиво молвила Оливия. – Козел он и есть козел.

– Оливия, ты о ком?

– А ты о ком?

– Я о Маттео! Он с этим кораблестроением совсем забыл обо мне. Последний раз мы целовались два месяца назад. Да, я эти месяцы тоже была очень занята, но он ведь мужчина! И потом – мы официально так и не обручены. Кстати, здесь моя сестра и с ней Себастьяно Монтанья, которого она хотела женить на себе.

– А теперь не хочет?

– На горизонте замаячила новая любовь.

– Ну и хорошо, а то этот Себастьяно пьяница и бабник.

– Оливия!

– Ну чего тебе еще? Ну что ты меня отвлекаешь?

Поссориться еще и с подругой в один день – это дело лихое. Но я его устроила легко. Сказала Оливии нечто язвительное и вышла из библиотеки злая, гнездо шершней. Тут-то мне и подвернулся поворот в коридор винных

погребов. А нализаться банановой настойки было делом техники. Плюс коньячная заправка мессера Софуса. Вот в таком-то виде, вихляясь, как баркентина в шторм, я явилась на танцы. Я уже хотела было ринуться в бой, но тут меня цепко обхватила за корму госпожа Глоссария:

– Куда?! Бесстыдница, так нализаться! Ну-ка, идем ко мне.

Рука у Глоссарии – она же бабка Катарина, она же Бабулька железная.

Она привела меня к себе на веранду и сделала особый, отрезвляющий напиток. И пока я его не выпила и не стала нормально воспринимать реальность, она со мной не разговаривала.

– Ох, – наконец трезво сказала я. – Какой стыд!

– Именно. А теперь рассказывай.

– Маттео меня разлюбил.

– И с какого баньяна ты это взяла?

– Он не захотел сегодня со мной пойти на танцы. И мы не целовались два месяца, почти не виделись!

– Дорогуша, ты дура, если считаешь, что влюбленные только и делают, что сюсюкают, целуются и ходят рука об руку. Нет. Они пашут, или ткут, как ты, ткани, или куют железо. Потому что помимо любви со всеми ее прелестями есть еще и жизнь. Повседневная, где надо есть и мыть посуду, стирать белье и рожать детей.

– Ой, я все поняла, поняла... Бабулька, спасибо. Отдельно – за то, что вытрезвили. Надеюсь, Маттео не заметил моей выходки. И Оливия тоже.

– Она-то здесь при чем?

– Я ей пожаловалась, она не вняла.

– Думаю, что и не внемлет. А теперь иди и потанцуй. Не мешай моей личной жизни. У меня визит.

– Жрец?!

– А что такого?

– Но он же как сушеный опенок!

– Нахалка. У всех свой вкус. Я тоже не королева какая...

Я пошла на танцы и была потрясена. Среди зрителей мялся мой Маттео с букетиком моих любимых одуванчиков.

– Маттео! – пробилась я к нему. – Ты все-таки пришел!

– Конечно, я так соскучился по тебе.

И, осыпав меня одуванчиками, Маттео заключил меня в объятия.

Ох, как мы танцевали! Я подбавила звездной энергии своим ногам и кружила Маттео над землей, а потом мы вообще решили уединиться у меня в доме. Мы пили легкий травяной чай, кормили друг друга ягодами в сливках и вообще вели себя сладострастно.

– Ты ведь выйдешь за меня, Люция? – спросил Маттео, прижимая голову к моей груди.

– А ты не передумал?

– Нет, никогда. Я вижу тебя перед собой постоянно, и от этого мне легче работается. А еще замечательно, что вы с Оливией перестали брить головы. У тебя такие прекрасные волосы. Тиара с фатой будет на них смотреться просто великолепно.

– А у меня еще нет свадебного платья!

– Но милая, нам отпущено всего три месяца! Пора готовиться к свадьбе! У меня так давно готов парадный костюм. Меня снабдил им мессер Софус.

– Все, тогда я тоже что-нибудь придумаю.

– Не что-нибудь, а лучшее платье во Вселенной.

Лучшее платье во Вселенной! Легко сказать. Раздобудешь, а потом тебе кто-нибудь войну объявит из зависти.

С проблемой свадебного платья я обратилась к Хелене. Она так увлеклась шитьем и рукодельем в своей новой жизни, что уже половина населения нашей колонии ходила в ее роскошных нарядах.

– Хелена, – сказала я ей. – Мне нужно свадебное платье.

– Ну наконец-то, – прикусила нитку Хелена. – Вообще-то не тебе одной. Тут такой романчик намечается.

– Моя сестра и Рутбис?

– Вот-вот. И еще один сюрприз.

– Хелена, я могу на тебя положиться?

– Само собой. Кстати, зайди к кружевнице Хельте – она такие кружева плетет. Закажи у нее штуку валансьенских кружев – это будет на отделку платья.

Я все сделала как велено. И окунулась с головой в предсвадебные хлопоты, от которых просто разрывалась. Обед будет? Будет. Значит, надо меню. Какая карта вин? Где нас будут венчать? И главное – кого приглашать на свадьбу? Конечно, у меня нет врагов, но всю нашу колонию разве посадишь за стол?

Чтобы отдохнуть, я приходила к Оливии. Мы метали дротики в бочку, Оливия читала мне стихи своего отца, мы курили кальян, а однажды...

Оливия прочла мне свое стихотворение.

Повторяю.

Оливия.

Сочинила.

Стихотворение.

Девушка, презиравшая поэзию и поэтов!

Зачарованная росой
И в венке из пастушьей сумки,
Я на черной доске рисую
Бледно-розовые рисунки.
Ни к чему совершенство линий,
Здесь простая легкость важнее.
Вот звезда в сердцевине лилии,
Может быть, я сияю с нею.
Зачарованная росой,
Жизнь пройдет с золотой косою,
И распахнутые созвездья
Вновь сомкнутся легко и сонно.
Всем обещана здесь Тебе я.
И Тебя я благословляю.
И сомкнутся цветки кипрея,
И звезда взойдет золотая.

– Это потрясающе! – воскликнула я. – Но кому ты посвятила это стихотворение?

– Всему Сущему. В благодарность за то, что живу. Мой отец никогда никого не благодарил за свой талант. Да и взял он его силой. А ко мне – само пришло.

– Значит, ты настоящий поэт!

– Но это не значит, что я буду придумывать вам свадебную оду.

– Я не смею об этом думать. Оливия, это так утомительно – готовиться к свадьбе. Ты знаешь, какой длины плотники сделали стол? Ужас. А у главного повара такое лицо, словно я ему первый враг. Наверно, из-за количества салата оливье, которое ему придется приготовить.

Дни шли, валансьенские кружева пришивались к рукавам и подолу, ткалась легчайшая фата, из золота отлили свадебные короны и однажды утром я проснулась и поняла, что сегодня моя свадьба.

– Ой, – сказала я. – Вот до чего дожила.

Явились Хелена, Оливия и Людмила, принялись кричать, что я совсем не готова, и стали лепить из меня невесту. Они суетились, роняли какие-то шпильки и плечики, пластины для корсажа и флердоранж, но вдруг все стихло и меня подвели к большущему зеркалу:

– Смотри, какая ты у нас невеста!

Я смотрела во все глаза. В этом эфемерном создании, сплошь укутанном фатином и кружевами, я едва узнавала себя. Но это было ужасно красиво.

– Ой, девочки, – сказала я, начиная реветь, – ой, спасибо.

– Не смей реветь! – немедленно заорала Оливия, – Иначе мы все тоже, и у нас тушь потечет. Так. Что еще мы упустили? Букет невесты! Вот, держи.

Это был самый красивый букет, который я только видела за свою жизнь. На веточках из золотой проволоки крепились алмазы и сапфиры, сверкающие, как маленькие солнца.

Подруги, естественно, тоже переоделись в свои официальные наряды. И сияющим строем мы пошли к священной арке, где нас уже ждал жрец Окойи, чтоб благословить брак. Ну и конечно, там стоял Маттео, невероятно красивый в белоснежной пышной рубашке, узких бархатных брюках и алом шарфе.

Мы встали рядом.

– Возлюбленные мои! – басисто начал жрец Окойи. – Мы собрались здесь, чтобы выяснить, правда ли эти юноша и девушка настолько рехнулись, что хотят стать мужем и женой. Хотят постоянно мозолить друг другу глаза, рожать пищащих и писающих малышей, обрасти бытом, вместе стареть, болеть, переживать за все. Я думаю, они сейчас разбегутся.

– Нет, мы не разбежимся!

– Точно?

– Точно.

– Точно-точно?

– Да!

– Точно-точно-точнехонько?

– Воистину так.

– Ну и Все Сущее с вами. Объявляю вас мужем и женой. Можете поцеловаться. И давайте уже выпьем и закусим.

Все ринулись нас поздравлять, а потом мы прошествовали к праздничному столу. И началось празднество, какого еще не было в моей жизни! И пели, и плясали, и пускали фейерверки, и лазили на гладкий столб за связкой папайи, и звезды кружились в своем хороводе...

А когда мы с Маттео рухнули на кровать в его доме, я сказала:

– Теперь у меня есть дом.

– И муж.

– Ох, даже не верится.

– Тем не менее поверь. И покажи, где расстегивается твое платье.

Утром мы пошли завтракать и купаться в водопаде. Здесь было безлюдно, тихо (только водопад шумел), и ничто не мешало нам наслаждаться друг другом и всей этой незабываемой красотой.

Но уж если прошла одна свадьба, что бы не сыграть вторую? Вышла замуж моя сестрица. Но конечно, не за Себастьяно, а за Рутбиса. Себастьяно же остался холостяком и ленивцем, должен же быть один холостой лентяй на планете!

Но самое удивительное не это! Поженились Глоссария и жрец Окойи. Их сочетал сам мессер Софус, по-моему, слегка обалдевший от такой ситуации.

А что мне еще сказать? Маттео говорит, чтобы не слишком хвалилась, а то кто-нибудь обязательно решит захватить Нуову. Ну уж этого я не допущу.

Не зря мы с Оливией звезды.

А звезды не ошибаются.

Эпилог

Медовый месяц мы провели на корабельной верфи. Строительство первой баркентины нашей колонии занимало все время самых сильных мужчин острова. Могу сказать, что мой Маттео – самый сильный, так как после целого дня строительства и купания в реке он был полон страсти и нежности.

Оливия принялась не на шутку сочинять стихи. Она, правда, таилась, но сонет в мешке не утаишь, понятно.

В своей звездной ипостаси мы продолжали светить и отводить от своей планеты черные дыры и прочие неприятности.

Мессер Софус хранил Все Сущее, как ему и полагалось.

По утрам меня начало тошнить, и я стала солить бананы.

Но ведь это ничего страшного, верно?